

Антон Грановский Властелин видений

Гиблое место – 6

Антон Грановский Властелин видений

Пролог

Рыбалка – вещь хорошая, ежели ловить рыбу сетями или неводом. А ежели стоять в лодке с удой в руках и часами глядеть на воду – это уже получается не рыбалка, а какая-то глупость...

Мальчик вздохнул, вытер мокрую, пропахшую речной тиной руку о штаны и посмотрел на дно лодки. Прямо у его ног лежала большая берестяная сумка, а в ней – пять грузил в ивовой оплетке, запасная леса, железные сошила, ботало и распорки для сетей.

«Зачем деду сошила и распорки? – хмуро подумал мальчик. – У него и сетей-то с собой нет».

Он взглянул на старого Гореслава. Руки у деда были загорелые и сильные, совсем не такие, как у отца. Нанизывая червей на крюк, дед поучал своим сухим и трескучим голосом:

– Для жаберных сетей бери грузики из камня. Для волоковых – известняковые и глиняные.

– Да, деда, ты уже говорил, – кивнул мальчик и, незаметно для старого Гореслава, с тоскою поглядел в сторону берега.

Дед сдвинул брови:

– А ты не перебивай. Слушай да мотай на ус. Глядишь, и поумнеешь.

Старый Гореслав поправил на лесе поплавок, слаженный из большого куска сосновой коры, и хлестко забросил крючок с надетой на него гроздью дождевых червей в речную воду.

Мальчик посмотрел, как крючок и глиняный грузик уходят на дно, вздохнул и спросил:

– А почему мы ловим на уду, а не на сети?

Старый Гореслав облизнул обветренные губы, усмехнулся и сказал:

– Знаешь поговорку «Будет уда – будет и еда»?

– Мы тут уже полдня сидим, – хмуро напомнил мальчик.

Дед покосился на него насмешливыми глазами и назидательно проговорил:

– Запомни, внук: боги не прибавляют к счету времени жизни то время, которое ты провел на рыбалке.

Минуты две мальчик старательно таращился на поплавок. Сначала тот был неподвижен, а потом на него села большая разноцветная стрекоза и стала легонько раскачивать его из стороны в сторону. Мальчик зевнул. Нет, ловить рыбу удой – это всё-таки глупость. Куда веселее бить ее спицей.

Мальчик вспомнил, как на исходе прошлого лета охотился с дедом на прибрежную рыбу. Несколько вечеров подряд ходили они вдоль берега с факелом-жирником, выискивая спящих рыб. На маленьких рыб они внимания не обращали. Те приходили и уходили, порхая в рыбной полумгле, как бабочки. Об эту пору у берега всегда табунится разнорыбица. Но они с дедом искали больших брюхатых шук. «Нет на свете ничего вкуснее мяса со шучьего брюха!» – любил говаривать старик Гореслав.

Дед бил шук так ловко и метко, что любо-дорого было посмотреть. Резкий бросок – и спица хлестко вонзается в спину рыбы. После этого дед быстро и осторожно сматывает прожилину и подтягивает подбитую шуку к берегу.

«Вот это я понимаю – рыбалка!» – подумал мальчик, улыбаясь своим мыслям. Взгляд его снова упал на поплавок, и улыбка сошла с губ. Мальчик зевнул, перевел взгляд на деда и окликнул:

– Дед, а дед?

– Чего тебе? – отозвался старый Гореслав.

– А правда, что раньше ты был хорошим купцом?

– Был, – кивнул дед. – А теперь я хороший рыбак.

– А мамка с батькой говорят, что твоя рыбалка – это баловство.

Дед нахмурился и сердито проговорил:

– А ты их поменьше слушай. Батя твой – беспутный человек, проел да пропил всё, что я ему завещал.

Мальчик подумал и возразил:

– У него есть лавка на торжке.

– Есть, – согласился Гореслав. – А при мне было четыре!

Глядя на сухое морщинистое лицо деда, мальчик припомнил недавний разговор. Батя, думая, что он спит, бубнил мамке за шторкой, наминая ей живот:

– Этот старый леший Гореслав припрятал где-то золотишко. Сварогом клянусь, что припрятал!

– С чего ты взял? – постанывая, отозвалась мать.

– Он всегда меня терпеть не мог. Кабы Гордейка, мой старший брательник, не помер, всё бы ему оставил. Он и сейчас уверен, что это я Гордейку-то... того... ножичком в бок.

– Типун тебе на язык.

– А что – может, и правда я.

Батя тихо заржал.

– Типун тебе на язык... – повторила мамка хриплым голосом.

– А чего, думаешь, не смог бы? Думаешь, мне слабо?

– Тебе... о, боги, не останавливайся... нет... нет... не слабо... типун тебе...

Мамка застонала, а батя шумно вздохнул и сказал:

– Может, и впрямь зарезал. Но ты поди сперва докажи.

– Он же оставил тебе свои лавки и весь товар.

Батя зло проронил:

– А золото? Золото где?

– Да, может, и не было его – золота-то? – тихо возразила мать.

– Врешь. Было!

– Ну, и где ж оно теперь?

– А кто его знает? Может, в лесу зарыл. А может, в речке притопил.
– Так ведь стар Гореслав, скоро помрет. Пропадет тогда золото-то?
– Пропадет, – согласился батя.
– Так, может, поедешь к нему да порасспросишь?
– Скорей уж тебе расскажет. А чего – подластишься к нему, как кошка. Он хоть стар, да не немощен.

– Типун тебе на язык! Дурак!

Батя опять заржал.

– Вот разве что щенку нашему расскажет, – сказал он затем. – Они, кажись, спелись.

– Хочешь снова отправить его к Гореславу?

– А чего? И отправлю. Глядишь, и выведает.

Мальчик качнул головой, прогоняя воспоминания, затем снова взглянул на деда и негромко окликнул:

– Дед, а дед?

– Чего тебе?

– А ты правда золото зарыл?

– Какое еще золото?

– Батя, когда мамке живот мял, про золото говорил. Дескать, спрятал ты его. А еще говорил, что дядьку Гордея ножичком в бок кольнул и в овраг бросил.

Старый Гореслав дернул щекой.

– Дурак твоя батя, – сердито проговорил он. – Всегда был дураком, и помрет дураком. И ножичком он никого не колот. Кишка у твоего батьки тонка, чтобы Гордейку кольнуть.

– А за что тогда ты его не любишь? – поинтересовался мальчик.

– За дурость, – ответил дед. – И за алчность.

– А...

– Погодь. – Дед напряженно уставился на поплавок. – Кажись, клюнуло!

Поплавок взбултыхнулся, а потом резко ушел под воду. Леса натянулась.

«Крупная рыбина, – подумал мальчик взволнованно. – Ежели то не какая-нибудь коряга или недоеденная раками дохлятина, навряд ли утоплой собаки или кошки».

– Хватай сачок! – рявкнул дед.

Мальчик схватил сачок.

– Когда подведу к лодке – подцепляй!

Старый Гореслав стал помалу травить лесу, утомляя рыбу и заставляя ее выйти из глубины наверх. Мальчик, сжимая в руках сачок, в нетерпении подался вперед.

– Давай же, – взволнованно шептал он, глядя на серую речную воду, под толщей которой скрывалась огромная рыба. – Давай.

Что-то огромное и темное прошло под лодкой. Сачок задрожал в руках мальчика. Рыба и впрямь была огромная.

– Сейчас! – крикнул дед. – Готовсь!

И тут что-то ударило в борт лодки. Лодка сильно качнулась, и мальчик, выронив сачок, вцепился пальцами в борт лодки.

И снова рыба стукнулась в лодку – и на этот раз так сильно, что дед потерял равновесие, качнулся и перелетел через борт.

– Деда! – испуганно крикнул мальчик, сам едва не упав в воду.

Огромная черная тень снова пронеслась под водой. Старый Гореслав, мокрый, перепуганный, повернулся к мальчику и хотел что-то сказать и даже открыл для этого рот, но вдруг резко ушел под воду, будто кто-то дернул его за ноги.

– Деда! – Мальчик навалился животом на борт и протянул руку. – Деда!

Дед вынырнул из воды, рывком дернулся к лодке, схватился пальцами за борт и стал вытягивать свое туловище из реки. Мальчик схватил его за мокрую рубаху и изо всех сил потянул на себя. И снова огромная тень очернила воду. Сухопарое, мускулистое тело деда дернулось. Он вскрикнул, быстрым судорожным движением схватил со дна лодки

нож-косарь и, проехав по борту тощим животом, снова ушел под воду.

– Деда... – испуганно зашептал мальчик, вцепившись в край борта и вглядываясь в воду расширившимися от ужаса и горя глазами. – Деда, не помирай. Только не помирай.

Вода забурлила и окрасилась кровью.

Дед снова вынырнул.

– Помоги мне забраться! – прохрипел он.

Мальчик схватил деда за рубаху, заметив, что теперь вся она покрыта вязкими пятнами крови и ещё чего-то – склизкого, темного, страшного.

– Тяни! – прохрипел старый Гореслав.

Мальчик потянул – дед, перевалившись через борт, упал на дно лодки и хрипло перевел дух. А потом дед задышал – тяжело, шумно. Он всё дышал и дышал и никак не мог надышаться. А когда надышался, сказал:

– Уф-ф... Вот это рыбица. – Потом разжал мокрый кулак и взглянул на ладонь. – Вот леший... – удивленно проговорил он. – Чего это, а?

Широкая, мозолистая ладонь деда была испачкана кровью, а в самой серёдке лежала какая-то штукovina, маленькая, не больше цветочного лепестка.

– Откуда это, деда? – испуганно спросил мальчик, всё ещё находясь под впечатлением схватки с рыбиной.

– Видать, вырвал у рыбины из брюха, вместе с кишками, – отозвался старый Гореслав, разглядывая мерцающую штукovину.

Вдруг штукovina засияла.

– Деда... – пробормотал, замороженно глядя на нее, мальчик.

А она разгоралась всё ярче и ярче. Свет охватывал всё вокруг. Дед уселся в лодке и уставился на штукovину расширившимися глазами. На губах его вдруг заиграла улыбка.

– О, боги... – зашептал он морщинистыми губами. – О, боги...

Он стал подниматься на ноги, не сводя глаз со сверкающей штукovины. А поднявшись, вскинул вдруг над головой руки и крикнул:

– Да прольется дождь!

И вдруг всё засверкало и заискрилось вокруг, а с неба прямо в лодку посыпались крошечные золотые монетки. Дед засмеялся. Потом оглядел кучу золота, лежащую в лодке, и весело сказал:

– Ну, пока хватит!

Дождь прекратился.

– Ну? – усмехнулся старый Гореслав, глядя на мальчика. – Каково?

– Здорово, деда! – восторженно откликнулся мальчик.

Он протянул руку к золоту, но дед вдруг хлопнул его ладонью по руке.

– Охолони! Не твоё – не лезь!

Он повернулся к золоту, отгораживая его от мальчика спиной, нагнулся и стал сгребать его пригоршнями в кучу, приговаривая:

– Моё золото-то... Моё...

Мальчика вдруг обуяли ярость и обида. За что вот так? Ведь золото упало с неба! А стало быть – оно общее и ничьё!

– Щенок... – продолжал бормотать старый Гореслав, всё сгребая и сгребая золото. – Весь в батьку... Козлиное племя... Всегда знал, что Лесана его от обувщика Мойши-жидовина прижила... Потаскуха...

Мальчик сам не заметил, как снял с уключины весло. Оно было тяжелое и мокрое.

– Деда, – позвал он, подрагивая от волнения, обиды и ярости. – Деда!

– Ась! – Дед повернулся, и в это мгновение широкая, мокрая лопасть весла врезалась ему в лицо.

Дед шатнулся в сторону, повалился через борт и рухнул в воду. Темная вода реки сомкнулась у него над головой.

Несколько секунд мальчик стоял неподвижно, сжимая в руках весло и изумленно глядя

на воду. Потом швырнул весло в лодку и метнулся к борту.

– Деда! – в ужасе крикнул он. – Деда, нет!

Но звать было поздно – старый Гореслав отправился на дно кормить рыб, лишь легкое облачко крови из разбитой головы вспорхнуло на поверхность и расплзлось по воде багровым, пузырчатым пятном.

Мальчик опустил в лодку, закрыл лицо ладонями и зарыдал. Он плакал долго и безутешно, всхлипывая и то и дело повторяя: «Деда, нет... Деда». Когда же, наконец, мальчик отнял ладони от лица и посмотрел на дно лодки, никакого золота там уже не было. Лишь лежала среди разбросанных крючков и грузиков оброненная дедом штуковина. Маленькая, мерцающая и переливающаяся всеми цветами радуга.

«Возьми меня! – будто бы говорила она. – Ну же – возьми!»

Мальчик вытер ладонью мокрые глаза, чуть-чуть поколебался, а затем, не в силах противиться тихому зову, протянул руку к штуковине...

Глава первая В подземелье

1

Хорошее место спортбар. Даже днем. Народу мало, цены божеские, еда – тоже ничего себе. Бизнес-ланч – 190 рублей. Грибной суп-пюре, свиной шашлык, салатик. Красота!

«Не знаю, как кому, а мне нравится», – думал Глеб, с удовольствием уминая ароматное, хорошо прожаренное мясо.

Катя Королькова, похоже, была не в особом восторге от заведения. Не морщилась, конечно, но всем своим видом показывала, что, дескать, «это всё хорошо, но из другой оперы». Понтует, ясное дело. А сама обожает загородные пикники – с одноразовыми тарелочками, подгоревшим на костре мясом и пакетным вином из пластиковых стаканчиков.

Проглотив мясо и запив его минералкой, Глеб откинулся на спинку стула и блаженно проговорил:

– Лепота... Как всё-таки хорошо быть дома.

– Дома? – Катя вскинула аккуратные бровки. – Орлов, ты что, сбрендил? Ты же в ресторане.

– Я имел в виду не квартиру, а...

– А что?

Глеб усмехнулся:

– Москва, начало двадцать первого века – вот мой дом.

Глаза Кати насмешливо заискрились.

– Большой у тебя дом, Орлуша. Продашь комнатку со скидкой?

– Легко! С видом на вечность. – Глеб посмотрел на Катю мягким взглядом и с улыбкой проговорил: – Ох, Катюха, как же я рад тебя видеть!

Катя усмехнулась, аккуратно промокнула уголки губ салфеткой и иронично заметила:

– Ты точно перегрелся в солярии.

Глеб покачал головой:

– Это не солярий. Это солнце надежд и ветер перемен. Они прокоптили и выдубили мою кожу.

– Бла-бла-бла. Кстати, прочитала твою статью про новый мультиплекс «Романов».

– И как?

– Честно, без обид?

Глеб кивнул:

– Угу.

– Жесть! Романов тебя теперь точно закопает.

– Кто кого закопает – это ещё вопрос. Романов сегодня есть, а завтра нет. А

журналистика жива всегда.

Глеб нанизал на вилку последний кусочек шашлыка и с торжественным видом отправил его в рот. Катя посмотрела на его напыщенную физиономию и засмеялась.

– Когда накроешь поляну? – посмеиваясь, спросила она.

– Поляну? Это в честь чего же?

– Конкуренты Романова тебе наверняка отстегнули кучу зелени. Или я не права?

Глеб сделал возмущенное лицо.

– Что ты! Я честный парень.

– Кто спорит. Так когда банкет? Мы с Фенделем сегодня это уже обсуждали и решили, что ты должен сводить нас в «Причал».

Глеб засмеялся.

– Ну, вы и волки! О'кей, «Причал» так «Причал»!

Глеб допил минералку, поставил стакан на стол и слегка поежился от тепла и уюта. Господи, он так давно отвык от уюта. Хотя...

Он слегка тряхнул головой.

Что за глупые мысли? Когда это он успел отвыкнуть? Ах да! Он ведь был в аномальной зоне под названием «Гиблое место». Старик Бахтияр водил его в лес. Там Глеб выдул бутылку коньяка и... При воспоминании о том, что было дальше, Глеб слегка поморщился. Кажется, коньяк оказался палёным. Даром что «Кутузов». Чудо одноглазое!

Глеб снова взглянул на Катю. Темная челка, серые глаза, нежный овал лица, изящные руки. А ведь она ничего. Даже красивая. Как это он раньше не замечал?..

Глеб усмехнулся: да замечал, конечно. Но как-то так получилось, что они сразу стали друзьями. Как говорится, «минуя стадию постели».

А может, зря?

Глеб еще пристальнее взгляделся в лицо Кати. Встретившись с ним глазами, Катя нахмурилась и спросила:

– Ты чего, Орлуша?

– Ничего. Любуюсь.

– Издеваешься? – Катя тронула пальцами верхнюю губу. – У меня что-то на губе? Или на щеке? Ну, говори же, не томи!

– Да всё с тобой в порядке. Просто я подумал... – Глеб чуть прищурился. – Слушай, а может, ну его, этого Фенделя? Посидим вдвоем. Нет, правда: я уже давно собирался пригласить тебя куда-нибудь на ужин.

Несколько секунд Катя с удивлением смотрела на Глеба, потом хмыкнула и сказала:

– Говоришь, ветер перемен? А этот ветер перемен не выдул тебе последние мозги?

– А что такого-то? Ты привлекательна, я – чертовски привлекателен. Кое-кто считает, что мы с тобой неплохо смотримся вместе.

Глеб чуть нагнулся вперед, протянул руку и накрыл ладонью пальцы Кати. Она слегка покраснела и попыталась высвободить руку, но Глеб не дал.

– Так как ты на это смотришь? – спросил он, продолжая разглядывать Катю.

Она слегка поежилась под его взглядом и недовольно проговорила:

– Орлуша, такими вещами не шутят.

– А я и не шучу, – мягко возразил Глеб. – Я на полном серьёзе. Пошли куда-нибудь сходим вечером. Выбор заведения за тобой.

Катя взволнованно облизнула губы кончиком языка.

– А как же твоя новая пассия из бутика «Роз-Марин»? – тихо спросила она.

– Я уже отправил ее в отставку.

– За что это?

Глеб усмехнулся:

– За нарушение субординации. Она, видите ли, не любит, когда я курю в постели.

Катя тряхнула головой, словно прогоняла затмившую на мгновение глаза пелену, и снова взглянула на Глеба насмешливо.

– Дурак ты, Орлуша. Дурак и не лечишься.
– Почему?
– Когда приглашаешь девушку на свидание, нельзя говорить с ней о другой девушке. Тем более о той, которой ты «дал отставку».

Глеб нахмурился:

– Королькова, брось понтоваться. Мы же с тобой старые боевые товарищи.

– Вот как? Это в таком качестве ты приглашаешь меня в ресторан?

Глеб поморщился:

– Кать, опять ты.

Несколько секунд Катя вглядывалась в его лицо, потом вздохнула и сказала:

– Нет, Орлов. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы ложиться с тобой в постель. Был бы ты приличный парень, а ты... – Она не закончила фразу и потянулась за соком.

– Ну, и кто же я? – прищурился Глеб. – Договаривай.

– Ты? – Катя пожала плечами. – Ты сукин сын.

Глеб усмехнулся.

– Не слишком-то лестно.

– Зато правда.

Некоторое время Глеб сидел молча, исподлобья поглядывая на Катю. Потом сдвинул брови и сердито проговорил:

– Нам принесут когда-нибудь кофе? Эй, официант! У вас там что, тихий час?

– Перестань, – зашипела на него Катя. – Ты чего такой бешеный?

– Да ничего. Просто не люблю нерасторопных официантов. Набирают по объявлениям...

От стойки отделился официант в желтой футболке с красным логотипом бара. В руке он нес поднос с двумя чашками кофе.

– Ну, наконец-то, – ухмыльнулся Глеб. – Дождется он у меня чаевых, как же.

Официант подошел к столику и уже хотел поставить белые чашки с кофе на стол, но вдруг обо что-то споткнулся. Одна из чашек повалилась набок, и горячий ароматный напиток выплеснулся Глебу прямо на рукав пиджака.

– Ш-ш-ш! – зашипел Глеб и затряс рукой. – О, боги! Какого хрена ты делаешь, приятель!

– Простите, – пролепетал официант. – Я всё вытру.

– Да уйди ты! – Глеб оттолкнул официанта локтем и задрал промокший рукав пиджака и водолазки, чтобы оценить масштаб разрушений. На предплечье красовалось красное пятно ожога. Но не это заставило сердце Глеба сжаться от испуга и внезапного приступа тоски. Чуть выше пятна от ожога на предплечье красовались узкие белесые шрамы. Их было шесть.

– О, боги... – прошептал Глеб и медленно поднял взгляд на официанта.

Сверху на него смотрела безобразная рожа упыря. Упырь отшвырнул поднос и, выставив желтые когти, бросился на Глеба.

– Нет! – закричал Орлов – и проснулся.

2

Вокруг был полумрак, лишь чуть-чуть подсвеченный бледным светом, льющим в крохотный квадрат окна под потолком. Плотный утопанный земляной пол, покрытый полусгнившей соломой, по углам – светлая наледь, прямо перед глазами – железные прутья клетки.

До боли знакомый интерьер. Перед клеткой в земле – черная воронка, что-то вроде сточной ямы.

Руки Глеба были скованы, а от оков к железному кольцу в стене вела цепочка. Всё ещё сонно моргая глазами, Глеб машинально подергал цепочку, проверяя кольцо на прочность.

– Исчезли, как дым, дни мои, и кости мои обожжены, как головня, – услышал он рядом негромкий старческий голос. – Не сплю я и сижу, словно одинокая птица на кровле. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами. Дни мои – будто уклоняющаяся тень...

Глеб повернул голову на голос и увидел за прутьями решетки узника. Это был длиннорылый старец-богомлец, одетый в сильно заношенный сермяжный кафтан.

Глеб приподнялся на соломе и потер ладонью затекшее плечо.

– Давно я тут? – спросил он у старика.

– С утра, – ответил тот.

– А сейчас что?

– Часа три пополудни.

Глеб поднялся на ноги и сделал несколько резких движений, разгоняя кровь по озябшему, окостеневшему телу. Рана от ядовитой стрелы чуть побаливала – впрочем, серьезной она не была. Сонное зелье. Его просто хотели усыпить. И, судя по всему, у них это получилось.

А кто такие эти «они»?...

Продолжая разогреваться, Глеб задумчиво нахмурился. Последнее, что он помнил, это лесную дорогу и перепутье... День был хороший, солнечный, и настроение у Глеба было приподнятое. Ну, конечно, приподнятое. Ведь он возвращался из Гиблого места. Целым и невредимым!

А потом? Что было потом? Кто пустил в него отравленную стрелу?

Глеб напряг память. Чёрт возьми, да откуда же он может знать, кто пустил в него стрелу?! Ублюдки напали сзади. Вероятней всего, засели в вересовых кустах – близ распутия этих кустов много, целые заросли.

Перед клетками кто-то зашевелился и засопел. Только сейчас Глеб увидел, что у темного прохода, в углу, сидит на лавке охоронец. В броне, в шеломе, с кинжалом на боку. Сидит, опершись руками и щекой на бердыш, и дремлет, прищепывая толстыми губами.

Глеб вновь взглянул на клетку старика. Теперь он заметил еще двух узников. Один, крупный, чернорылый, лежал на соломе, кверху лицом, и негромко похрапывал во сне. Второй сидел в дальнем углу клетки, и лица его Глеб не разглядел.

– Кто твои соседи? – спросил Глеб у богомольца.

– Этот вот... – богомolec кивнул на человека, сидевшего в дальнем углу клетки, – ...Толмач. А тот, что спит, разбойник.

– Разбойник? Не повезло тебе с соседством, старик.

Богомolec посмотрел на спящего чернорылого мужика и улыбнулся.

– Да нет, он добрый. Уставший только. Его уже два дня пытаются. Зубы выбили, ногу перешибли. Крест вон на груди выжгли.

– Крест? – удивился Глеб. – Он что, христианин?

Богомolec качнул головой.

– Нет. Он из ваших, язычников.

– А зачем тогда крест?

– Готовили для меня. Да я, вишь, стар и немощен. А дрова на разогрев уже потратили. Вот и пригнали его – не пропадать же добру.

Глеб усмехнулся:

– Бережливые, гады. – Он снова поежился и принялся растирать ладонями цепенеющие от холода бока, тихонько напевая:

Нам разум дал
Стальные руки-крылья,
А вместо сердца –
Пламенный мотор...

– Эй, полонец! – пробасил из своего угла верзила в броне. – Заткни хавало, пока я тебе

зубы не пересчитал.

Глеб глянул на него с недобрым прищуром и холодно поинтересовался:

– Ты считать-то умеешь, валенок?

– Чтоб тебе зубы пересчитать, у меня счета хватит, – отозвался верзила-охоронец. – Не высовывайся, Первоход. У меня приказ: ежели что – ломать тебе ноги и руки.

Богомолец взглянул на Глеба удивленно.

– Так ты тот самый Первоход? Слышал я, за твою голову назначена большая награда.

– Судя по тому, что я здесь, кто-то её уже получил, – мрачно проговорил Глеб.

– Ты заткнешься, смерд? – снова прорычал охоронец. – Или переломать тебе кости?

– Иди и попробуй, – сказал Глеб. – И бердыш свой не забудь. Будет что вбить тебе в глотку.

Охоронец, сжав в руках бердыш, стал угрожающе подниматься с лавки. Старик посмотрел на него и испуганно пробормотал:

– Первоход, не стоит тебе с ним пререка...

Вдруг невидимая во мраке дверь с лязгом открылась. Охоронец вскинул голову и грозно окликнул во тьму:

– Кто там еще?

– Чего раскукарекался, лапоть! – последовал жесткий ответ. – Это я, тетка Новожила. Меня княгиня прислала.

Из тьмы выплыла худенькая старушенция, закутанная в платы и телогрейки.

Охоронец поднялся с лавки и хотел встать у нее на пути, но старушенция, не церемонясь, отпихнула его тощей, сильной рукой и прошла к железным прутьям клетки.

– Куды?! – зарычал ей вслед охоронец.

– Отвар ему целебный принесла, куды. По князьему указу. Он твою дурью башку от Голяди спас, а ты кукарекаешь. Будешь мешаться, всё расскажу княгине!

Только сейчас Глеб разглядел в руках у старушки глиняную крынку.

– Этого полонца не велено поить, – угрюмо проговорил охоронец.

– Да ну? – усмехнулась старуха. – А кто ж меня тогда сюды пустил?

Охоронец поскреб пятерней в затылке, сдвинув шлем на лоб и сказал:

– Я не знаю.

– Вот то-то и оно, что не знаешь. Ступай в свой угол и не путайся под ногами.

Старуха взяла лавочку и поставила ее у клетки. Затем уселась и протянула Глебу крынку.

– Пей, полонец.

Глеб взял крынку, аккуратно пронес ее меж прутьев решетки, поднес ко рту, отхлебнул отвар и поморщился.

– Что за дрянь!

Он протянул крынку обратно старухе.

– До дна пей, – строго сказала она.

– Тебе надо, ты и пей.

Старуха сдвинул брови.

– Выпьешь до дна – увидишь добра, а не выпьешь до дна – не видать тебе добра. Ну!

Глеб готов был поклясться, что старуха ему лукаво подмигнула. Что это значило, он не понял, но снова поднес крынку к губам.

Глоток... Еще глоток... И еще...

Что-то легонько стукнуло Глеба по губам. Он отнял крынку ото рта и, покосившись на охоронца, сердито грызущего ногти у кирпичной стены, запустил пальцы в крынку.

Старуха одобрительно кивнула и тоже быстро глянула на охоронца. Тот по-прежнему был занят своими ногтями.

Глеб достал из крынки кольцо с двумя ключикам и вопросительно посмотрел на старуху.

– Княгиня велела тебе передать... – проговорила та, сделав упор на слове «передать». –

...Чтобы ты не сопротивлялся. Расскажи, где утопил громовые посохи, и ступай на все четыре стороны.

Глеб быстро сунул кольцо с ключами в карман охотничьей куртки. Старуха поднялась с лавки.

– Что княгине-то сказать? – спросила она. – Будешь говорить али нет?

– Скажи, что подумаю, – ответил Глеб. – А за отвар спасибо.

Старушка усмехнулась, снова – и на этот раз совершенно явно – подмигнула Глебу морщинистым веком, повернулась и засемила прочь. Дождавшись, пока за ней с лязгом захлопнулась тяжелая дверь, Глеб окликнул охоронца:

– Эй, халдей, крынку заberi!

Охоронец поднялся с лавки, подошел к клетке и молча забрал крынку. Потом вернулся на свою лавку, воткнул в землю бердыш и зевнул.

Дождавшись, пока охоронец снова задремлет, Глеб осторожно вынул ключи из кармана. Перво-наперво нужно было расстегнуть оковы. Тот ключик, что поменьше, должен подойти. Глеб извернулся, пытаясь дотянуться до замочной скважины на стыке железных оков... Вот так... Ещё чуть-чуть.

– Эй, Первоход! – окликнул его старик-богомolec.

Глеб вздрогнул и выронил ключи. Нагнулся, чтобы поднять, но ключей на полу не обнаружил. Зато обнаружил черную щель, из которой сквозило холодом. Вероятно, в ту щель ключи и улетели.

– Твою мать... – с досадой проронил Глеб.

Невидимая дверь снова скрипнула во мраке, и сиплый голос произнес:

– Хвач, тащи Первохода к дознавателю!

Дверь захлопнулась. Охоронец глянул на Глеба и ощерил зубы в усмешке.

– А вот и по твою душу пришли, Первоход. Ежели не расскажешь кату, где утопил огневые посохи, он тебе пятки на живом огне изжарит. То-то будет зрелище!

Поднявшись с лавки, охоронец направился к клетке. Сдвинул засов, откинул зарешеченное окошко и приказал:

– Просунь сюды руки.

Глеб просунул. Охоронец свинтил с оков гайку, вынул болт и сбросил цепочку на пол. В то же мгновение Глеб резко высунул руки вперед и схватил охоронца за мотню.

Охоронец вытянулся в струну. Глянув на Глеба налившимися кровью глазами, он сдавленно просипел:

– Ты чего... Чего делаешь-то?

– Одно резкое движение, и ты евнух, – сказал Глеб. – Знаешь, что такое евнух?

– Нет... – сипло выдохнул охоронец.

– Будешь дергаться – узнаешь. Сними с пояса ключи.

Охоронец, поскуливая от боли, подчинился.

– Вот так, – кивнул Глеб. – А теперь отопри клетку. И потише лязгай замком.

Охоронец сунул ключ в замочную скважину. Щелчок. Ещё один. Дверца приоткрылась. Глеб выпустил охоронца и быстро выскользнул из клетки.

Взревев от ярости, охоронец выхватил из ножен меч, но воспользоваться им не успел – Глеб резко ударил его кулаком в горло, и верзила рухнул на пол.

Глеб поднял с земли меч и зашагал к лестнице.

– Эй! – окликнул его из клетки хриловатый голос.

Глеб обернулся. Чернобородый разбойник, обхватив ручищами железные прутья, приник к решетке и смотрел на Глеба.

– Может, и нас с собой прихватишь?

Глеб остановился и замер в нерешительности.

– Ну же! – поторопил его чернобородый.

Глеб подошел к клетке, нашел нужный ключ, отпер замок и распахнул скрипучую дверь.

– Да возблагодарят тебя боги, парень! – довольным голосом выдохнул чернобородый и вышел из клетки.

За ним последовал старик. А за стариком – третий узник. При свете факела стало видно, что на вид ему лет двадцать пять. Смуглая кожа, тонкий нос. Волосы – черные, как смоль, и вьющиеся, схваченные сзади лентой. Бородка и усы ухоженные. Одет парень в иноземный, сильно заношенный камзол. Поклонившись Глебу, он мягко проговорил:

– Благодарю вас, добрый сеньор.

– Сеньор? Ты иноземец?

– Да. Но живу в Хлынь-граде уже много лет.

Парень хотел еще что-то добавить, но Глеб перебил:

– Ладно, после поговорим.

Шагая к двери, Глеб заметил, что иноземец нагнулся и быстро вынул из-за пояса охоронца кинжал.

3

– Держитесь за мной, – обронил Глеб через плечо, крепко сжимая в руке меч. – Я выйду первым. Когда позову – выходите и вы.

Чернобородый разбойник, старик и иноземец кивнули.

Глеб резко распахнул дверь и вышел из подземелья. Ему хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию. Большая полутемная комната. Справа – глубокая ниша в стене, отгороженная железной вертикальной решеткой, острые концы которой отстоят от потолка примерно на полтора локтя.

Слева – небольшое тусклое окно. Рядом с ним – дубовый столик-крепыш, а за столом – тоже крепыш, но уже человек, мордатый, с клочковатой русой бородой, в кольчуге и в шеломе.

Еще один охоронец стоял у дальней двери, до которой было сажени четыре. Между крепышом и вторым охоронцем сидели на полу два черных пса, похожие на немецких овчарок. Цепочки вели от ошейников к кольцам, вмурованным в стену.

Всё это Глеб заметил за секунду, а в следующую секунду он уже ринулся вперед, сжимая в руке меч.

– Беглецы! – крикнул крепыш, выхватывая из ножен меч. – Драг, бежи к начальнику, подымай тревогу!

Второй охоронец кивнул и взялся за дверную ручку. Однако распахнуть дверь он не успел – Глеб взмахнул рукой, и меч, просвистев в воздухе, вонзился охоронцу в плечо, пробив его насквозь и пригвоздив охоронца к толстой дубовой верее. Тот вскрикнул и обвис на мече, потеряв сознание от боли.

Крепыш вскочил с лавки, ощерил в ухмылке большие белые зубы и торжествующе изрек:

– Теперь ты без меча, паря!

Псы за спиной крепыша-охоронца вскочили на лапы и угрожающе зарычали. Охоронец сделал вид, что нападает на Глеба, но вдруг резко развернулся, шагнул к псам и одним мощным ударом меча перерубил цепи.

– Вовк, Чича, куси! – хрипло крикнул он и быстро отошел в сторону, освобождая рассвирепевшим псам место для битвы.

Овчарки черными молниями ринулись на Первохода. Глеб шагнул навстречу первому псу и резко пнул его сапогом в грудь. В груди у пса что-то хрустнуло, и он, громко заскулив, грохнулся на пол.

Увернувшись от лязгнувших клыков второго пса, Глеб схватил его за шиворот, рывком поднял в воздух и, подцепив второй рукой за хвост, перебросил через острые железные прутья решетки. Пес брякнулся на пол ниши и с лаем бросился на решетку. Глеб повернулся к первому псу, который уже поднялся с пола, и ударом кулака отправил его в нокаут.

Крепыш-охоронец чуть повернул голову, оценивая расстояние до двери, затем снова взглянул на Глеба и с холодной усмешкой проронил:

– Ловко ты с ними.

Глеб, ни слова не говоря, ринулся на охоронца и поднырнул под клинок. Меч, тускло блеснув, со свистом рассек воздух у него над головой. Глеб схватил крепыша за ноги и резко дернул на себя. Охоронец с грохотом повалился на пол. Не позволяя охоронцу прийти в себя, Глеб прыгнул на него сверху, обхватил шею руками и сдавил сонную артерию, перекрывая доступ кислорода в мозг. Секунда-другая, и голова охоронца безжизненно свесилась набок.

Глеб поднялся на ноги и вытер рукою потный лоб.

Уцелевший пёс за решеткой надрывался от лая. Глеб погрозил ему кулаком, оборотился к приоткрытой двери и позвал:

– Выходите!

Богомолец, чернобородый разбойник и парень-иноземец вышли из подземелья. Чернобородый взглянул на поверженных охоронцев и изумленно спросил:

– Как это ты их?

– Молча, – ответил Глеб, поднимая с пола меч охоронца.

Острая боль пронзила поясницу Глеба, он выронил меч и уперся в пол руками.

– Ты чего, Первоход? – окликнул его чернобородый.

– Кажется... спину сорвал, – хрипло отозвался Глеб. – Когда швырял пса.

– Я подсоблю. – Чернобородый нагнулся, обхватил Глеба рукой за пояс и помог ему встать на ноги.

– Сможешь идти?

– Да... Наверное.

– Если что – держись за меня.

Пока чернобородый разбойник и парень-иноземец помогали Глебу подняться, старик стоял у двери с белым лицом и, крестясь на покойников, что-то тихо бормотал себе под нос.

Убедившись, что Глеб крепко стоит на ногах, чернобородый разбойник подошел ко второму охоронцу и вынул у него из ножен короткий меч отличной франкской работы. Парень-иноземец вооружился еще одним кинжалом.

«Коллекционирует он их, что ли?» – с хмурой усмешкой подумал Глеб. А вслух сказал:

– Меч был бы полезнее.

– Благодарю вас, но кинжалами я управляюсь лучше, – вежливо отозвался иноземец. – Из них легче составить животворящий крест.

– Крест? – насторожился старик.

– Да, крест. Символ страданий Спасителя нашего, Иисуса Христа, благодетеля и страстотерпца.

Парень перекрестился кинжалом, словно это было распятие.

«Везет мне на чудаков», – подумал Глеб. Сжимая меч в руке и поморщиваясь от боли, он двинулся вперед.

4

Не следовало этого делать. Конечно же, не следовало. Врываться в зал, полный охоронцев, было не просто глупо, но самоубийственно глупо. Но путь к свободе вёл через этот зал, и другого пути не было.

Глеб слегка приоткрыл дверь, глянул в зал и снова быстро прикрыл ее.

– Там полно охоронцев, – сказал он своим спутникам. – Если мы пойдем туда, то, скорее всего, погибнем.

– Если мы вернемся, мы тоже погибнем, – тихо возразил ему парень-иноземец.

– Ну, значит, и думать не о чем.

Глеб вновь взялся за железное кольцо и резко потянул его на себя.

Этот зал был больше первого раза в два. Никаких собак, никаких клеток. Только

охранцы. Много охранцев. Здесь было что-то вроде «комнаты отдыха». Одни охранцы играли в кости, другие дремали на лавках, третьи пили сбитень из толстых деревянных кружек и о чем-то яростно спорили. На одной из стен Глеб увидел свою кобуру с торчащим из нее деревянным прикладом.

Заслышав скрип двери, все обернулись и уставились на беглецов. Затем быстро вскочили на ноги и выхватили из ножен мечи.

Самый мощный и пожилой из охранцев шагнул вперед и, свирепо усмехнувшись, осведомился:

- Далеко собрались, голубчики?
- Да вот, решили прогуляться, – ответил ему Глеб.
- Прогуляться? А чего ж нас не позвали? Мы бы тоже с вами прогулялись.
- Не хотели вас беспокоить.

Глеб окинул ратников цепким, оценивающим взглядом. Их было девятéro. Все в кольчугах и шеломах. В руках – мечи, у стены – двуострые бердыши. Бежать или звать на помощь они не собирались. Наоборот – стояли и ухмылялись. Должно быть, были рады представившейся возможности пустить узникам кровь.

– Уйдите с дороги, охранцы, – сказал им Глеб. – Я не хочу вас убивать, но если вы не оставите мне выбора, я это сделаю.

Ратники заушмылялись ещё шире.

– Ты не в Гиблом месте, ходок, – с ледяной усмешкой возразил пожилой охранец. – Здесь – наша вотчина. Если не хотите, чтоб мы выпустили вам кишки, бросайте мечи и топайте обратно в клетки.

– Простите, сеньор, но мы туда не вернемся, – сказал парень-иноземец, становясь рядом с Глебом и сжимая в руках кинжалы. – Холодные полы губительны для мужского здоровья, сударь. А я еще надеюсь когда-нибудь обзавестись семьей и детьми.

Пожилой ратник сделал знак другим охранцам, и они быстро растянулись в каре, перекрывая беглецам дорогу к выходу.

Больше Глеб не медлил. Молниеносно бросившись вперед, он взмахнул мечом. Узкий клинок, полыхнув в свете смоляного факела, обрушился на голову ближайшему охранцу. Тот успел лишь слегка приподнять свой меч и тут же рухнул на пол с разбитой головой. Глеб быстро повернулся к другому и скрестил с ним мечи.

Чернобородый разбойник и парень-иноземец бросились на подмогу Глебу.

Выбив из руки противника меч, Глеб врезал ему сапогом в пах. Второму точным, быстрым ударом клинка он перебил руку чуть повыше локтя и довершил дело, ударив охранца гардой меча в лицо. Третьему разбил голоменью голову. Четвертому перебил ноги, а пятого сшиб с ног, ударив его мечом в грудь.

Глеб остановился и перевел дух. Битва была выиграна. Двоих охранцев исполосовал своими кинжалами парень-иноземец. Еще одного зарубил мечом чернобородый разбойник.

Глеб вытер рукавом потный лоб, взглянул на иноземца и сухо осведомился:

– Где ты научился махать кинжалами?

Тот едва заметно усмехнулся и ответил:

– Нашлись учителя. Как ваша спина, сударь?

– Жить буду. – Глеб шагнул к стене, снял с гвоздя кобуру с ольстрой и закинул ее на плечо. Затем подхватил со стола свою бензиновую зажигалку, которую кто-то из охранцев поставил на кон.

– Пора двигаться дальше, – сказал он и зашагал к выходу.

5

Когда четверо беглецов остановились в лесу, в пяти верстах от городской стены и в трех верстах от большака, небо уже выцвело и потемнело.

Укрывшись за деревьями, беглецы расположились на поваленных бревнах. Глеб сгреб

сапогом в кучу хворост и сухие листья и разжег костерок. Затем откинулся спиной на ствол дерева и блаженно вытянул усталые ноги.

Смутлокожий парень-иноземец сидел чуть в стороне от всех, тихонько что-то насвистывая и тщательно протирая травой трофейные кинжалы.

Богомолец дышал часто и хрипло. Побег дался ему нелегко. Он то и дело начинал кашлять, и Глебу показалось, что с мокротой изо рта у него вылетают капельки крови.

– Старик, ты как? – тихо спросил он.

Богомолец немного помолчал, затем ответил – хрипло, сдавленно:

– Ты оставил за спиной много убитых, Первоход.

– Гораздо меньше, чем кажется, – сказал на это Глеб. – И гораздо меньше, чем мог бы.

Старик хрипло вздохнул:

– Много в тебе злобы, Первоход. Это потому что без Христа в душе живешь. Не веришь ни в богов, ни в людей. Только в свои силы веришь.

– И что же тут плохого?

– Не выдержишь, сломаешься. Не сейчас, так завтра, не завтра, так послезавтра. Нельзя человеку одному. Никак нельзя.

Старик снова закашлялся. Глеб перевел взгляд на смазливого чужестранца.

– Кто ты, откуда приехал и что делаешь в Хлынь-граде? – спросил он.

Иноземец аккуратно вложил очищенные кинжалы в ножны, поднял взгляд на Глеба и ответил мягким, будто воркующим, голосом:

– Я толмач. Зовут меня Раймондо, но можно просто Рамон или Мондо. А приехал я из Королевства Италия. Один богатый купец позвал меня в учителя.

Глеб удивленно приподнял бровь.

– Купец пожелал обучиться языкам?

– Не он. Его дочь.

– Вот оно что. И как же ты оказался в темнице?

– Я прожил в семье купца полгода. А потом его дочь неожиданно забеременела. Купец почему-то подумал, что во всем виноват я. – Парень вздохнул и горестно добавил: – Воистину, люди так часто несправедливы в суждениях своих.

Глеб усмехнулся:

– Так ты не виноват?

– Я бы никогда не посмел. Прелюбодеяние – страшный грех. А я – богобоязненный католик.

– Будь я отцом той девицы, я бы связал тебя по рукам и ногам и бросил в гиблую чащобу, – сказал Глеб.

– И были бы правы, – неожиданно признал Рамон. – Каждый из нас хоть в чём-нибудь да виноват, и все мы – глубокие грешники. Пусть Господь пошлет нам раскаяние. – Парень поднял глаза к небу и перекрестился на католический манер. Затем, давая понять, что тема исчерпана, достал из тайного кармашка маленький серебряный гребешок и принялся тщательно расчесывать свои ухоженные черные усы.

Глеб перевел взгляд на чернобородого.

– Ну а ты, борода? Ты правда разбойник?

– Я-то? – Чернобородый беглец поворошил костерок сучковатой палкой, усмехнулся и сказал: – Для кого как.

– Значит, я помог сбежать из темницы разбойнику, – констатировал Глеб. – Отлично, ничего не скажешь.

Чернобородый глянул на Глеба черными, блестящими глазами и осведомился:

– Тебя это тревожит?

– Не особо, – ответил Глеб. – Головорезом меньше, головорезом больше. Прибьешь одного разбойника, на смену ему тут же приходят трое. И с этим, похоже, ничего не поделать.

– Я не нравлюсь тебе и понимаю, за что, – сказал чернобородый. – Ты мне тоже не

нравишься. Но ты помог мне выбраться из подземелья. Поэтому знай: ежели тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, я...

– Прямо как в романах, – усмехнулся Глеб. – Может, ты еще исповедаешься богомольцу? Это было бы забавно.

– Позвольте и мне поблагодарить вас, – сказал иноземец Рамон, глядя на Глеба черными, туманными глазами. – Если когда-нибудь вам понадобится человек, отлично владеющий ножами, я, Рамон Гандольфини, сын Гандольфини-красивого, всегда к вашим услугам.

– Ты слишком изысканно выражаешься, – ответил ему Глеб. – На нашем языке так не принято. Но за предложение спасибо. Если я захочу почистить рыбу или разделать курицу, я обязательно позову тебя.

Толмач улыбнулся и протянул Глебу серебряный гребешок.

– Сударь, у меня нет ничего, чем я мог бы отблагодарить вас, но сделайте милость – примите от меня в дар эту безделицу.

Глеб, по собственному опыту зная, что иногда легче принять бесполезный дар, чем объяснить, почему он тебе не нужен, молча взял гребешок и сунул его в карман. Затем поднялся с бревна, поправил на поясе ножны с мечом, сдвинул за спину кобуру и одернул плащ.

– Мне пора, – сказал он. – Тебе, толмач, лучше убраться из города подальше. А ты, разбойник, лучше не попадайся больше у меня на пути. Прощайте.

Он повернулся и зашагал к большаку.

Чернобородый и толмач смотрели Первоходу вслед, пока тот не скрылся за деревьями.

– Этот парень ходил в Гиблое место чаще любого другого ходака, – задумчиво произнес толмач. – Говорят, он в одиночку истребил всех нелюдей.

– Говорят, в Топлеве кур доят, – съязвил чернобородый. – Люди много чего врут.

– Это правда, – согласился Рамон. – Что ж, пожалуй, мне тоже пора откланяться. Рад был с вами познакомиться, сеньоры. И благодарю вас за помощь.

Он встал с бревна, поклонился, сделав замысловатый реверанс, а затем повернулся, чтобы идти.

– Эй, парень, – окликнул его чернобородый. – Может, поделишься кинжалом? Зачем тебе два?

Рамон взглянул на него, мягко улыбнулся и проговорил смиренным голосом:

– Я христианин. Мои два кинжала – это две перекладины на кресте Господнем. Сам видишь, что я не могу отдать их тебе. Разве что ты попытаешься забрать их у меня силой?

Несколько мгновений разбойник и толмач смотрели друг другу в глаза. Первым отвел взгляд разбойник.

– Я так и думал, – кивнул Рамон. – Ты добрый человек и не станешь обижать беспомощного иноземца. Прощайте, друзья. Пусть Господь поможет вам.

Через несколько секунд толмач скрылся за деревьями.

– Темный он какой-то, этот толмач, – недовольно заметил разбойник, обращаясь к старику. – Видал, как он расчесывался? Прямо, как девка перед свиданием. Вот леший, а костерок-то наш совсем погас!

Разбойник встал с бревна, подобрал несколько сухих валежин и швырнул в костер. Выждал, пока пламя разгорится ярче, покосился на богомольца и спросил:

– Куда ты теперь пойдешь, старик?

– Еще не знаю, – тихо ответил тот. – Меня Господь направляет. Вот ты только что говорил о Топлеве. Это знамение. Стало быть, туда и пойду. – Старик хотел улыбнуться, но закашлялся. Потом вытер рот рукавом рубахи и снова посмотрел на разбойника. – А то пошел бы со мной, а? Вдвоем веселее.

– Куда это? – прищурился чернобородый.

Богомалец улыбнулся бледными, морщинистыми губами.

– А куда глаза глядят. Ты, я вижу, парень неплохой.

– Вот как? – Чернобородый ухмыльнулся. – Где это ты разглядел?

– А я многое вижу, – мягко пояснил старик. – С тех самых пор, как Господь открыл мне глаза. Ты ведь теперь тоже крещеный, али забыл?

– Как это? – удивился разбойник.

– А вот так. У тебя на груди крест. И крестили тебя не водой, а огнем и железом. Ты таперича, как тайный апостол. Можешь людей в веру обращать, но не словом и убеждением, а мечом и кнутом. И проповедь твоя может быть горяча, как будто огонь.

Несколько секунд разбойник молчал, обдумывая слова старика, затем угрюмо спросил:

– Нешто так можно – живых человеков в веру пинками загонять?

– Можно, – кивнул богомолец. – Рассуди сам. Вот видишь ты, к примеру, перед собой куст. А на том кусте ягоды. И ягоды те – ядовиты. Ты бы стал их есть?

Разбойник усмехнулся и качнул головой:

– Нет.

– А ежели бы товарищ твой любимый подошел к тому кусту и захотел ягоду сорвать? Остановил бы его?

– А то!

– А ежели бы он стал от тебя отмахиваться да отбиваться – что бы ты сделал?

– Двинул бы ему в рыло и оттащил от куста.

– Верно. А ежели бы ты ему при этом выбил зуб?

– Лучше потерять зуб, чем жизнь, – сказал на это разбойник.

Старик улыбнулся.

– Вот о том я и толкую. Лучше потерять зуб, чем лишиться живота.

Разбойник задумчиво прищурился.

– Выходит, ежели кто-то не хочет верою твоею спастись, то ему не грех и зуб выбить?

– Выбьешь зуб – спасешь живот, – повторил богомолец. – Ты вот разбойник, а стало быть – душегуб. И крови, небось, пролил поболее, чем Первоход. И за то тебе вечно гореть в адском пекле.

Чернобородый грозно сдвинул брови.

– Так ты напугать меня, что ли, хочешь?

Старик качнул головой:

– Нет. Ты любишь лить человечесью кровь, это я по тебе вижу. Но ты проливаешь ее за просто так, за ломаную медяшку или полмешка муки. За это тебя сожрут черти. Но ты мог бы проливать человечесью кровь не за медяшку и муку, а за веру. И тогда бы ты уже был не разбойником, а Божьим воином.

Чернобородый усмехнулся:

– Звучит неплохо.

– И я тебе об том же говорю. Добро должно быть с кулаками. И ты можешь стать этими кулаками.

Чернобородый долго размышлял, хмурия брови. Затем спросил:

– Ты ведь веришь в знамения, старик?

– Верю, – кивнул богомолец.

– Я не прочь стать Божьим воином. Но пусть твой бог пошлет мне знамение. Коли пошлет – перестану разбойничать и стану служить твоему богу верой и правдой. Стану его кулаками и острыми зубами.

– Знамение... – Старик сдвинул брови. – Может, оно уже и было, только мы его не заметили. Человек слеп в гордыне своей. К тому же...

– Что это там? – спросил вдруг разбойник и чуть привстал на бревне. – Ты видел это, старик?

– Чего? Где?

– Там... в лесу... Гляди-ка! Зарево, что ли?

Старик прищурил подслеповатые глаза. Он тоже увидел легкое золотистое зарево.

– Точно – зарево, – проговорил старик. – Не пожар ли?

– Да вроде не похоже.
– А что ж тогда?
Разбойник поднялся с бревна.
– Пойду погляжу, – сказал он. – Ты со мной или как?
Старик, морщась от боли в груди, тяжело поднялся на ноги.
– Идем! – сказал разбойник и первым зашагал к зареву. Старик медленно двинулся за ним.
– Не так быстро, – хрипло проговорил он.
– Давай-давай, пошевеливайся! – не оглядываясь, поторопил разбойник.
Взгляд его был прикован к золотисто-розоватым всполохам, которые делались тем ярче, чем гуще становились сумерки.
– Я знаю, где это, – сказал разбойник.
– И где же? – хрипло дыша, спросил старик.
– У реки. До нее версты две, не больше.
Они упорно продвигались вперед, хрустя валежником и продираясь сквозь кустарники вереса. Богомолец вдруг закашлялся и упал. Разбойник остановился.
– Ты чего, старик?
– Кончаюсь я, брате, – прохрипел богомолец. – Наклонись... Хочу сказать...
Разбойник подошел к старику и опустился рядом с ним на корточки:
– Ну?
– Ты спрашивал про знамение... – Старик приподнял руку и показал морщинистым пальцем на зарево. – Это и есть твое знамение, брате... Там, у реки... Ступай туда.
Голова старика свесилась набок – он умер. Разбойник выпрямился и взглянул на золотистые всполохи. Сердце его вдруг наполнилось восторгом. Сомнений нет – там, у реки, его ждет нечто прекрасное. Что-то такое, чего никогда не было в его унылой, никчемной, беспрсветной жизни.
Разбойник улыбнулся и зашагал вперед. И чем ближе он подходил к реке, тем радостнее становилось у него на душе.

6

– Ярило, Ярило, обопрись на корыло, обереги от нежити и черной твари.
Молодой добытчик Хлопуша – огромный, как медведь, – обмахнул своё упитанное лицо охоронным знаком и двинулся дальше, искоса поглядывая на своего спутника Оскола, добытчика опытного и сурового.
Уже час они шли по Гиблому месту, то и дело бросая хмурые, тревожные взгляды на катящееся к кронам деревьев солнце.
В Гиблое место они пришли на рассвете. Добрались до залежи бурой пыли, наковыряли за день по мешочку и теперь возвращались обратно. Залежь была богатая, да и от межи недалеко. Просто чудо, а не залежь. Однако, стремясь набить мешочки поплотнее, добытчики увлеклись и слегка припозднились. Времени на то, чтобы перекусить, не было, и сейчас, шагая по чащобе, Хлопуша не знал, что его больше гложет – страх или голод.
«Продам пыль Крысуну Скоробогату и закачу в кружало, – думал он, прислушиваясь к урчанию в пустом животе. – Закажу себе жареную баранью ногу и кувшин самого лучшего таврийского вина».
В объемистом животе у Хлопуши заурчало еще громче. Чтобы отвлечься, Хлопуша снова заговорил.
– Слышь, Оскол? – окликнул он своего спутника.
– Чего тебе? – хмуро отозвался тот.
– Той бурой пыли, что мы с тобой набрали, надолго ли нам хватит?
– Коли умело сторгуешься, то выручишь за нее десяток золотых солидов. Вот и думай: надолго ли тебе того хватит.

– Мне надолго, – убежденно заявил Хлопуша. – Мне много-то не надо. Избу крепкую построить да девку хорошую замуж взять. Ну, и чтоб амбары да сусеки были забиты под завязку.

Несколько шагов они прошли молча.

– Ну, а ты? – спросил Хлопуша.

– Чего я?

– На что ты потратишь своё золото?

Оскол ухмыльнулся:

– Заплачу Истру-Коновалу, чтобы сделал мне новые зубы. Сказывают, он такие зубы из медвежьей кости точит, что от настоящих не отличишь.

– Зубы – это хорошо, – согласился Хлопуша.

С минуту они шли молча, потом Хлопуша снова заговорил:

– Вот вернусь в Хлынь, продам пыль и заживу по-человечески. Главное, чтобы в доме закрома были полны. И чтобы брюхо с голоду не опало. Я, Оскол, счастливого человека издали вижу. Счастливый человек подпоясывается не лыком под грудь, а тканым поясом под живот – чтобы пузо виднее было.

– Ты можешь думать об чем-нибудь еще, кроме жратвы, избы да бабы?

Хлопуша качнул большой головой.

– Нет.

Оскол вздохнул:

– До межи недалеко, но место тут опасное. Я двину чуток вперед, а ты гляди – не отставай и не теряйся.

Оскол пошел впереди. Где-то далеко зарычал зверь. Хлопуша испуганно остановился, но, увидев, что Оскол продолжает идти, пошел снова и быстро нагнал его.

– Оскол, ты это слышал?

– Да, – не оборачиваясь, ответил добытчик.

– Кто это рычал?

– Медведь.

– Медведь? А я думал, тут всех зверей волколаки и упыри поели.

– Не поели. Медведь сам кого хошь слопает. А лиса хитра, нос по ветру держит, тёмных злыдней по широкой дуге обходит.

– А если ядозубый оборотень медведя укусит, чего с медведем будет?

– Сдохнет, чего ж еще.

– А сам оборотнем не станет?

Оскол ухмыльнулся.

– Ты видал медведя-оборотня?

Хлопуша покачал кудлатой головой:

– Не.

– Тогда чего спрашиваешь.

Оскол отвернулся и зашагал дальше. Глядя на его широкую спину, Хлопуша немного расслабился. С Осколом не пропадешь, он добытчик бывалый.

Медведь выскочил на прогалину неожиданно. Он был рослый, но худой и явно голодный. Не то что Хлопуша, но даже бывалый Оскол не сумел ничего понять. А когда понял, было уже поздно – огромная медвежья лапа обрушилась ему на голову, разворотила всё лицо и свернула шею.

Вся жизнь промелькнула в этот миг у Хлопуши перед глазами. Как брат – опытный ходок Молчун – взял его впервые в Гиблое место и как сказал потом: «Никогда тебе не быть ходоком, Хлопуша. Даже не пробуй». «Отчего же не быть?» – спросил тогда Хлопуша. «Оттого, что живот растрясется. Вон он у тебя какой».

Вспомнил Хлопуша, как в детстве соседские мальчишки дразнили его «увальнем» и «тестом» и швыряли в него камнями. Он мог намять бока любому из них, но никогда не мог их догнать. Вспомнил, как стащил из лавки Гудоя-каравайщика булку с изюмом, и как Гудой

и его сын гоняли его по лавке батогами, а он думал только об одном – успеть бы съесть вкусный рогалик, пока не отобрали.

Вспомнил, как девка Млава, которая дала ему пощупать в амбаре свою мягкую грудь, сказала ему: «Весело мне с тобой, Хлопуша. Но уж больно ты толстый да губастый. Мне брат твой старший люб. Сведёшь меня с ним, дам залезть себе под юбку».

Толстые щеки Хлопуши затряслись, его вдруг обуяла ярость. Почти не соображая, что делает, он выхватил из ножен меч, ринулся на медведя и с размаху всадил клинок зверюге в бок. Потом быстро вынул и ударил еще раз.

Кровь заструилась по мохнатому звериному боку. Медведь взревел, обернулся к Хлопуше и встал на дыбы. На мгновение у Хлопуши захватило дух – ростом медведь был в полторы сажени. В другой раз Хлопуша просто бросил бы меч и кинулся бежать, но сейчас что-то переклинило у него в голове, и вместо того, чтобы дать деру, он издал громкий, гортанный крик и снова ринулся на медведя.

Сверкающий клинок вонзился зверю под сердце. Медведь отшатнулся, заревел от боли и повалился набок. Дернувшись несколько раз, он затих. Хлопуша вынул из медвежьей туши свой меч и изумленно произнес:

– Надо же. Экую зверюгу я с перепугу сгубил. Скажи кому – не поверят.

На мгновение Хлопуша подумал – не отрезать ли ему от медведя лапу, не освежевать ли и не изжарить ли на костре? В пузе заурчало, но Хлопуша сглотнул слюну, мотнул кудлатой головой – нет. После будем пировать. А пока...

Он подошел к распростертому на земле добытчику Осколу.

– Оскол! – позвал Хлопуша. – Осколушка, друг!

Добытчик молчал. Тогда Хлопуша осторожно присел рядом с окровавленным телом и хотел перевернуть его, но вдруг отдернул руку – у Оскола не было половины головы, а та, что была, свесилась набок, как сломленное соцветье подсолнуха.

– О, боги! – выдохнул Хлопуша, выпрямился и, с ужасом глядя на страшную, изуродованную голову товарища, стал пятиться к деревьям.

Где-то в лесу завыл волк. Или оборотень. Хлопуша еще плохо различал их на слух. Он поежился, шмыгнул носом и смахнул с ресниц слезы. Жалко было Оскола, сильно жалко. И погиб как глупо – не от упырьих или волколачьих зубов, а от простого медведя-кодыака. И кодыак-то не самый матерый. Отцу Хлопуши случалось встречать в местных лесах кодыаков по две, а то и по три сажени ростом.

Эх, Оскол, Оскол...

Хлопуша снова шмыгнул и вытер глаза основанием ладони. Ладно, чего уж теперь убиваться, дело сделано. Надо идти.

Хлопуша глянул на солнце. До заката еще далеко. К тому моменту, когда упыри и волколаки закружат перед буреломом, огораживающим Гиблое место, Хлопуша будет уже далеко. И то ладно.

Перед тем как снова отправиться в путь, Хлопуша осторожно приблизился к мертвому Осколу, размахнулся мечом и, зажмурившись от страха, отрубил товарищу голову. Сделано! Теперь Оскол не встанет с земли упырем.

* * *

Хлопуша прошел еще пару верст, когда ему послышалось отдаленное ржание коней. Он остановился и наморщил лоб. На просеках – охоронцы, в чащобе – волколаки и упыри... Куда ж идти? Хлопуша постоял, подумал, поскреб в затылке. Интересно, как бы на его месте поступил Оскол?

Едва Хлопуша подумал об этом, как в голове у него прозвучал угрюмый голос Оскола: «Если справа – лихо, да слева – лихо, держись середки и шагай себе тихо».

И Хлопуша решил идти по самой кромке чащобы. Так было дольше, но безопаснее. Где-то недалеко снова завыл волколак. Хлопуша не остановился и не ускорил шаг, лишь

положил мозолистые пальцы на рукоять меча и, угрюмо насупившись, продолжил путь.

Эх... Обернуться бы вороном, полететь в Хлынь-град, удариться оземь перед матушкой и обернуться опять отроком: здравствуй, родная матушка, вот он я!

Да только нету у Хлопуши ни матушки, ни батюшки. А до Хлынь-града еще добираться и добираться.

Хлопуша вздохнул.

До межи оставалось не больше версты. И тут Хлопуша вдруг увидел нечто такое, отчего у него захватило дух. Прямо из чащобы навстречу ему вышел человек в сияющем облаке. Над головой у него сверкало маленькое солнце, а его белые одежды развевались на ветру, как белоснежные крылья.

Хлопуша остановился и, раскрыв от изумления рот, уставился на странного человека в белых одеждах широко раскрытыми глазами.

Сияющий незнакомец медленно приближался к Хлопуше. Не дойдя нескольких шагов, остановился и улыбнулся. Лицо у него было светлое, а длинные волосы и борода – почти белые.

– Кто ты, парень? – спросил сияющий незнакомец голосом громким, мягким и спокойным.

– Я?.. – Хлопуша сглотнул слюну. – Я Хлопуша, сын Быкодёра-мясника и брат Молчуна-ходока. А кто ты?

Незнакомец прищурил светлые глаза.

– А я Пастырь, – просто ответил он.

От голоса сияющего незнакомца Хлопуше сделалось тепло и приятно, будто вокруг было вовсе не Гиблое место, а деревня Повалиха, где он провел с бабкой Проней всё детство.

– Пастырь? – переспросил Хлопуша, глупо улыбаясь. – Но я не видел здесь ни овец, ни коз, ни коней. Кого же ты пасешь, Пастырь?

Сияющий незнакомец улыбнулся и ответил:

– Не овец и не коз пасу я, Хлопуша. Я пасу человеков.

Что-то запыдало в воздухе, и вдруг Хлопуша увидел, что за спиной у незнакомца раскрылись огромные белоснежные крылья.

– Оставь всё, что у тебя есть, Хлопуша! – громко сказал Пастырь. – Оставь и иди за мной. Истинно говорю тебе: лишь тот ступит в кущи светлого уграя, кто оставит всё и пойдет за мной!

Хлопуша захлопал глазами и растерянно проговорил:

– У меня только и есть, что бурая пыль.

– Пыль? Так брось её!

Хлопуша достал из-за пазухи мешочек с бурой пылью и без жалости бросил его в траву.

– Вот так, – кивнул Пастырь. – А тебе ступай за мной, и да будет светлым твой путь!

Он повернулся и поплыл по тропке, едва касаясь ногами земли, в своем сияющем облаке, с распростертыми белоснежными крыльями. И Хлопуша, позабыв обо всем на свете, двинулся за ним, как слепец за добрым, зрячим проводником.

Глава вторая Должок

1

Полгода спустя. Берег Эльсинского озера

Человек, подошедший к Глебу Орлову, был высок и статен, а одет был дорого и, как скажут тысячу лет спустя, «со вкусом». По виду – купец.

Усевшись на лавку рядом с дубовой стойкой, молодой купец окликнул целовальника и

попросил для себя кружку хмельного сбитня. Когда сбитень был подан, купец взял кружку, отхлебнул, почмокал губами и сказал:

– Хороший сбитень. Прямо как в Хлынь-граде, у нас.

Сказав это, купец быстро покосился на Глеба. Тот сидел за стойкой с бесстрастным лицом и никак не отреагировал на слова купца.

Тогда купец снова отхлебнул сбитня, облизнул губы и спросил:

– Тебя зовут Первоход, верно? Ты ходок в места погиблые.

Глеб отхлебнул своего олуса и глухо ответил:

– Ты ошибся, купец. Я простой огородник.

Тот улыбнулся:

– Что ж, пусть будет так. Но что-то подсказывает мне, что ты знаешь Первохода. Ежели так, то не мог бы ты кое-что для него передать?

– Повторяю тебе: я не знаю никакого Первохода, – заявил Глеб. – Но если кто-нибудь познакомит меня с ним, я передам ему все, что ты мне скажешь.

Купец сунул руку в карман. Пальцы Глеба скользнули к рукояти меча. Заметив его движение, купец улыбнулся и сказал:

– Это не то, о чем ты подумал. У меня в кармане – послание. И я собираюсь передать его те...

Договорить он не успел. Из-за широкого дубового стола, стоявшего у Глеба за спиной, выскочил парень, одетый охотником, и молниеносно выхватив из-за пояса метательный нож, швырнул его в Глеба.

Однако за мгновение до того, как нож оказался в руке охотника, Глеб увидел отражение противника в оловянном стаканчике. Мгновенный уклон вправо, и нож, просвистев возле уха Глеба, вонзился в бочонок с олусом.

Глеб прыгнул к охотнику, схватил его за ворот куртки, рывком стащил на пол и стукнул головой об лавку. Затем швырнул парня к двери, шагнул к нему и наступил сапогом бедолаге на руку.

– А-а! – заорал парень, силясь выдернуть пальцы. – Пусти! Пусти, изверг!

– Кто тебя послал? – хрипло спросил Глеб.

– Никто... Я сам...

– За что ты хотел меня убить?

Глеб перенес вес тела на ногу, прижавшую пальцы парня к полу.

– Награда!.. – хрипло выкрикнул молодой охотник и облизнул побледневшие губы. – Награда... Двадцать серебряных дирхемов.

Глеб убрал ногу с руки парня.

– Убирайся вон, – сухо проронил Глеб. – Еще раз увижу тебя здесь – оторву пальцы вместе с рукой.

Парень, сморщив лицо от боли, неуклюже поднялся на ноги и шагнул к выходу. У самого порога он остановился и хотел что-то сказать, но Глеб дал ему пинка, и парень вылетел на улицу, как пробка из бутылки.

Вернувшись к стойке, Глеб посмотрел на купца прямым, холодным и острым, как замороженный осколок стекла, взглядом.

– Это и было твое послание? – спросил он.

Купец испуганно качнул головой.

– Нет. Я не с ним. Клянусь Сварогом, я понятия не имел, что здесь будет ловчий!

Глеб недобро прищурился:

– Достань из кармана то, что хотел достать. Только делай это медленно.

Купец снова сунул руку в карман и медленно извлек из него кусок бересты.

– Вот, – сказал он, протягивая Глебу берестинку. – Один человек просил передать тебе это. Он сказал, что ты сразу все поймешь.

Глеб взял берестинку, скользнул глазами по белой коре.

Посреди берестяного клочка было нацарапано славянскими рунами одно слово:

Должок

Глеб опустил бересту. Посмотрел мрачно на купца.

– Это все, что ты хотел мне передать?

– Да, – ответил тот. И робко спросил: – Могу я теперь уйти?

– Можешь, – ответил Глеб. – Только не забудь расплатиться.

Купец положил на стойку несколько медяков, сполз с лавки и, поклонившись Глебу и целовальнику Назарию, робко засеменил к выходу.

Минуту спустя Назарий убрал в чулан разбитую лавку и вернулся к стойке.

– Твое соседство становится все более хлопотным, – заметил он Глебу, беря в руки рушник.

– Да, Назарий. Прости.

Несколько секунд оба молчали. Глеб пил свой олус, а целовальник усердно натирал рушником очередной стаканчик. Затем он сказал:

– Они не оставят тебя в покое, Глеб. Пока за твою голову назначена награда, всегда найдутся желающие добыть ее и отнести князю.

– Я решу эту проблему, Назарий.

Глеб снова посмотрел на кусок бересты, затем смял его в кулаке и швырнул в бочонок для мусора.

– Дурные вести? – поинтересовался целовальник.

– Нет. Все в порядке.

– По твоему лицу этого не скажешь.

Глеб отхлебнул олуса и вытер рот рукавом.

– Присмотришь за моим домом и огородом? – спросил он у Назария.

– Конечно, – ответил тот.

– Если через месяц не вернусь, продай мой дом и мой огород и заberi все деньги себе.

– Хорошо.

Глеб залпом допил олус и поставил кружку на стойку. Затем расплатился, достал из притороченной к поясу сумки связку ключей и швырнул ее целовальнику.

Когда Глеб вышел из кружала, Назарий прошел к бочонку для мусора, достал смятый кусок бересты и, близоруко прищурившись, поднес его к глазам. На берестинке славянскими рунами было выведено всего одно слово: «Должок».

2

Весна пришла в Хлынь ранняя. На улице было пасмурно, но тепло. Крепкая телега-общанка въехала, громокая, в город и резво покатила по лужам.

Не доезжая до торжка версты, Глеб спрыгнул с телеги, поправил сумку и наголовник и зашагал по мокрой улице, обходя лужи и спящих на сухих местах нищих и собак. Лицо Первохода были скрыто под наголовником. Широкий суконный плащ скрывал ножны с заговоренным мечом и заплечную кожаную кобуру с огнестрельной ольстрой.

Возле кружала «Три бурундука» Глеб остановился и задумчиво посмотрел на вывеску, приглашающую войти в кружало и отведать «особенного бодрящего сбитня, приготовленного по писанке тетки Яронегии».

Чуть в стороне от кружала, на сухой, вытоптанной площадке, за невысоким частоколом, толпа мужиков натравливала трех бойцовских петушков на бродягу, одетого в засаленные лохмотья. Мужиков было десятка полтора. Бродяга, испуганно сжавшись в комок, отбивался от разъяренных птиц ногой, обутой в драный лапоть.

Мужики хохотали. Они вошли в раж и уже не могли остановиться.

– Чего ему петухи! – смешливо заорал один. – Надо притащить пса – да покрупнее!

- Верно! – крикнул другой. – Только где ж его взять?
- Да вон Афанас идет со своим Борзякой! Эй, Афанас!
- Афанас! – закричала толпа. – Афанас, тащи сюда своего пса!

Толстый, угрюмый мужик в коричневом полукафтани, ведущий на веревке такого же толстого и угрюмого пса, остановился и оглянулся.

- Чего разорались-то? – хмуро отозвался он.
- Дай нам своего пса! – крикнул кто-то. – Хотим бродягу потравить!

– Щас, – злобно проворчал угрюмый толстяк. – Буду я калечить пса за-ради вшивого бродяги!

- Мы тебе отстегнем, сколько скажешь! – крикнул кто-то.
- Верно! – подтвердил другой. – Сбросимся и отстегнем!

Маленькие, заплывшие жиром, глаза Афанаса алчно заблестели.

– Хорошо! – сказал он. – Соберете жменюх меди, и я натравлю Борзяку на этого вшивого козла!

- Давай, братва, скидывайся, у кого сколько есть!

Зазвенела медь, и вскоре один из мужиков вывалил в толстую, мягкую ладонь Афанаса горсть темных медных монеток.

- Вот это дело, – усмехнулся тот. – А ну, босяки, расступись!

Мужики расступились, и Афанас потащил толстого, угрюмого пса на огороженную площадку, туда, где в углу, все так же сжавшись в комок и испуганно поглядывая на хохочущие рожи, лежал бледный и потный от страха бродяга.

- Давай! – ревела и ликовала толпа. – Куси его!
- Порви гада, Борзяка!
- Сожри вонючку!

Афанас выволок пса на площадку и стал натравливать пса на бродягу. Вскоре пес уже заливался яростным лаем и рвался с поводка, пытаясь ухватить несчастного зубами за ногу.

- Давай! – неистовствовала толпа.
- Спускай Борзяку!
- Рви!
- Куси!
- Сожри!

Когда Афанас уже готов был спустить своего толстого пса с поводка, кто-то крикнул высоким, звонким голосом:

- Эй, бездельники! Я к вам обращаюсь!

Мужики притихли и оглянулись. Возле кружала остановился всадник в длинном, заношенном до дыр плаще.

Осанка у всадника была гордая, но одет он был бедно и довольно неряшливо. Плащ, как было замечено выше, дырявый, полукафтан изношен так, что кое-где из него торчала изнанка, сапоги латаные, а на голове красовалась старенькая суконная шапка.

Сам всадник был худ и невысок, остронос и конопат. А лицо у него было столь молодое, что на нем даже усы с бородой еще не росли.

Большие серые глаза всадника блестели нервным, отчаянным блеском, будто он взял себе за правило побеждать безоглядной храбростью врожденную трусость. Однако на боку у всадника висел меч, и выглядел этот меч весьма внушительно.

– Оставьте человека в покое, мерзавцы! – крикнул всадник, сверкая своими серыми глазами. – Ну!

– Ступай своей дорогой, странник, – грубо проговорил кто-то из мужиков. – Не вмешивайся в наши дела.

- Топай, сударь, топай, – поддержал его другой. – Это наши мужицкие игры.

– Вот как? Мужицкие? – Юноша прищурил глаза и взялся за рукоять меча. – Ну, тогда я приказываю вам его отпустить. Тронете этого бродягу – будете иметь дело со мной.

Мужики переглянулись. В руках у некоторых из них Глеб увидел короткие дубины и

железные кистеньки на цепках.

На лицах мужиков появилось сомнение. Выглядел незнакомец не слишком внушительно, но за его безоглядной дерзостью должно было что-то стоять. Ведь не станет человек бросаться со скалы башкой в гнилой омут, если не уверен, что выплывет.

– Ну! – прикрикнул незнакомец, ободренный молчанием мужиков. – Живо отпустите бродягу!

Мужики готовы были сдаться, и некоторые уже опустили кистени и дубины, но тут один из них – с красной, глумливой и отечной физиономией – выступил из толпы, поднял, ухмыляясь, камень, размахнулся и швырнул его в незнакомца.

Камень шлепнул лошадку по крупу, и та, испуганно заржав, задержалась на месте.

Несколько мгновений, кроме ржания лошади, ничего не было слышно. Мужики словно оцепенели. А потом кто-то хрипло проревел:

– Чего глядим-то, ребята? А ну – бей его!

Толпа загудела, дубинки поднялись, железные кистеньки заскрипели на цепках.

– Вали! – гаркнул кто-то, и толпа, словно только и ждала этого сигнала, бросилась на всадника.

Нервный юноша, казалось, не ожидал такого поворота – пару мгновений он просто таращился на несущуюся на него толпу разъяренных мужиков, и лишь когда брошенный камень просвистел у него над самым ухом, выхватил из ножен меч.

Замелькали дубины, засвистели железные гирьки кистеней. В считанные мгновения незнакомец был сброшен со своего коня, а следом за ним на землю, с перебитыми ногами и окровавленным крупом, повалился и сам конь.

Глеб вытянул из ножен меч и шагнул к толпе драчунов.

– А ну – разойдись! – крикнул он и принялся мутузить мужиков голомению меча.

Четверо или пятеро мужиков побросали оружие и схватились руками за разбитые головы и ушибленные бока. Глеб продолжил расчищать себе дорогу мечом, как вдруг до слуха его донесся отчаянный вопль:

– Помогите! Помогите!

Вопль был столь страшен, что битва замерла, и мужики, повернув головы, уставились на толстого Афанаса. Вылупив глаза, толстяк показывал на что-то коротким, пухлым пальцем. Взглянув туда, куда он указывал, мужики побелели от ужаса.

Бродяга, про которого в пылу битвы все как-то позабыли, сидел в углу огороженной площадки и с аппетитом пожирал задушенного пса. Человеческого во внешности бродяги осталось мало.

– У него клыки, – прошамкал один из мужиков разбитым в кровь ртом.

– Да ведь это...

– Оборотень! – крикнул Афанас.

Бродяга вздрогнул от его крика, отшвырнул пса и вскочил на ноги.

– Темная тварь! – завопил кто-то.

Мужики бросились врассыпную. Оборотень молниеносно перемахнул через невысокий частокол, схватил ближайшего из мужиков когтистыми лапами и одним рывком переломил ему шею. Затем резко повернулся, поймал второго и, клацнув зубами, перекусил ему глотку.

Паника и страх помешали мужикам действовать здраво, они налетали друг на друга, спотыкались, толкались, кричали от боли и ужаса, а оборотень, огромный, волосатый, с вытянутой волчьей мордой, прыгал между ними, разя когтями и клацая зубами.

Глеб перепрыгнул через одного из мужиков, оттолкнул в сторону еще двоих и со сверкающим клинком встал на пути у оборотня.

– Эй, волосатый! – окликнул от темную тварь. – Гляди на меня!

Первым ударом Глеб рассек чудовищу когтистую лапу, вторым перебил ему ноги. Когда оборотень упал на землю, Глеб прыгнул ему на грудь, быстро перехватил меч клинком вниз и с размаху вогнал его оборотню в грудь.

Чудовище взревело, дернулось пару раз, пытаясь зацепить Глеба когтями, затем

стукнулось волчьей башкой об утоптанную землю и испустило дух.

Глеб сошел с твари, нагнулся к одному из убитых оборотнем мужиков, с треском оторвал от его кафтана клочок ткани и старательно вытер меч. После чего вложил его в ножны и взглянул на нервного юношу.

Паренек поднялся с земли и глядел на Глеба своими серыми блестящими глазами. Бедолаге здорово досталось. На скулах у него темнели синяки, разбитые в кровь губы опухли, усы и борода тоже были перепачканы кровью, левый глаз заплыл, а на худой шее багровела ссадина.

– Как ты? – спросил юношу Глеб. – Живой?

– Да, – отозвался тот севшим от волнения голосом.

Глеб повернулся к мертвому оборотню.

– Хороший экземпляр. Потянет на три дирхема.

– Разве оборотни не боятся дневного света? – спросил парень.

– Боятся, – ответил Глеб. – Да, видно, не очень.

Юноша вложил в ножны меч и сказал:

– Ты помог мне, незнакомец. Что я могу для тебя сделать?

Глеб оглядел юношу с ног до головы и едва заметно усмехнулся.

– Скажешь охоронцам, что оборотня убил ты, – ответил он.

– Зачем это тебе?

– Я огородник. Никто не поверит, что я завалил темную тварь. А ты, по всему виду, человек боевой. К тому же...

Из переулка вывернули три охоронца. Глеб осекся, быстро надвинул на лицо капюшон-наголовник, шагнул под навес и бесшумной тенью проскользнул в кружало.

3

Десять минут спустя нервный юноша остановился возле стола, за которым сидел Глеб, и с улыбкой спросил:

– Ты позволишь мне угостить тебя?

– Валяй, – разрешил Глеб.

– Эй, целовальник! – звонко крикнул парень. – У тебя есть водка?

– Водку подают только в Порочном граде, – прогудел недовольным голосом целовальник. – Могу подать березовицу или олус.

– Две кружки олуса и два вяленых леща! – распорядился нервный незнакомец.

Минуту спустя он бухнул на стол перед Глебом кружки с олусом и плоску с двумя мясистыми вялеными рыбинами.

– Угощайся! – сказал он, усаживаясь напротив и щуря серые глаза. Незнакомец успел стереть кровь с лица, но это мало помогло. Синяки и ссадины пестрели на его худом лице, будто кляксы. Хлебнув олуса, парень поморщился от боли в разбитых губах и сказал: – Князь охоронцы были сильно удивлены, когда застали меня над трупом оборотня.

Глеб отхлебнул олуса и обронил:

– Надо думать.

– Они заплатили мне за оборотня три дирхема, как ты и говорил. Эти деньги твои.

Незнакомец полез в карман за деньгами, но Глеб остановил его жестом.

– Оставь себе. Это было твое сражение.

Тонкие брови парня взлетели вверх.

– В первый раз вижу, чтобы кто-то отказывался от денег, – удивленно заметил он. – Ты что, богатеи?

Глеб на это ничего не ответил, он был занят разделыванием рыбы. Тогда парень сказал:

– Меня зовут Бровик, сын Иноха. Я живу недалеко от Хлынь-града и часто бываю здесь. А ты, должно быть, приезжий?

– С чего ты взял?

– На твоих сапогах толстый слой пыли. И плащ твой пропитан пылью. Ты только что приехал в Хлынь, верно?

Глеб чуть прищурил темные, недобрые глаза.

– А ты наблюдательный. Да, я только что приехал.

– Издалека?

– Издалека.

– И что же привело тебя сюда?

Глеб бросил в рот кусок вяленого леща и запил терпким олусом.

– Ты всегда такой любопытный? – небрежно поинтересовался он у паренька.

– Да, – ответил тот. – А что, это плохо?

– Когда как. Иногда любопытство помогает выжить, а иногда – расстаться с жизнью. – Глеб отхлебнул из кружки и потянулся за очередным куском рыбы. – Меня зовут Глеб, – сказал он. – Я приехал навестить друга.

– Ты охотник?

Глеб качнул головой:

– Нет. Я выращиваю древесные и земляные плоды.

– Тем и живешь?

– Тем и живу. – Глеб отщипнул большой кусок леща. Затем, пожевывая соленое ароматное мясо, поинтересовался: – Ну, а ты? Чем занимаешься ты?

Бровик нахмурился и деловито сообщил:

– Я купец.

– Вот как? – Глеб едва удержался от усмешки. – Никогда не видел, чтобы купец затевал драку с дюжиной разъяренных молодчиков.

– А я никогда не видел, чтобы огородники так ловко управлялись с мечом, – парировал Бровик.

– Научился, когда отмахивался от соек, – объяснил Глеб. Он прищурился и глухо спросил: – Ты ведь никакой не купец, верно?

– А кто же я?

– Полагаю, что ты... ловчий. Но не самый умелый и удачливый.

Парень слегка побледнел.

– Ты назвал меня неудачником? – тихо процедил он, стиснув в пальцах кружку и сверкнув на Глеба серыми, будто осеннее небо, глазами.

– Я сказал то, что сказал, и не собираюсь повторять, – спокойно произнес Глеб. – Твое здоровье, Бровик.

Глеб отхлебнул олуса и снова потянулся за рыбой. Несколько секунд ловчий молчал, хмурия брови и кусая губы, потом натянуто улыбнулся и сказал:

– Ты прав. Я только недавно стал ловчим. А сюда я пришел в надежде встретить белого чародея, который называет себя Пастырем. Говорят, в это время он часто здесь трапезничает.

– Вот как? – Глеб кивнул, как бы принимая слова юнца к сведению, затем равнодушно осведомился: – Кто такой этот Пастырь и чем он так тебе не угодил?

– Сразу видно, что ты давно не был в Хлынь-граде. Пастырь появился здесь пару месяцев назад. Въехал через городские ворота на белой лошади и в белом одеянии. А за ним ввалилась толпа калик и нищих бродяг, которых он, должно быть, подобрал в канавах за городской стеной. Говорят, волосы и одежда Пастыря сияли золотым светом, и охоронцы не решились его задержать.

Глеб запил олусом очередной кусок рыбы.

– Что было дальше?

– У восточной стены белый чародей огородил забором участок и назвал его «уграйской кущей». Калики и нищие стали его первой паствой. А потом к его общине стали присоединяться и другие хлынды.

– Что же такого хорошего в этом Пастыре?

– Люди болтают, что он вершит чудеса.

– И какие же?

– Возле вонючей балки когда-то бил родник. Потом его завалили землей и камнями. Когда князь охоронцы пришли брать Пастыря в полон, он ударил посохом в землю, и родник забил снова. Только вместо воды из дыры в земле хлынуло красное вино, по вкусу не хуже византийского.

– Гм... – Глеб задумчиво поскреб ногтями переносицу. – Если все так и было, то это настоящее чудо.

– Все так и было, – подтвердил Бровик. – Охоронцы побросали бердыши и упали перед белым чародеем на колени. Они молили его простить их. Тогда он возложил руки на их головы и сказал, что они ни в чем не виноваты. Охоронцы, а их было пятеро, тут же присоединились к его пастве.

– А князь? – осведомился Глеб, пожевывая вяленую рыбу. – Он не попытался снова полонить чародея?

– Пастырь сам пришел в князь палаты. Его окружили охоронцы, но все они слышали о чудесах, которые он вершит, и боялись подходить к нему слишком близко. Так он прошел до тронного зала, а там его встретила княгиня Наталья. Она не позволила белому чародею войти в покои больного князя Егры. Тогда он сказал, что хочет поговорить с ней.

– А что княгиня?

– Она пришла в ярость от наглости чародея и велела своим охоронцам вышвырнуть его на улицу. Трое ратников бросились к чародею, но он махнул рукою – и ратники разлетелись в стороны, будто их сдуло ветром. Потом Пастырь взглянул на княгиню и сказал, что скоро она сама придет к нему. Потом повернулся к двери и ушел. Так все и кончилось.

Глеб обдумал слова юнца, затем уточнил:

– И что же, княгиня с князем больше не делали попыток взять Пастыря в полон?

Юный ловчий отрицательно качнул головой:

– Нет. Пастырь остался в городе, в «уграйских куцах». Сказывают, что в пастве его уже семь сотен человек. А то и больше.

– И все они живут в этих «куцах»?

– Нет, не все. Там человек сто. Остальные приходят к Пастырю на проповеди. Да он и сам часто ходит по Хлынь-граду. Исцеляет больных, чистит колодцы, простирая над ним длань. Да много еще чего. Народ потянулся к нему со всего княжества. Приезжают сами, привозят больных да увечных.

– Ясно. И зачем тебе понадобился Пастырь?

Несколько мгновений Бровик молчал, недоверчиво поглядывая на Глеба, затем спросил, понизив голос почти до шепота:

– Если скажу, никому не проболтаешься?

– Нет.

– В его «куцах» живет дочь одного купца. Когда Пастырь проходил по их улице, она покинула родной дом и ушла за ним. Купец поручил мне вернуть девку домой.

Парень отломил кусочек леща и задумчиво бросил его в рот. Глеб обратил внимание на то, какие тонкие у него пальцы. Должно быть, ловчий был еще младше, чем выглядел. Лет семнадцать, наверное, не больше.

– Значит, ты профессионал.

– Чего?

– Твое ремесло – ловля беглецов, так?

– Так. Я ведь ловчий.

– Но вряд ли Пастырь согласится отдать молодую купчиху по доброй воле. По дороге в город я услышал про белого чародея много интересного. Говорят, тех, кто ему прекословит, он жестоко наказывает. Некоторые из них даже умирают – от неведомых хворей.

– Я тоже про это слышал, – кивнул Бровик. – Но, как ты сам только что сказал, мое ремесло – ловить беглецов и наказывать похитителей и укрывателей. Так что за меня не волнуйся, уж с одним чародеем я как-нибудь справлюсь.

Внезапно Глебу стало жаль парня, что в последнее время случалось с ним крайне редко. Он давно привык к тому, что человек легко уязвим, а человеческий организм хрупок и недолговечен. Однако смелость, даже такая отчаянная и глупая, как у этого парня, всегда вызывала у Глеба уважение.

Что, если попытаться отговорить парня? Вряд ли он поддастся на уговоры. Но попробовать-то можно?

– Послушай, Бровик, – начал Глеб. – Я неплохо знаю этот город и здешние обычаи. Ты отважный и сильный парень, однако не думаю, что тебе стоит...

– Он идет! – выдохнул ловчий, уставившись на что-то поверх головы Глеба.

За спиной у Глеба скрипнула дверь, и послышался нестройный гул голосов.

4

– Пастырь со своей свитой, – тихим, нервным голосом произнес Бровик. – Он уже здесь.

Юнец откинул полу плаща и положил руку на рукоять меча. Глеб нахмурился. Ему необязательно было оборачиваться, чтобы понять – белого чародея сопровождает не меньше полудюжины человек. И если все так, как говорит Бровик, любой из этих людей с радостью отдаст за своего Пастыря жизнь.

Воевать с фанатиками – дело неблагодарное и опасное. Этих ребят тростиной не перешибешь. Будут бить и кусать тебя, пока живы.

– Послушай, ловчий, – снова обратился к юнцу Глеб. – Ты не должен этого делать. Этот Пастырь...

– Не пытайся меня остановить, – быстро сказал Бровик, наблюдая за Пастырем сверкающими от возбуждения глазами.

А за спиной Глеба хозяин кружала уже рассыпался в любезностях.

– Милости прошу в мое заведение, Пастырь! Усаживайся за стол, а уж я тебя угощу на славу!

– Спасибо на добром слове, хозяин, – ответил целовальнику спокойный, властный голос.

Глеб глянул через плечо. Пастырь был именно таким, каким его описывали купцы, с которыми Глеб въехал в город. Роста чуть выше среднего, сложения обычного. Одет Пастырь был в белоснежный балахон, а лицо его, так же как лицо Глеба, было скрыто под наголовником-капюшоном.

Бровик быстро поднялся из-за стола, пригнул голову и двинулся к выходу. На полпути он вдруг резко взял вправо, выхватил из ножен меч и приставил его к горлу белого чародея. Люди Пастыря выхватили мечи и двинулись с места, но Пастырь жестом остановил их.

– Не торопитесь! – спокойно и громко приказал он. Затем обратился к Бровику: – Что тебе нужно, мальчик?

– В твоей пастве есть девка, – резко проговорил мальчишка-ловчий. – Зовут Жилена. Ее отец хочет, чтобы она вернулась домой.

– А ты ей кто? – спросил Пастырь. Голос его по-прежнему звучал спокойно и властно.

– Не важно! Я хочу увести Жилену с собой!

– Хорошо, мальчик. Хорошо. Но ты ведь видишь, что сейчас ее со мной нет.

– Пошли кого-нибудь из твоих холопов! Пусть приведут! До «уграйской кущи» чуть больше версты! Если поторопятся, мигом обернутся!

Пастырь молчал – очевидно, обдумывал слова Бровика.

– Ну! – поторопил его юнец. – Делай, что говорю, не то зарежу!

– Вук, – негромко окликнул Пастырь одного из своих людей. – Будь так добр, сходи за Жиленой.

Один из общинников выступил вперед и кивнул.

– Сделаю, отче!

Он развернулся и быстро вышел из кружала.

– Ну вот, – вновь заговорил Пастырь, обращаясь к ловчему. – Вук убежал за девкой. Теперь ты можешь опустить меч.

– И не подумаю! Сперва пусть твой холоп приведет Жилену!

– Что ж... Тогда мне придется кое-что тебе показать. Ты позволишь мне снять наголовник?

– Зачем?

– Здесь жарко. А ждать, быть может, придется дольше, чем мы предполагаем.

Несколько мгновений парень раздумывал, затем сказал:

– Валяй, снимай. Но если вздумаешь дурить мне голову – я тебя зарежу.

Пастырь поднял руки к голове и изящным, величественным жестом снял с головы капюшон. Теперь Глеб смог хорошенько его рассмотреть. Лицо Пастыря было светложее и гладкое, словно резец времени ни оставил на нем ни царапин, ни вмятин. И, однако же, оно не казалось молодым. Это лицо – чуть вытянутое, светлоглазое и светлородное – было словно нарисовано на блестящем листе бумаги. От него так и веяло искусственностью, и от этого Глебу сделалось слегка не по себе.

Пока Глеб разглядывал Пастыря, с ловчим Бровиком что-то случилось. Он вдруг задрожал и опустил меч. Затем сделал шаг назад, наткнулся на стол и вдруг бухнулся на колени.

– Отче... – проговорил он высоким, звенящим голосом, глядя на Пастыря снизу-вверх. – Отче, умоляю...

Белый чародей медленно повернулся и взглянул на юнца.

– Ты посмел поднять на меня меч, – проговорил он ровным, спокойным голосом. – Но я не держу на тебя зла. Ты раб своих желаний, мальчик. Но я освобожу тебя. – Пастырь повернулся к своей свите, вытянул руку и сказал: – Вук!

Тот самый общинник, который пару минут назад (Глеб видел это своими глазами) вышел из кружала и отправился за девкой Жиленой, каким-то непостижимым образом снова находился среди свиты. Он шагнул вперед и вложил в протянутую ладонь Пастыря кривой кинжал.

Белый чародей взял кинжал и обхватил рукоять двумя руками.

– Ты всего лишь раб своих желаний, – повторил он гулким голосом, – но я освобожу тебя.

Он медленно занес кривое лезвие кинжала над головой ловчего Бровика.

– Я освобождаю тебя от бремени твоей никчемной жизни, мерзкий грешник. Аминь!

Глеб надвинул на глаза наголовник и поднялся с лавки.

– Не так быстро, чародей! – громко произнес он.

Пастырь замер и медленно повернул к нему голову. Глядя на Глеба своими светлыми, почти прозрачными глазами, чародей разомкнул уста и спокойно осведомился:

– Ты хочешь что-то сказать, незнакомец?

– Только если ты захочешь слушать, – ответил Глеб.

Пастырь улыбнулся и опустил кинжал.

– Я готов выслушать каждого, сын мой. Говори.

Глеб чуть прищурил темные глаза и уверенно отчеканил:

– Я пришел в кружало с этим парнем. И уйду отсюда с ним же. Хочется тебе этого или нет.

Несколько секунд чародей молчал, с любопытством разглядывая Глеба, потом сказал:

– Я слышу в твоём голосе вызов. Ты в самом деле так храбр? Или борешься с собственной трусостью, как этот мальчик?

– Ты можешь это проверить.

Общинники, сопровождавшие Пастыря, вновь выхватили из ножен мечи и вопросительно посмотрели на своего учителя. Тот улыбнулся и сказал, обращаясь к Глебу:

– Почему бы нам не сесть за стол и не поговорить, ходок?

– Мне не о чем с тобой говорить, чародей.

Пастырь улыбнулся и покачал белой, словно у альбиноса, головой:

– Ты не прав. Людям всегда есть о чем поговорить друг с другом, тебе так не кажется?

– Нет, не кажется, – сухо ответил Глеб. – Мы уходим. Отойдите от моего приятеля на три шага, а я помогу ему подняться.

Несколько секунд Пастырь молчал, затем вздохнул и сказал:

– Что ж... Я предложил тебе дружбу, но ты от нее отказался. Кто не хочет принять в свою душу Господа, тот будет носить в ней дьявола. – Чародей повернулся к своим людям и негромко приказал: – Возьмите его.

Общинники, рослые, с перекошенными лицами и сверкающими фанатизмом глазами, выхватили из ножен мечи и двинулись на Глеба.

Глеб протянул было руку за ольстрой, намереваясь снести первый эшелон общинников Пастыря дробью, однако вовремя опомнился. Горожане уверены, что Глеб Первоход мертв. Не стоит себя выдавать. По крайней мере, не теперь.

И Глеб с лязгом выхватил из ножен меч.

Сражаться с фанатиками – дело неблагодарное. Но это не самое неблагодарное дело, которым приходилось заниматься Первоходу. Несколько сильными, быстрыми ударами клинка он вышиб мечи из рук первых трех противников. Один из обезоруженных фанатиков бросился на него с голыми руками, и Глеб вынужден был ударить его крестовиной меча в лицо и сломать бедолаге челюсть.

Еще двоим Глеб разбил головы голом меча, а одному рассек сухожилие на руке.

– Остановитесь! – зычно крикнул Пастырь, воздев руку.

Общинники остановились, хрипло дыша и глядя на Глеба налитыми злобой глазами.

– В этом человеке слишком много зла, – произнес чародей сокрушенным голосом. – Он не видит чудесного мира, который я всем вам показывал. Дети мои, опустите мечи и дайте ему дорогу.

– Отче, но он оскорбил тебя! – яростно крикнул один из общинников.

– Ты ошибаешься. Нельзя оскорбить того, кто лишен гордыни, как нельзя расстроить воровством человека, у которого нет никакого имущества.

Чародей снова взглянул на Глеба.

– Мне очень грустно, ходок, что ты не захотел принять Свет. Только посмотри на то, от чего ты отказываешься!

На мгновение перед глазами Глеба заколыхались золотые волны, и он испытал такое счастье, которое знал, быть может, только в детстве, но Глеб не дал золотым волнам подхватить себя и унести в царство грез, а мотнул головой и рявкнул:

– Хватит, Пастырь! – Тотчас же золотистая пелена спала с глаз Первохода. – Отойдите от парня на три шага! Живо!

Общинники посмотрели на Пастыря. Он кивнул. Они отошли от Бровика и устались на Глеба. Сжимая в руке меч, Первоход подошел к пареньку, схватил его за плечо и рывком поднял на ноги. Бровик вздрогнул и завертел головой, тупо глядя по сторонам.

– Что со мной?... – пискнул он мальчишеским голосом. – Где я?

– Можешь идти? – спросил его Глеб.

Бровик посмотрел на него и неуверенно пробормотал:

– Да.

– Тогда иди к выходу. К выходу, я сказал! – Легонько толкнув юнца в спину, Глеб выставил перед собой меч, прикрывая отход мальчишки. – А вы стойте на месте! – приказал он общинникам Пастыря. – Или, клянусь Сварогом, я размозжу вам головы!

Дождавшись, пока Бровик выйдет из кружала, Глеб выскользнул на улицу следом за ним. В лицо ему пахнуло прохладным ветром вперемешку с дождевыми каплями. Захлопнув тяжелую дубовую дверь, Глеб поднял с земли осколок полена, быстро вставил его узкой стороной в дверную щель и, поудобнее перехватив меч, ударил им по широкой стороне полена, как молотком. Полено вошло в щель и заблокировало дверь.

Глеб отпрянул от двери и оглянулся. Юного ловчего рядом уже не было. В дверь тем временем заколотили.

– Ходок, ты пожалеешь! – яростно крикнул кто-то.

– Открой нам дверь! – злобно прорычал другой.

– Открой дверь или умрешь!

Глеб двинулся было прочь, но внезапно у него закружилась голова. Он покачнулся и схватился за вереву.

С двух сторон улицы к нему стремительно понеслись черные тени. Глеб хотел поднять меч, но неожиданно на него накатила страшная слабость. Тени приблизились, и вдруг Глеб увидел, что это не просто тени, а жуткие твари, навроде огромных черных воронов с длиннющими клювами, усыпанными острыми зубами. Глаза воронов были налиты злобой.

Глеба охватила паника. Он повернулся к двери, схватился за ручку и дернул ее на себя. Если бы дверь не была заклинена, он, не раздумывая, вбежал бы обратно в кружало, и плевать, что за дверью были враги. Однако дверь не поддавалась. Глеб обернулся и в ужасе махнул мечом. Клинок прошел сквозь гигантского ворона, как сквозь обрывок черного тумана, не встретив сопротивления.

Еще один ворон спикировал, щелкая зубастым клювом, на Глеба, но Первоход уже успел взять себя в руки.

– Призраки... – с усмешкой проговорил он. – Ловко.

Стоило ему произнести это, как вороны исчезли. Глеб облизнул пересохшие губы. Пастырь каким-то образом вызвал у него галлюцинации, надеясь загнать его обратно в кружало. И проклятому колдуну это почти удалось.

Чтобы окончательно прийти в себя, Глеб нагнулся, зачерпнул из лужи пригоршню холодной воды и плеснул себе на лицо. Сознание его окончательно прояснилось.

В дверь снова начали колошматить, и на этот раз так яростно и сильно, что она закачалась и закрипела на петлях. Пора было уносить ноги. Глеб повернулся и быстро пошел прочь.

В двадцати шагах от кружала, возле лавки зеленщика, мужики таскали тюки и ящики к телегам. Один из них поставил ящик на мокрую землю, вытер ладонью мокрое лицо и вдруг уставился на Глеба. Только сейчас, почувствовав, что по лицу льется дождевая вода, Глеб понял, что капюшон сполз с его головы. Он быстро натянул капюшон на голову, но было уже поздно.

– Это ж Первоход! – крикнул мужик. – Гляньте – это тот самый ходок!

– Который? – спросил другой мужик.

– Тот, за голову которого обещана награда!

Мужик, вытиравший лицо, шагнул к телеге и выхватил из-под рогожи вилы. Затем, бешено вращая глазами, ринулся на Глеба с вилами наперевес. Глеб молниеносно выхватил из ножен меч, отбил атаку и всадил клинок мужику в руку. Тот заорал от боли, выронил вилы и грохнулся на землю.

Еще пять или шесть мужиков бежали к Глебу с вилами и молотилками. Глеб с досадой сплюнул себе под ноги, повернулся и побежал прочь. Но травмированная спина давала о себе знать, и мужики быстро нагоняли Глеба.

– Он почти наш! – крикнул кто-то.

– Прон, швыряй в него вилы!

Вилы, брошенные сильной рукой мужика, просвистели рядом с головой Глеба и вонзились в дерево. «Придется драться», – с неудовольствием подумал Глеб и остановился, намереваясь расшвырять мужиков, как свору свирепых бродячих псов.

И вдруг из-за угла вынырнула крытая рогожей телега, прогромыхла по лиственничной мостовой и остановилась рядом с Глебом.

– Прыгай, ходок! – крикнул женский голос.

Глеб не заставил себя уговаривать. Он быстро запрыгнул на телегу, и женский голос крикнул:

– Гони, Бушуй!

Телега дернулась и снова загромыкала по мостовой, быстро набирая скорость. Однако мужики не думали отставать. Слишком уж лакомым куском был для них Глеб Первоход.

– Куды! – орал один из них, несясь за телегой.

– А ну стой! – орал второй.

– Охоронцы! Сюда! – голосил третий. – Первоход утекает!

– Бушуй, пришпорь коней! – властно приказал женский голос.

Человек, сидевший на облучке, хлестнул коней по крупам гибким кнутом. Те, коротко заржав, понесли еще быстрее. В конце концов мужики остались позади. Телега свернула за угол, проехала, не сбавляя хода, еще с полверсты, а затем сидящий на облучке громила слегка осадил коней, и они замедлили свой стремительный аллюр.

– Кажется, ушли, – сказал Глеб, скользнув взглядом по стройной фигурке женщины, лицо которой скрывала темная, полупрозрачная ткань, похожая на вуаль. – Благодарствую за помощь. А теперь мне, пожалуй, пора.

Он хотел спрыгнуть с телеги, но женщина схватила его за руку.

– Нет, Глеб! Не пора!

Глеб удивленно воззрился на женщину. Она подняла руки и откинула вуаль.

– Ты! – тихо выдохнул Глеб.

Женщина кивнула.

– Да. – И снова опустила вуаль. – Я хочу поговорить с тобой, Первоход.

– А я – нет. Прощай.

Глеб повернулся к высокому борту телеги, но женщина с горечью проговорила:

– Это я помогла тебе выбраться из подземелья, Глеб. Я спасла тебя от дыбы.

Глеб остановился.

– Значит, это ты послала в подземелье старуху с ключами? – мрачно уточнил он.

Княгиня Наталья, а это была именно она, кивнула.

– Да.

Глеб прищурил недобрые глаза и сухо спросил:

– Не проще ли было бы отпустить меня без всяких затей?

Княгиня покачала головой:

– Нет. Я не могу. Ты преступник, Первоход. Я была бы рада простить тебя, но бояре меня не поймут.

– Они по-прежнему верят, что твоими устами говорит князь?

– Да.

Глеб усмехнулся:

– Зря ты это. Пока княжеством правит мертвец, в нем не будет ни порядка, ни толку.

– Это решать не тебе, Первоход.

– Вот как? Тогда почему ты помогла мне сбежать?

– Потому что нам нужна твоя помощь.

– Кому это «нам»?

– Нам... – Голос княгини Натальи дрогнул, и она тихо поправилась: – Мне.

По лицу Глеба пронеслась тень. Лицо его стало еще злее и угрюмее.

– И чем же простой огородник может помочь светлейшей княгине? – холодно осведомился он.

– Бушуй, осадь лошадок, у меня кружится голова! – приказала княгиня Наталья. Затем, когда телега покатила еще медленнее, снова взглянула на Глеба сквозь черную вуаль и холодно ответила ему: – Я хочу, чтобы ты помог мне избавиться от одного человека.

5

– Что это за человек? – спросил Глеб после паузы.

– Он называет себя Пастырем, – ответила княгиня. – Ты ведь его уже видел, верно?

Глеб нахмурился и ответил:

– Верно.

– Он опасен, Глеб.

– И чем же?

Княгиня Наталья вздохнула:

– Власть уходит у меня из рук. Половина домовых бояр – его общинники. Сварога они не почитают, на Велеса плюют. Было ли когда-нибудь такое прежде! Пастырь хочет, чтобы и я приняла его веру. И если его кто-нибудь не остановит, когда-нибудь это случится.

– И что же в этом плохого? – поинтересовался Глеб.

– То, что я больше не буду княгиней, – тихим, дрогнувшим голосом ответила Наталья. – Пастырь просто займет мое место.

Она помолчала, теребя в пальцах черный платок, затем продолжила:

– Он теперь часто бывает в княжьих палатах. С каждым днем поклонников у него становится все больше и больше. Я и сама... все больше покоряюсь ему.

– Но зачем?

– Он может исцелить любую хворь, Глеб. И он показывает людям настоящие чудеса. Но и это не главное. Главное, что Пастырь показывает людям прелестные картинки.

– Как это? – не понял Глеб.

– Не знаю, как сказать... Но когда он рядом, живется и дышится легче. Даже мне. Мир вокруг словно бы преображается. Как если бы туча, скрывающая солнце, рассеялась и все вокруг заиграло в его золотых лучах.

Глеб задумался.

– А что, если тебе приблизить его к себе? – предложил он после раздумий. – Сделай его своим советником. Если людям с ним так хорошо, будь рядом, подели с ним его славу. Пусть все будут счастливы, и делу конец.

Княгиня покачала головой:

– Ты не понимаешь, Первоход. Все, что он делает – это неправда. Я не знаю, как тебе объяснить... Но только когда он уходит, все становится еще хуже. Как будто тебе показали море, а потом снова швырнули головой в навозную кучу.

Глеб усмехнулся.

– Сравнение не из княжеского лексикона, – заметил он. – Что же ты хочешь, чтоб я сделал?

– Я не знаю. Но, если так пойдет и дальше, скоро он станет самым главным человеком в княжестве. А светлейший князь станет лишь куклой в его руках.

– Мертвой куклой, – напомнил Глеб. – Князь Егра мертв, если ты забыла.

– Князь Егра, даже мертвый, продолжает править княжеством, – возразила Наталья. – Кукла – не он, а я. Не смотри так, Первоход. Я говорю правду. Ты считаешь меня всесильной, но я всего лишь кукла в его мертвых руках, и с каждым годом эти руки кажутся мне все более живыми.

Глебу надоел этот разговор. Он нахмурился и сказал, пожалуй, чуть более резким голосом, чем следовало бы:

– Ты хочешь избавиться от Пастыря? Нет ничего проще! Прикажи своим охоронцам схватить его и отправить на дыбу. У вас же тут с этим просто.

Несколько секунд княгиня молчала. А когда снова заговорила, голос у нее был тусклый и безнадежный:

– Они не выполняют мой приказ. И это будет конец. А даже если выполнят, то община отобьет Пастыря. Многие в городе считают его богом. Поднимется волнение, и меня просто сметут с земли. Казна пуста... Серебра едва хватает, чтобы платить жалованье охоронцам. Война с Голядью отняла слишком много сил, Глеб.

Глеб дернул щекой.

– Ты боишься, что Пастырь вытряхнет тебя и твоего мертвого князя из дворца и сам усядется на трон. Это я понимаю. Но я-то чем могу тебе помочь? Мне что, убить Пастыря?

– Не знаю, – тихо выдохнула княгиня Наталья. – Но если кто-то и сможет остановить его, то только ты.

Глеб поморщился:

– Блин... Как все у вас легко. «Если кто-то и сможет, то только ты». Чуть что случится, зовете Первохода. А когда все заканчивается, то вместо благодарности отправляете его на дыбу.

– Глеб, я...

– Да, знаю, знаю. Сильная княжеская власть, и все такое. Одно непонятно: почему княжеская сила должна проявляться только в злых и жестоких делах? Построили бы школы да больницы. Дети, даже дети купцов и бояр, не разумеют грамоте и не могут нацарапать не бересте свое имя. Больных в княжестве больше, чем здоровых. Люди мрут, как мухи, даже без моровой язвы. А вы там сидите, вцепившись в трон, и боитесь что-то сделать для людей, потому что для этого придется выпустить трон из рук.

– Упреки твои справедливы, Первоход, – сказала княгиня. – Но все не так просто, как ты думаешь.

– Точно, – кивнул Глеб. – Править княжеством – это не в Гиблое место ходить. Так ты мне когда-то сказала. Но знаешь, я ведь в Гиблое место тоже не по грибы хожу.

– Я понимаю, Первоход. Я все понимаю. Но... ты pomoжешь мне?

– Убить Пастыря? – Глеб качнул головой. – Нет, не думаю.

Наталья помолчала, теребя платок.

– Глеб, ради нашей дружбы... – тихо и неуверенно проговорила она. – Ведь были же мы когда-то близки...

– Призраки прошлого не по моей части, – отрезал Глеб.

Несколько секунд княгиня молчала, кусая губы, потом хрипло сказала:

– Я заплачу тебе.

– Сколько? – сухо осведомился Глеб.

– Сорок золотых солидов.

– Это целое состояние.

– Да. Но княжий трон стоит того.

– Княжий трон, – повторил Глеб и усмехнулся. – Похоже, он по-настоящему ускользает из-под пресветлого зада твоего мертвого мужа.

– Говори, что хочешь, но убей белого чародея! – воскликнула вдруг Наталья. – Он проклял меня! И теперь на меня косо смотрят даже самые верные мои слуги!

– За все в мире приходится платить, княгиня.

– Ты прав. И поэтому я плачу тебе сорок солидов. Бушуй! – позвала княгиня.

Верзила на облучке повернулся и протянул Глебу кожаный мешочек. Глеб взял мешок и взвесил на ладони.

– Тяжелый, – констатировал он.

– В нем ровно сорок солидов. Так ты возьмешься за это дело?

Глеб помолчал, обдумывая все, о чем поведала ему Наталья, затем облизнул губы и сказал:

– Ты платишь мне золотом. Хорошо. Но этого мало.

– Чего же ты хочешь еще?.. Погоди... – Лицо княгини под темной вуалью дрогнуло. – Ты хочешь, чтобы я... Чтобы мы с тобой...

– Что? – Внезапно догадавшись, Глеб усмехнулся и качнул головой: – О, нет. Ты меня неправильно поняла. Ты все еще неплохо выглядишь, но я не претендую ни на одну из частей твоего пресветлого тела, равно как и на все тело целиком. Я хочу, чтобы ты отменила награду за мою голову. Слишком много людей погибло из-за твоего указа. И, если ты не отменишь его, погибнет еще больше.

Княгиня под вуалью усмехнулась.

– И только-то? Хорошо. Я отменю указ. Теперь мы договорились?

– Да. Теперь мы договорились.

– Где ты остановился, Глеб?
– Пока нигде.
– А где остановишься?
– Тебе об этом знать не стоит.
– Неужели ты думаешь, что я...
– Власть переменчива в своих решениях, – перебил Глеб. – И лучше мне держаться от таких, как ты, подальше. Мне пора, княгиня. Прощай!
Глеб легко соскочил с телеги.
– Прощай, Первоход! – сказала Наталья вслед Глебу. – Я буду молиться за тебя!
– Помолись лучше за себя, – буркнул Глеб и, кутаясь в плащ, зашагал по мокрой, слякотной улице.

6

Поднявшись на крыльцо, Глеб трижды тяжело стукнул в дверь. Прошло довольно много времени, прежде чем глуховатый голос из-за двери спросил:

– Кто там?
– Здравствуй, Молчун! – громко сказал Глеб.

Лязгнул железный засов, и тяжелая дубовая дверь мягко распахнулась. Человек, открывший Глебу, был среднего роста, но чрезвычайно широкоплеч и крепок в кости. Смуглое, обветренное лицо его было скуластым, а темные глаза были чуть раскосы и так глубоко посажены, что мерцали из глубины черепа, как два крохотных омута.

Оглядев Глеба с головы до ног и заглянув ему за спину, мужчина потеснился и сказал:
– Входи.

Как только Глеб переступил порог, мужчина закрыл за ним дверь и задвинул ее железным засовом. Слева и справа от двери Глеб увидел небольшие скобы, а на них – тяжелые ножи-косари из белого железа.

Ходок Молчун – крепкий, как дубок, сорокалетний мужик – повернулся к Глебу и взглянул на него своими странными темными глазами.

– Ну, здравствуй, Первоход, – сказал он. – Идем. Усажу тебя за стол и попотчую тем, что боги послали.

Молчун первым двинулся в глубь избы, прихрамывая на левую ногу. Глеб неторопливо последовал за ним.

– Лавка, – сказал Молчун, когда они вошли в горницу, и указал толстым, мясистым пальцем на лавочку, накрытую мягким персидским ковром. – Место для гостей.

Глеб кивнул и уселся на лавку. Молчун потянулся к широкому воронцу, снял с него кувшин и кружки и поставил все это на стол. Затем достал оттуда же тарелку с холодным отварным мясом и плошку с солью.

Несмотря на свое прозвище, Молчун вовсе не был таким уж молчуном. Он замыкался, когда беседовал с чужими людьми, а в кругу ходоков был вполне разговорчив.

– Мясa-то, небось, давно не едывал? – осведомился он, прищурив свои черные глазки-омуты. – Все с огорода своего кормишься? А я ежели два дня мяса не ем, мне дурно делается.

В воздухе витал крепкий запах перегара. Под угловой лавкой Глеб увидел черепки разбитого кувшина, в одной из черепиц еще оставалось немного вина. В горнице царил беспорядок. Ничего ценного в избе Глеб не заметил, и это было странно, поскольку Молчун никогда не жалел денег на дорогие и красивые вещи.

Глеб внимательнее взглянул на Молчуна. Лицо ходока было припухлым, глаза чуть заплаыли, а нос побагровел и покрылся мелкими красными прожилками. Когда Молчун наливал в кружку квас, пальцы его заметно подрагивали.

Внезапно Глебу стало душно и тесно в этой пропахшей перегаром избе, захотелось на свежий воздух. Едва удержавшись от того, чтобы встать и уйти, он сказал:

– Я получил твоё послание, Молчун.

Молчун кивнул:

– Да. Я знаю, что оторвал тебя от твоего огорода, Первоход. Знаю, что ты добирался сюда несколько дней. Мне неловко из-за этого, и я...

– Кончай эту песню, – поморщился Глеб. – Однажды ты спас меня от смерти, и теперь я твой должник.

Глеб не преувеличивал. Ходок Молчун и в самом деле спас ему жизнь. Года два назад он вытянул Глеба из ямы-ловушки, а потом четыре версты волок его на своем горбу до реки.

Запах перегара снова зашекотал Глебу ноздри, когда хозяин дома пододвинул к нему кружку с ягодным квасом.

– Так зачем ты меня позвал, Молчун? – спросил он и отпил кваса.

Молчун наполнил и свою кружку, отставил кувшин, взглянул на Глеба и сказал:

– Ты должен мне помочь вернуть младшего брата, Первоход.

– Хлопушу? – удивился Глеб. – Но, кажется, твой брат взрослый парень.

– Взрослый, – согласился Молчун, – но разума в нем меньше, чем у дитяти.

Ходок немного помолчал, хмурия брови и глядя в кружку с квасом, затем заговорил снова:

– Мы с ним не слишком ладили в последние месяцы. Я привел в дом бабу. Объяснил ему, что устал жить бобылем. Но они с Улитой сразу друг дружке не глянулись.

Глеб молча отхлебнул кваса. Он ждал продолжения рассказа, и продолжение последовало.

– С год назад Хлопуша сказал, что хочет пойти в Гиблое место. Еще сказал, что коли я его туда не отведу, он пойдет сам. И я его отвел. Недалеко. Версты на четыре от межи. Я думал, Хлопуша испугается, а вышло наоборот. Он вбил себе в голову, что может ходить в Гиблое место один. Ты знаешь, Первоход, наше ремесло приносит хороший доход, и мой младший брат ни в чем не нуждался. Я никогда не держал его кошелек пустым. И этим избаловал его. Но я растил его один. Как мог, так и растил.

– Оставь эту лирику, Молчун, – сухо сказал Глеб. – Хлопуша пошел в Гиблое место без тебя?

Ходок кивнул:

– Да, но не один. Он нашел какого-то добытчика по имени Оскол и увязался с ним. Я слишком поздно об этом узнал и не успел его остановить.

– Обратно он не вернулся, верно?

– Верно.

– Когда это случилось?

– Месяцев пять назад.

Глеб удивленно приподнял брови, потом нахмурился и спросил:

– Что ты предпринял?

– Я два раза ходил в Гиблое место. Думал, сыщу. В первый раз бродил по чащобе две недели. Навидался такого, что и в страшном сне не увидишь. Во второй раз пробыл там три дня. Нарвался на здорового волколака, и он сильно меня помял. Так сильно, что я месяц не мог встать с полатей. Оклемавшись, я снова хотел туда пойти, но... не смог. После драки с волколаком что-то во мне поломалось. – Молчун вздохнул и добавил с угрюмой горечью: – Я больше не ходок, Глеб. И никогда им не буду.

Глеб отпил кваса, посидел, задумчиво хмурия брови и исподлобья поглядывая на Молчуна, затем сказал:

– Ты думаешь, Хлопуша еще жив?

– Он жив, – сказал Молчун. – Жив и здоров. Я рассказал свою историю не до конца. Два месяца назад до меня дошли слухи, что мой брат вернулся в Хлынь. Говорят, он теперь живет в «уграйской куше» у белого чародея, которого все кличут Пастырем. Я пытался выпцарапать его оттуда, но общинники Пастыря натравили на меня собак.

– Ты не сумел сладить с собаками? – прищурился Глеб.

– Я убил четырех псов. А пятый сгрыз мне сухожилие на ноге. Вдовесок сверху мне на спину вылили кипящее варево. Не помню, как я вернулся домой. Думал, отдам душу Велесу, но моя баба, Улита, выходила меня и поставила на ноги. Однако я уже не тот, Глеб. Я уже не тот.

Молчун вздохнул, взял из плошки кусочек мяса, швырнул его в рот и принялся угрюмо жевать. Глеб тем временем обдумывал его слова. Интересная получалась история. Похоже, этот Пастырь заполнил собою все, овладел всеобщим вниманием и увел в свою общину всех юнцов города.

Впрочем, Глеб сам видел, на что способен Пастырь. Вот только... Кто сказал, что этот Пастырь так уж плох? Покусился на древних богов? Но, кажется, взамен он предложил людям новых и доказал, на что эти новые боги способны. В конце концов, Иисуса когда-то тоже считали самозванцем, а теперь ему поклоняется половина населения земного шара.

Глеб взглянул на хмурое лицо Молчуна и спросил прямо:

– Зачем ты хочешь его вернуть? Быть может, он счастлив с этим Пастырем. Я слышал, белый чародей показывает настоящие чудеса.

Молчун посмотрел на свои руки. Сжал их, разжал, снова сжал. Потом поднял взгляд на Глеба и сказал:

– С этим Пастырем что-то не так, Первоход.

– О чем это ты?

– Он появился в Хлынь-граде ниоткуда. Но все здесь знает, будто и раньше бывал у нас. И еще – я встретил одного безногого калику по имени Пичуга. Он был среди той шушеры, которая увязалась за Пастырем, когда тот пришел в Хлынь.

– И что?

– Никто не видел Пастыря без сияющих одеяний. А Пичуга видел. Никто не видел Пастыря без ореола над головой. А Пичуга видел. Он говорил, что из леса вышел простой человек. Но чем ближе он подходил в городу, тем светлее делался его плащ, тем белее становились его волосы. А когда Пастырь остановился у городской стены, от него исходило золотое сияние.

Молчун снова посмотрел на свои руки, будто оценивал, способны они еще хоть на что-нибудь, или лучше отрезать их и бросить в выгребную яму.

– Есть еще одно, – проговорил он затем. – Две седмицы тому назад я встретил Пастыря возле торжка. При мне был меч. Я вытянул его из ножен и положил на землю. Потом подошел к чародею. Я просил его вернуть мне брата. Вернуть миром. Пастырь посмотрел мне в глаза, и меня пробрал мороз. Я видел, как перекосилась его рожа, Глеб. Передо мной была рожа темной твари. Но длилось это все лишь миг, и никто, кроме меня, этого не заметил. Потом видение прошло, и я увидел самое прекрасное лицо на свете. Но я уверен, Первоход... Я знаю, что под сияющим одеянием чародея скрывается безобразное тело темной твари.

Глеб смотрел на ходока недоверчиво. Глаза Молчуна блестели нездоровым блеском. Время от времени он вытирал губы, хотя те были сухи, – жест, присущий всем алкоголика.

– Я видел Пастыря, – сказал Глеб. – Похоже, хлынды его обожают.

– Среди его паствы есть богатейшие купцы, Первоход. Они дают ему столько злата, сколько он пожелает.

Глеб отхлебнул кваса, облизнул губы и сказал:

– Хороший у тебя квас, Молчун. Густой, терпкий. Однако я так и не понял – чего же ты хочешь от меня?

На широком лбу Молчуна выступила испарина.

– Для тебя нет ничего невозможного, Первоход, – взволнованно проговорил он. – Верни мне моего брата. Верни Хлопушу!

Глеб долго сидел молча, и ходок не торопил его с ответом. Но в конце концов выдержка изменила Молчуну, и он, резко подавшись вперед, проговорил:

– Ты мне должен, Первоход. Ты мой должник, помнишь?

Глеб одарил Молчуна неприязненным взглядом и кивнул.

– Хорошо. Я подумаю, что могу сделать. Но для начала я бы хотел сходить в баню и помыться. А потом – хорошенько выбить одежду. В моем плаще – пыль двадцати дорог.

– Я затоплю для тебя баню, Первоход. – Молчун поднялся с лавки. – Ешь, пей и отдыхай. Мой дом – твой дом.

* * *

Дело не казалось Глебу таким уж сложным. Он все еще чувствовал легкую досаду из-за того, что Молчун оторвал его от работ на огороде, но успокаивал себя тем, что через несколько дней снова вернется домой и сменит меч и ольстру на лопату и мотыгу.

Скрип двери прервал его размышления. В избу вошла белокурая молодая баба в тулупчике и цветастом платке, сбившемся на затылок. Щеки ее алели с ветра.

– Здравсьте! – выпалила она, увидев Глеба.

Глеб кивнул.

– Я Улита! – весело сообщила баба. – А ты...

– Я приятель Молчуна, – спокойно ответил Глеб.

Улита улыбнулась, блеснув белоснежными зубами.

– Красивые у него приятели! – насмешливо заявила она. – Помоги-ка мне стянуть тулуп!

Глеб встал с лавки и подошел к бабенке. Помог ей стянуть тулуп и повесил его на гвоздь. И тут вдруг бабенка прижалась к нему всем телом. Тело у нее было мягкое и жаркое. У Глеба на мгновение перехватило дыхание.

– Значит, это ты выходила Молчуна, когда его порвали собаки? – спросил он.

– Знала бы, что у него такой друг, не выходила бы. – Она резко повернулась и, ткнувшись Глебу в живот крепкими грудями, проговорила глубоким голосом: – А вот тебя бы выходила.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

С улицы загремели хромые шаги. Улита торопливо отпрянула от Глеба. Дверь распахнулась, и в избу вошел Молчун. Кивнул на бабенку и сказал Глебу:

– Это и есть моя Улита.

Улита шагнула к Молчуну, обняла его за талию и чмокнула щеку в лысоватую голову.

– Ну-ну-ну, – отстранил ее от себя Молчун. – Не люблю на людях. Вот, познакомься-ка: это Глеб Первоход. Ты наверняка о нем слышала.

– Тот самый? – Брови Улиты взлетели вверх, а глаза, устремленные на Глеба, засверкали. – Вот, значит, ты какой, Первоход! Молчун считает тебя лучшим ходоком в княжестве.

– Много болтаешь, – угрюмо проговорил Молчун. – Поди-ка пошеруди в печи. Угли, мнится, уже потухли.

– Да тепло ведь!

– Ступай, сказал! – прикрикнул Молчун.

Улита пожала покатыми плечами и прошла к печи. Молчун покосился на Глеба и тихо пояснил:

– После Гиблого места я все время мерзну, Глеб. Выморозила меня проклятая чашоба. Выморозила до самых костей. Сколько б ни лежал на печи, внутри – вечный холод. У тебя такого нет?

– Нет, – проронил Глеб.

Молчун угрюмо усмехнулся.

– Ну, на то ты и Первоход, – сказал он. – Я затопил баню. Улита, найди гостю чистое белье!

Глава третья В «куще»

1

С тех пор, как Хлопуша стал членом общины, жизнь его переменилась.

Никто здесь не дразнил его увальнем и никто не помыкал им. Хлопуша делал то же, что и другие. Колот дрова, топил печи, убирал двор, носил воду. Однако вся эта работа была ему не в тягость. Каждое его действие – мел ли он землю метлой или выносил помой к вонючему оврагу – было будто бы освещено теплым, мягким светом, который струился от белой фигуры Пастыря.

Это не значит, что белый чародей всегда был рядом. Наоборот, появлялся он в «уграйской куще» крайне редко. Раз в день, а то и в два. Все остальное время Пастырь посвящал проповедям. И результаты этой работы были налицо. С каждым днем община Пастыря разрасталась, включая все новых и новых общинников.

Поначалу Хлопуше было в диковинку видеть, как богатые купцы, которые прежде проезжали по улицам на своих расписных телегах, в упор не замечая Хлопушу и прочих дрянных людишек, теперь трудились рядом с Хлопушей рука об руку.

Изредка, впрочем, в их взглядах проскальзывало презрение, но они тут же прогоняли его и улыбались Хлопуше и прочим простолюдинам так широко, что Хлопуша всерьез опасался, как бы у них не полопались рты.

Отлично бы жилось Хлопуше в «уграйских кущах», но вот беда – Пастырь учил, что богобоязненный христианин должен довольствоваться малым и питаться, как божья птичка. И если кого другого ломоть хлеба, обмазанный маслом, мог насытить на полдня, то Хлопуша проглатывал этот ломоть, даже не почувствовав на языке тяжести, будто глотал кусок воздуха. И такой же воздух полоскался в брюхе у Хлопуши с утра до вечера, и с вечера до утра.

Хлопуша честно старался не думать о естве и нарочно занимал себя тяжелой работой. Но даже когда он перепиливал в одиночку бревна тупой пилой, мысли его все равно крутились вокруг еды.

«Парная говядина, запеченная в глине, очень хороша с красным вином. Но вино к ней надобно брать только таврийское, оно слаще гофских вин и при этом хорошо треплет язык... Вот леший! Опять я о жратве да вине! Это все Сатана! Да-да, это он, нечисть козлоногая! Кружит мне голову запахом жареного мяса, хотя никакого мяса поблизости нет! Заклинаю тебя Отцом, Сыном и Святым Духом – поди от меня прочь, рогатая тварь!»

– Тише! – недовольно проговорил кто-то. – Ты чего это размахался пилой, брате? Чуть башку мне не отхватил!

Хлопуша выпрямился и взглянул на рослого, лысого общинника, одного из помощников Пастыря.

– Прости, Гвидон, – виновато произнес он. – Замечтался я чего-то.

– Вот как? – Гвидон, который был в отсутствие Пастыря «смотрящим», усмехнулся: – И о чем же ты мечтал, брате?

– О том, как предстану пред лицом Господа нашего, покаюсь во всем, что совершил непотребного и грязного, и оболью слезами плащаницу его, – ответил Хлопуша, потя от собственного вранья.

Гвидон пристально взгляделся в пухлое лицо Хлопуши и сказал:

– Отрадны мечты твои, брате. Но стоит ли дожидаться кончины, чтобы открыть кому-то свою душу? Поговори со мной. Поведай о том, какие греховные мысли гложут твое сердце?

Тогда Хлопуша облизнул губы и ответил:

– Я, Гвидон, хочу тебе все рассказать. Но стыжуся.

– Вот как? И чего же ты стыдишься, брате?

– Стыжуся я, Гвидон, своей слабости. Что бы я ни делал, об чем бы ни думал, но я все время хочу жрать.

Лицо Гвидона расправилось.

– Вот оно что. – «Смотрящий» улыбнулся. – Сие грех, но грех небольшой. Хочешь, я расскажу об этом Пастырю, и он поможет тебе?

В глазах Хлопуши мелькнул испуг, он мотнул головой и поспешно возразил:

– Не нужно.

– Отчего же?

– Пастырь – воин Божий. Он может поймать за хвост самого Сатану и притащить его сюда, чтобы я посмотрел, с какой страхолюдиной мне придется иметь дело, ежели я не перестану думать о жратве.

Гвидон засмеялся, отчего безбородое и безбровое лицо его не стало добрее, как это бывает у обычных людей, но еще опаснее.

– Верно говоришь! Не стану я рассказывать о твоей беде Пастырю. Но сможешь ли ты сам одолеть греховные мысли?

– Смогу, – буркнул Хлопуша.

Несколько мгновений Гвидон молчал, разглядывая Хлопушу, потом сказал:

– Я тебе верю, брате. Продолжай пилить.

Хлопнув верзилу ладонью по плечу, «смотрящий» двинулся дальше, поглядывая по сторонам и отдавая общинникам короткие указы, коим все подчинялись беспрекословно.

Еще два часа Хлопуша пилил бревна, обливаясь потом. Потом сел передохнуть и попить воды. Напившись, он задрал рубаху и взял двумя пальцами складку на животе. Оценив ее между пальцами, вздохнул и удрученно проговорил:

– Еще пара седмиц, и от меня останется один скелет.

Выпустив из пальцев складку, Хлопуша перевел взгляд на огромное деревянное распятие, только на этот раз вместо изможденного Христова тела ему почудился распятый на широкой сковороде жареный цыпленок.

Рядом с Хлопушей кто-то остановился. Верзила поднял на него взгляд и спросил дрогнувшим голосом:

– Ты бес?

– Ты что, Хлопуша, с дуба рухнул? Это ж я, Уголек.

– Уголек? А я тебя не узнал. Привиделось с голодухи-то...

Общинник Уголек, парень еще не старый и добрый, засмеялся, достал что-то из-за пазухи и протянул Хлопуше.

– На-ка вот, держи.

– Чего это?

– Хлеб.

Хлопуша вперил в кусок хлеба голодный взгляд и через силу проговорил:

– Зачем это? Не надо. Это ж твой.

– Я уже наелся. Да я и вовсе без еды могу. А ты мужик здоровый, тебе без хлеба никак.

– Ну, не знаю... – продолжал колебаться Хлопуша. – Хорошо ли это?

– Да бери уже, чучело! – весело воскликнул Уголек. – В другой раз не предложу.

Хлопуша взял хлеб и быстро запихнул его в рот. Потом прислонился спиной к стене сруба, улыбнулся и блаженно выдохнул:

– Вот оно счастье-то... Не понимаю я, Уголек, как можно строить царство Божье на голодное брюхо? Даже Господь осыпал своих чад небесной манной и делил меж них рыбу, которой не было конца.

– Господь так же сказал, что мы должны быть умеренны в еде, – заметил Уголек.

– А может, он сказал это, не подумавши? Нет, я не спорю, но... – Хлопуша не закончил фразу, ему вдруг стало стыдно, что он забрал последний кусок хлеба у тощего Уголька. Он хотел сказать Угольку что-нибудь хорошее, но сразу ничего в голову не пришло, а пока

Хлопуша думал, Уголек уже куда-то ушел.

Тогда Хлопуша вздохнул и закрыл глаза, намереваясь чуток подремать. Когда Хлопуше становилось особенно тяжело жить, он предпочитал спать.

Сон пришел почти сразу. Приснились Хлопуше жареные цыплята. Они порхали вокруг него, как бабочки, махая своими куцыми крылышками, и говорили ему звонкими, веселыми голосками:

– Съешь нас! Съешь нас! Съешь!

Но Хлопуша не мог гоняться за бабочками, потому что он был так толст, что не видел из-за пуза собственных ног. Тогда он просто раскрыл рот, и цыплята ринулись туда наперегонки, смеясь и расталкивая друг друга ароматными, обжаристыми до хрустящей корочки крылышками.

Когда Хлопуша проснулся, солнце уже перевалило через полдень. Рядом кто-то разговаривал. Хлопуша повернул взлохмаченную голову и увидел в пяти шагах от себя «смотрящего» Гвидона и парня Уголька.

– Гвидон, – спросил Уголек, – где Пастырь?

– Отлучился по своим делам, – ответил Гвидон. – А ты почему спрашиваешь? На что тебе Пастырь?

– Соскучился. Когда вижу его – мне легко и просто. А когда его нет, тоскую.

– Это потому, что ты мало молишься, Уголек. Молись больше, и все будет хорошо. Мы – избранные Божьи. Впереди у нас битва, и мы должны быть готовы к ней. Иди, занимайся своим делом.

Однако Уголек не двинулся с места. Несколько секунд он просто стоял, набычившись, потом сухим, трескучим голосом промолвил:

– Я больше не хочу никому подчиняться, Гвидон. И не хочу следовать за Пастырем. Боги моих отцов были добрее ко мне, чем Пастырь и его плачущий, распятый бог.

Лицо Гвидона вытянулось от изумления.

– Понимаешь ли ты, о чем говоришь, проклятый язычник? – гневно воскликнул он.

Уголек побагровел от волнения и раскрыл было рот, чтобы что-то ответить, да не успел. Воздух перед ним вдруг задрожал и стал стремительно сгущаться. Уголек вытаращил глаза и попятился – и правильно сделал, потому что на том месте, где он только что стоял, появился откуда ни возьмись сам белый чародей.

Появление Пастыря не осталось незамеченным общиной. Народ вокруг загалдел и стал стекаться со всего огромного подворья. Люди глядели на Пастыря с восторгом, страхом и почитанием.

Сам же он огляделся приветливым, добрым взглядом, кивнул одному, улыбнулся второму, подмигнул третьему, а затем повернулся к Гвидону и спросил:

– Об чем спорите, дети мои?

Лысый Гвидон опустил руки по швам и доложил:

– Этот парень, что зовется Угольком, только что сказал, что боги его отцов добрее Иисуса.

Пастырь посмотрел на Уголька. Тот стушевался под пристальным взглядом чародея, ссутулился и слегка покраснел.

– Ты правда это сказал? – уточнил Пастырь.

– Правда, – тихо ответил Уголек. – Я больше не хочу быть в твоей общине, Пастырь. Отпусти меня домой.

– Домой? – Чародей прищурил светлые глаза. – Но где он, твой дом?

Уголек хотел ответить, но тут вдруг Пастырь гаркнул:

– Геенна огненная – вот твой дом!

Этот внезапный окрик был столь страшен, что общинники, окружившие Пастыря, Гвидона и Уголька, побледнели от страха и едва не бросились врассыпную.

– Безбожник! – яростно проговорил Пастырь. – Как смел ты упрекать Господа?

Уголек испуганно сжался, но не пошел на попятную, а упрямо заявил:

– Это не мой бог. – Затем облизнул губы, поднял на Пастыря взгляд и севшим от волнения голосом добавил: – Да и бог ли он вообще?

Несколько секунд белый чародей молчал, пристально разглядывая Уголька, затем сжал кулаки и резко изрек:

– Я – воин Господа, его апостол! И я не позволю тебе разверзать твои поганые уста для поганных речей!

Пастырь устремил на Уголька сверкающий гневом взор и протер над его головой руку. Толпа общинников ахнула и попятилась при виде того, что стало происходить с богохульником Угольком.

Губы парня плотно сомкнулись и стали срастаться. Уголек силился открыть рот, но губы его, будто склеенные рыбьим клеем, смыкались снова. Прошло еще несколько мгновений, и рот парня исчез вовсе, а вместо него образовалось гладкое место.

Уголек стал царапать ногтями кожу там, где только что был рот. Глаза его наполнились ужасом и отчаянием.

– Смири гордыню и подчинись мне! – властно пророкотал белый чародей.

Уголек замычал и замотал головой, с ужасом и ненавистью глядя на Пастыря. Тот сдвинул светлые брови и произнес с упреком и горечью:

– Я не вижу в твоих глазах ни раскаяния, ни смирения. Они смотрят и не видят. На что они тебе, грешник? Именем Божиим приказываю – сомкнитесь, недостойные очи!

По толпе общинников пробежал ропот ужаса, когда они увидели, что глаза Уголька затянулись тонкой прозрачной кожицей, а затем исчезли вовсе. Теперь на страшном, гладком лице парня торчал только нос.

Бедный Уголек, мыча от ужаса, стал метаться по двору, в кровь раздирая себе ногтями кожу на лице. Добежав до распятия, он стукнулся головой об перекрестье, отшатнулся, попятился, споткнулся об дрова и рухнул в жертвенный костер.

Одежа вспыхнула на Уголке, как сухая солома. Парень выкатился из костра и, объятый пламенем, махая руками, как подбитая птица, стал кататься по земле.

– Да сгорит твоя адская душа на сем костре тщеславия, неблагодарности и гордыни, еретик! – пророкотал Пастырь и опустил свою белую длань.

Уголек перестал метаться и замер. Пламя стремительно пожирало его туловище, руки, ноги и голову, превращая их в обугленные головни. А Пастырь повернулся к общинникам, распахнул им навстречу руки, будто обнимая их, и громко возвестил:

– Вы – избранные! Свидетели бытия моего на лице земли сей! Какие еще чудеса нужны вам, чтобы уверовали в меня?

Общинники пристыженно молчали.

– Я указал вам путь к спасению! – с упреком продолжил Пастырь. – Я взял вас к себе и пригрел к душе своей, как кровных детей! Отчего вы платите мне за любовь черной злобой?

Общинники потупили головы. Глаза их были полны ужаса и стыда. Пастырь посмотрел на них, прищурив светлые глаза, и вдруг улыбнулся.

– Подойдите ко мне, братие! – позвал он. – Я не держу на вас зла!

Общинники, ободренные словами своего вождя, воспряли духом и двинулись к белому чародею. Пастырь, глядя на них, заплакал.

– Все, что я делаю для вас, я делаю из любви к вам, – сказал он, и голос его тронул сердца всех присутствующих, как если бы с ними говорил сам Иисус.

– Отче! – крикнул кто-то. – Слезы твои язвят и обжигают нас!

– Смилуйся над нами, учитель! – вторил ему другой.

– Будь нам добрым Пастырем! – умолял третий.

– Хорошо. – Чародей улыбнулся им светлой улыбкой, в которой было так много доброты и любви, что даже у самого черствого и злого человека сжалось бы сердце. – Я буду вам добрым пастырем.

Смахнув с глаз слезы, он указал пальцем на обугленное тело Уголька и распорядился:

– Уберите отсюда *это*. Унесите и бросьте в овраг.

Благословив передний ряд общинников прикосновением длани, Пастырь повернулся и неторопливо пошел к воротам. Толпа покорно расступалась перед чародеем, а следом за ним шествовали трое его ближайших помощников, молчаливые, бесстрастные, с безжалостными глазами профессиональных ратников или убийц.

* * *

Хлопуша был потрясен чудесами, которые явил Пастырь, не меньше других. Но еще больше он был потрясен гибелью Уголька, обгоревшее тело которого уже унесли со двора.

Станным образом страх, голод и сожаление перемешались в его душе и выдали на выходе совершенно чудовищный симбиоз. Хлопуша смотрел на огромное деревянное распятие, стоящее посреди двора, и готов был пролить слезы умиления, но тут вдруг вместо креста перед глазами его вставал огромный железный противень с жареной курицей, покрытой ароматной хрустящей корочкой.

Желудок Хлопуши скручивало от голода, но тут же он видел, что у курицы, прибитой к кресту, лицо Уголька. И тогда к его горлу подкатывала тошнота.

Тогда Хлопуша стискивал зубы и начинал молиться:

– Отче наш, иже еси на небеси... Да святится имя Твое...

И вдруг он с ужасом и изумлением замечал, что мерзкие, богопротивные уста его бормочут совсем другое.

– ...колбаса с салом хороша в любом виде... а поросенка, прежде чем положить на сковороду и сунуть в печь, лучше бы опустить на полдня в чан с кислым вином, а после – обмазать жирными сливками...

Хлопуша замолчал и испуганно огляделся – не услышал ли кто его голодной блажи. Но общинники были заняты своими делами.

«Вы – избранные! – прозвучал в голове у Хлопуши громоподобный голос Пастыря. – Свидетели бытия моего на лице земли сей! Какие еще чудеса нужны вам, чтобы уверовать в меня?»

По толстым щекам Хлопуши потекли слезы.

– Недостойн, Господи... – забормотал он. – Недостойн предстать пред лицом твоим, ибо грешен и погряз во грехах своих безвылазно. Но прошу тебя, Отче, смилуйся надо мной... Ибо если обману тебя, то пусть покарает меня вываренный в молоке и обжаренный на вертеле гусь, чьи потроха украсят собой капустную похлебку и придадут ей жирность и мясной привкус...

Хлопуша выкатил глаза и с размаху хлопнул себя по рту широкой ладонью. Опять!

Устав бороться с собой, верзила уселся на бревно и горестно вздохнул:

– Тяжелы грехи мои, Отче. Но, леший меня подери, как же пуст мой живот и как же мне хочется жрать! Появись сейчас предо мной дьявол, кажется, сожрал бы и его!

Хлопуша вздохнул, поднялся с бревна и, опустив покатые медвежьи плечи, двинулся к своей деревянной будке, служившей ему кельей. Там, на гвозде, вбитом в стену, его ждала плеть с оплетенным в железо охвостком.

Хлопуша назначил себе наказание сам – десять ударов плетью. Однако страха в его душе не было, и о предстоящем истязании Хлопуша думал почти с радостью. Плеть – штука неприятная, но кожа у него толстая – это раз, а боль поможет ему хотя бы на время позабыть о пустом брюхе – это два.

2

Ранняя выдалась весна. Теплая, мокрая, пасмурная. Глеб шагал по размокшей дороге, старательно обходя лужи.

«Что, если Молчун не врет? – размышлял он. – Что, если белый чародей и впрямь явился в Хлынь из Гиблого места?»

В ушах у него все еще звучали слова Молчуна:

«Я встретил одного безногого калику по имени Пичуга. Он был среди той шушеры, которая увязалась за Пастырем, когда тот пришел в Хлынь. Никто не видел Пастыря без сияющих одеяний. А Пичуга видел. Никто не видел Пастыря без ореола над головой. А Пичуга видел».

Часа два Глебу понадобилось, чтобы напасть на след бродяжки Пичуги. Один из калик-попрошаек рассказал Глебу (в обмен на три медяшки), где можно отыскать Пичугу. Сунув в карман монетки, попрошайка ощерил беззубый рот и сообщил:

– Я видел Пичугу полчаса назад. Он собирался навестить одного приятеля.

– Какого? – сухо осведомился Глеб.

Попрошайка сдвинул со лба шапку, прищурил слезящиеся глазки и ответил:

– Этого прохвоста зовут Ерш. И характер у него ершистей самого ершистого ерша.

– Где его найти?

Попрошайка ухмыльнулся.

– Знаешь лавку тетке Яронеги?

– Ну.

– Вот там он и околачивается с утра до ночи. Помогает Яронеге грузить на телегу коробки с зельем.

Глеб сунул в рукавицу попрошайки еще одну медяшку и отправился к лавке, которую держала торговка лекарскими снадобьями Яронега.

Возле лавки и впрямь околачивался какой-то парень. Парень был долговяз, хмур и одет в странную хламиду, похожую на одеяло с прорезями для рук.

Завидев приближающегося Глеба, парень сунул правую руку под хламиду и взглянул на него острыми, холодными глазами. Глеб остановился в двух шагах от парня и спросил:

– Ты Ерш?

Парень сплюнул Глебу под ноги и дерзко огрызнулся:

– Я-то Ерш. А ты что за донный карась?

– Меня зовут Глеб. Хочу с тобой поговорить. Отойдем?

– Я тебя не знаю, – холодно отмахнулся парень. – Иди своей дорогой, прохожий.

Глеб откинул полу плаща, скрывающую оружие, и положил пальцы на рукоять меча.

– Видимо, ты не расслышал с первого раза, – сказал он, глядя парню в глаза. – Я хочу с тобой поговорить. Отойдем под деревья.

И он посторонился, пропуская парня к деревьям. Ерш несколько секунд играл желваками, приглядываясь к Глебу, затем кивнул и быстрой походкой отошел от лавки. Глеб, по-прежнему держа пальцы на рукояти меча, последовал за ним.

– Ну? – спросил ерш, войдя в тень деревьев и обернувшись. – И чего тебе от меня надо?

– Я ищу Пичугу, парня с деревянной ногой, – сказал Глеб. – Где он?

Парень прищурил колкие, цепкие глаза.

– Не понимаю, о ком ты говоришь. На торжке много разных пичуг. Брось на снег горсть хлебных крошек, они и слетятся.

Глеб, пристально глядя на парня, сжал рукоять меча.

– Я повторю свой вопрос, – отчеканил он. – И если ты снова вздумаешь юлить, мне придется достать меч из ножен. А будет тебе известно: я никогда не достаю меч, если не уверен, что пущу его в ход. Итак, я повторяю: где мне найти Пичугу?

– Он... – Парень осекся и закусил губу.

– Ну? – сдвинул брови Глеб.

– Он тут... недалеко. В подклете ерохинского дома.

– Идем, покажешь!

Однако парень не двинулся с места. Покусав губы, он нехотя признался:

– Вряд ли Пичуга сможет с тобой говорить.

– Почему? – насторожился Глеб.

– Я дал ему бурой пыли.

Брови Глеба приподнялись.

– Вот оно что, – презрительно вымолвил он. – Так ты – тайный разносчик?

– Не совсем, – качнул головой парень. – Я скупаю у одного добытчика пыль, бодяжу ее дурман-травой и толкаю нищим бродягам по дешевке. Я доволен, бродяги – тоже. А добытчик – в наваре.

Глеб задумался.

– Значит, ты сам смешиваешь эту бодягу? – уточнил он после паузы.

Ерш угрюмо кивнул:

– Да.

– Вот и хорошо. Выходит, ты знаешь, как привести Пичугу в чувство.

Глеб схватил парня за плечо и грубо толкнул его на освещенную луной тропинку:

– Топай вперед, химик! И если через полчаса Пичуга не запоет, ты будешь петь вместо него. Только имей в виду: если твоя песня мне не понравится, я посажу тебя в клетку и буду кормить гусеницами и червяками, пока ты не засвистишь щеглом.

* * *

Полчаса спустя Пичуга открыл глаза и обалдело взглянул на Глеба.

– Ты кто? – изумленно вымолвил он.

– Я-то? До сих пор звался Глебом Первоходом.

– Перво... – Пичуга изумленно моргнул. Несколько секунд он таращился на Глеба, затем перевел взгляд на свою мокрую, испачканную рвотой грудь и передернул плечами.

– Пичуга! – окликнул его Глеб. – Ты понимаешь, что я говорю?

Пичуга посмотрел на Глеба, перевел взгляд на Ерша, сидевшего с угрюмым видом у ведра с блевотиной, снова посмотрел на Глеба, облизнул губы и хрипло спросил:

– Какого лешего здесь происходит?

– Мне нужна твоя помощь, старина, – ответил Глеб.

Пичуга снова взглянул на Ерша.

– Эй, Ерш, – неуклюже заворочал он языком, – ты обещал, что я очнусь только утром.

Гони назад мои деньги.

Ерш угрюмо взглянул на Пичугу и сказал:

– Этот парень задал тебе вопрос. Лучше ответь ему.

Пичуга вновь повернулся к Глебу, поморщился и потер пальцами виски.

– Леший... – хрипло обронил он. – Как мне худо.

– Меньше надо жрать всякую дрянь, – холодно проговорил Глеб.

Пичуга вяло усмехнулся.

– Жрал бы не дрянь, да где ее возьмешь? Нынче чистая бурая пыль дороже злата.

Глеб качнул головой, словно перечеркивая все, что было сказано, как незначительное и не заслуживающее внимания, и нетерпеливо осведомился:

– Говорят, ты как-то связан с Пастырем. Расскажи мне про него.

– С Пас... – Пичуга потер ладонями лицо, прогоняя остатки наркотического тумана, и сказал: – Прости, Глеб, но я еще плохо соображаю. Погоди... Ты ведь ходок. А у вас, ходоков, вечно припрятан золотничок-другой бурой пыли. Может, поделишься?

Взгляд Глеба похолодел.

– Я подарю тебе нечто большее, – процедил он сквозь зубы.

Глаза Пичуги загорелись алчным огоньком.

– И что же? – спросил он.

– Твою жизнь.

Пичуга замер, потом облизнул пересохшие губы и вымолвил:

– Ты не убьешь меня, ходок. Ты никого не убиваешь просто так. Тем более – нищих и беспомощных калик.

– Ты давно меня не видел, калика, – холодно отчеканил Глеб. – И ты далеко не так

беспомощен, как пытаешься казаться.

Пичуга усмехнулся и кивнул:

– Ты прав. Но бесплатно я ничего тебе не скажу. Таково мое правило. Стоит мне раз им поступиться, и другие бродяги перестанут меня уважать.

– Тебе так нужно их уважение?

Пичуга снисходительно хмыкнул:

– Ты ведь знаешь наш мир, ходок. Я жив, пока меня уважают и боятся. Как только перестанут – мне конец. Ищи меня тогда в овраге с перерезанным горлом. – Он, прищутив осоловелые глазки, взгляделся в лицо Глеба, облизнул мокрые губы и добавил: – Ходоки – богатые люди. От медяшки-другой ты точно не обеднеешь.

– Ладно, не блажи. – Глеб достал из кармана куртки кожаный кошель, вынул из него пару медных монеток и швырнул на пол.

– Это тебе на новую ногу.

Пичуга подобрал монетки и спрятал их в карман.

– Ты щедр, ходок, – усмехнулся он беззубым ртом. – Я тоже буду с тобой щедр. Что ты хочешь знать?

– Откуда взялся белый чародей?

Пичуга помолчал, шевеля бровями и об чем-то угрюмо размышляя, потом разомкнул губы и сказал:

– Пастырь дурит всем головы. Коли б не бурая пыль, я бы тоже вошел в его общину.

– Что это значит? – насторожился Глеб.

– Ты ведь уже видел его?

– Да.

– Видел, что он вытворяет? Вино, бьющее ключом из земли. Исцеленные и прозревшие слепцы. Рыбы, выскакивающие из реки прямо в руки Пастырю...

– Хватит перечислять, – оборвал калику Глеб. – К чему ты ведешь?

Пичуга ухмыльнулся и ответил:

– Это все не по-настоящему.

– Как это? – прищурился Глеб.

– Да вот так. Этот чародей насыляет на людей сон. Они будто бодрствуют, но на самом деле спят с открытыми глазами. Все. Но не я.

– И что же в тебе такого, чего нет у других?

Пичуга тонко усмехнулся:

– Я уже сказал тебе, Первоход. Во всем виновата бурая пыль. Она тоже насыляет морок, но ее морок прозрачен и не мешает видеть явь.

– И что, нынче все горожане, кроме тебя, «чистые»?

– Не все. Но тех, кто нюхает и ест бурую пыль, осталось совсем немного. Пыль нынче в десять раз дороже злата. Она мало кому по карману. Только богатым людям и...

– И жуликам, – договорил за него Глеб. Он задумчиво поскреб ногтями горбинку на переносице, после чего произнес: – Твой рассказ удивил меня. Но не убедил. Пастырь в самом деле исцеляет хворых. Как насчет исцеленных слепцов? Они ведь действительно прозрели.

Пичуга отрицательно мотнул головой:

– Говорю тебе, ходок: все это им только мнится. Им мнится, что они видят, но на самом деле они остались слепы.

– Твои слова похожи на чушь, калика.

– Пусть так. Но я знаю, что говорю. Дай мне еще монету, и ты поймешь, почему я так уверен.

Глеб с хмурым видом достал из кошелька еще одну монету и швырнул ее калике. На этот раз Пичуга ловко поймал монетку в воздухе и быстро запихнул ее в карман. После чего взглянул на Глеба снизу вверх нервно поблескивающими глазами и сказал:

– Я видел одного из слепцов после того, как морок сна покинул его. Он шел по дороге и

вдруг остановился и провел по лицу руками, будто только что проснулся. А потом стал вертеть головой по сторонам и плакать. «Я ничего не вижу, – тихо стenal он. – Ничего не вижу». Я хотел подойти к нему, но тут из кустов выскочили общинники Пастыря и изрубили слепца мечами. А после взяли его под мышки, подтащили к оврагу и швырнули бродячим псам.

Глеб чуть прищурил недобрые и недоверчивые глаза.

– Ты сам все это видел?

Пичуга кивнул:

– Да. Я лежал в траве и дрожал, как заячий хвост. Если бы общинники заметили меня, я бы тоже пошел на корм бродячим псам. Пастырь никого не исцеляет, Глеб. Он насыляет видения. Слепцам мнится, что они прозрели. Хромым – что избавились от хромоты. А окружающие видят лишь то, что приказывает им видеть Пастырь.

Глеб достал из кармана берестяную коробку с самокрутками, сунул одну самокрутку в губы и щелкнул зажигалкой. Выпустил изо рта облако дыма, посмотрел сквозь это облако на Пичугу и спросил:

– Знаешь ли ты Хлопушу, брата ходока Молчуна?

– Увальня-то? – Пичуга усмехнулся. – Как не знать. С виду тюфяк, но парень ушлый. А ты почему про него спрашиваешь?

– Он в общине Пастыря.

– Сочувствую. Ежели запереть его в мясной лавке на ночь, парень сожрет столько мяса и колбас, сколько не сожрать и десятку самых рослых и прожорливых ратников.

– Молчун хочет, чтобы я вернул ему брата, – заявил Глеб.

Пичуга удивленно уставился на Глеба, потом качнул головой и сказал:

– Это невозможно. Пастырь никого не отпускает просто так. Я сам чуть не попался в его сети. Кабы не бурая пыль...

– Это я уже слышал, – оборвал его Глеб. – Скажи-ка лучше, ты был когда-нибудь в «уграйской куще»?

– Нет. Но я был рядом. Пробовал просить подавание.

– И как? Получил что-нибудь?

Пичуга усмехнулся и махнул рукой.

– Какое там. Общинники, я слышал, сами живут впроголодь. Пара ломтей хлеба с маслом – вот и вся дневная трапеза.

– Но ты, кажется, говорил, что в общине Пастыря есть богатые купцы.

– Есть.

– Значит, Пастырь богат?

– Трудный вопрос.

– А ты напрягись и ответь.

– Думаю, что Пастырь не просто богат, а сказочно богат. Когда зажиточный купец вступает в общину, он привозит в «кущу» все свои деньги и весь свой скarb. А потом Пастырь сжигает все это на жертвенном костре.

– Сжигает? Чем же тогда живет община?

Пичуга усмехнулся тонкими губами.

– Ты меня не слушал, ходок. Я ведь говорил тебе про морок и сон.

– Хочешь сказать, что никакого костра, на котором сгорает имущество богатого общинника, нет? Что все это – лишь видимость?

Пичуга кивнул.

Глеб швырнул окурок на пол и раздавил его сапогом.

– Спасибо за рассказ, Пичуга. Веди себя хорошо.

Глеб повернулся и зашагал по лестнице наверх. На полпути он остановился, обернулся и сказал, обращаясь больше к Ершу, чем к Пичуге:

– Забыл предупредить: никому не говорите, что видели меня. Иначе...

– Знаю-знаю, – уныло кивнул Ерш. – Посадишь меня в клетку и будешь кормить

гусеницами и червяками, пока я не запою щеглом.

– Точно, – кивнул Глеб, отвернулся и зашагал прочь.

Глава четвертая Ловушка

1

Нехорошо было на душе у Глеба Первохода. В кружале он выпил несколько рюмок водки, сидя за стойкой в надвинутом на глаза капюшоне. Такая скрытность никого вокруг не удивляла. В последнее время в городе объявилось много темных личностей, не желающих показывать окружающим свои лица и скрывающих их под шапками и наголовниками.

Рядом беседовали два купца.

– Слышал про беглецов-то? – тихо спросил один.

– Про каких? – прихлебывая сбитень, уточнил второй.

– Три дня назад из княжьей дружины убежали два ратника.

– Как убежали?

– Да вот так. Убили полкового казначея, забрали золото и убежали.

– Ну, дела. И где ж они теперь?

– Поговаривают, что в чащобе. Промышляют близ большака. Уже один купчик пропал, вместе с подводой.

– Ужас.

Глеб потерял интерес к купцам. Очередные разбойники. Обычное дело. Тут едва ли не каждый месяц объявляются новые разбойники и начинают резать купцов на большаках.

Глеб выпил еще рюмку водки. Ему в голову пришла вдруг забавная идея. Через тыщу с лишним лет профессор Константин Евгеньевич Земцов со своими студентами будет проводить раскопки в Гиблом месте. Что, ежели послать ему весточку? В стихах!

– Эй, парень, – окликнул Глеб целовальника. – Где тут можно раздобыть кусок бересты и писало?

– У писаря Ропши, – ответил целовальник.

– А где мне найти этого писаря?

– Да вон он – прямо у тебя за спиной.

Глеб обернулся. За ближайшим столом сидел, подперев щеку рукой, невзрачный мужичок с козлиной бородкой. Завидев приближающегося Глеба, он тревожно вскинул голову и уставился на него испуганным взглядом.

– Эй, ты, кажется, писарь? – окликнул его Глеб, останавливаясь возле стола.

– Д-да, – промямлил козлобородый.

– Можешь продать мне кусок бересты и писало?

Козлобородый прищурил лукавые глаза и ответил:

– Коли дашь хорошую цену, так продам.

Глеб достал кошель, выгреб несколько медяшек и положил на стол.

– Хватит?

Вместо ответа козлобородый быстро вынул из холщовой сумки чистый кусок бересты и бронзовое писало и протянул все это Глебу.

– Держи, мил-человек, – с подобострастной улыбкой произнес он.

Вернувшись к стойке с берестой и писалом, Глеб вновь уселся на лавку.

Тэк-с, что же написать?... «Дорогой профессор Земцов...» Нет, не так. Какой он, к чертям собачьим, дорогой? Тогда так: «Земцов, все ваши рассказы про Гиблое место оказались правдой. Желаю вам гореть за это в аду».

Глеб качнул головой: нет, глупо. И жестоко. Профессор ни в чем не виноват. Глеб сам согласился отправиться в Гиблое место. Сглупил, конечно, но чего уж теперь...

А может, огоршить профессора посланием в стихах? Мысль показалась Глебу довольно забавной. Он представил, как профессор Земцов, затаив дыхание, счищает специальной щеточкой землю с берестинки, потом подносит ее к своим близоруким глазами, ожидая увидеть что-нибудь вроде: «Другаго дни велми рано чръныя тучя съ моря идуть, а въ нихъ трепешуть синии мльнии. Быти грому великому...» – ну, и так далее. А на берестинке вместо этой средневековой бредятины... Стишки! Точно, стишки!

Глеб усмехнулся, задумчиво поскреб писалом затылок, пошевелил бровями, затем опустил взгляд на бересту и принялся неловко выцарапывать буквы. Минут двадцать он царапал бересту острым кончиком писала, высунув от усердия язык. А когда, наконец, перестал терзать берестинку, стихи были готовы.

Глеб расправил берестинку ладонью и, сдвинув брови, перечитал написанное.

Луна сычом глядит из мрака,
Надежды превратились в пыль.
И коль уйдешь от волколака,
Тобой насытится упырь.

Любезный, вы сюда не лезьте,
Здесь волком смотрит человек.
Забыл сказать – я в Гиблом месте,
Вокруг – сплошной девятый век.

Дороги – дрянь. Косые срубы,
В кружалах брагу хлещет мразь,
И оборотень скалит зубы,
И круто правит мертвый князь.

Коли найдете странный камень,
По форме схожий с головой,
Не вздумайте пинать ногами –
Возможно, это череп мой.

Перечитав стишки, Глеб дернул уголком губ. Не Бродский, конечно, но сгодится.

«Представляю, как вытянется физиономия профессора, когда эта береста попадет к нему в руки, – с наслаждением подумал он. – Небось, созовет по этому поводу научный консилиум. Опубликует статейку в журнале «Science», получит грант. Ну а там и до нобелевки недалеко».

– Эй, целовальник, еще водки, – потребовал Глеб.

Получив свой стаканчик, Глеб хотел залпом выпить, но вдруг увидел, что сидевший рядом бородатый человек в длинной коричневой плащанице с любопытством заглядывает в его бересту.

– Интересно? – прищурился на него Глеб.

– Прости, брат, – смущенно отозвался тот. – Путь мой был долог, и прошел я много стран. Но нигде не видал таких букв.

– А ты сам-то откуда родом?

– Я подолгу жил в разных местах, но родом я из Болгарского царства. Мой отец был друнгарием при военачальнике города Солуни.

– Ты христианин?

– Да. Черноризник.

Глеб нахмурился:

– Вон оно что. Вообще-то, я черноризников не очень... Но ты вроде мужчина приятный. – Внезапно Глеб оживился. – Хочешь, прочту тебе свой стишок?

– Я буду рад тебя выслушать, брат.

Глеб отставил стаканчик с водкой и взял берестинку.

– Это, конечно, не шедевр, но... Ладно, слушай.

Он кашлянул в кулак и принялся нараспев читать их, как делал это когда-то в клубе «ОГИ» на Чистых прудах, в ту далекую пору, когда еще воображал себя великим поэтом. Закончив читать, Глеб быстро глянул на странника:

– Ну, как?

– По-моему, прекрасно, – ответил тот.

– Да? – Глеб усмехнулся. – А по-моему, чушь. Да, теперь я вижу, что это полная чушь. – Глеб смял в руке берестинку и швырнул на пол.

Снова взявшись за стаканчик, Глеб залпом выпил водку, вытер губы рукавом охотничьей куртки и сказал:

– Мне пора, странник. Бывай здоров.

– И ты не хворай, – последовал ответ.

Расплатившись с целовальником, Глеб вышел из кружала. Странник проводил его взглядом, затем нагнулся и поднял с пола берестинку с нацарапанными буквами.

Глаза черноризника лихорадочно заблестели.

– Удивительно! – пробормотал он. – Этого человека послал мне сам Господь!

На лавку, рядом с черноризником, уселся долговязый, хмурый тип в таком же темном балахоне.

– Мефодий! – обратился к нему черноризник, восторженно сверкая глазами. – Ты только посмотри, что у меня есть!

Долговязый взял берестинку, пробежал взглядом по буквам, пожал плечами и сказал:

– Но ты даже не знаешь, что там написано.

– Знаю! Незнакомец прочел мне это. И я запомнил слово в слово. Это как раз то, что мне было нужно, Мефодий!

– Правда? – Долговязый вернул ему берестинку. – Что ж, я рад. Надеюсь, твоим мучениям придет конец. О твоих странствиях многие говорят нехорошее, Кирилл. И почти все упрекают тебя в гордыне. Мой тебе совет: когда создашь новый алфавит, назови его «кириллицей», дабы укротить гордыню и тщеславие, а потом возвращайся в келью и продолжай переписывать латинские книги.

– Да. – Кирилл усмехнулся. – Я так и сделаю.

Он бережно свернул берестинку и положил ее в сумку.

2

Остановившись возле сломанных саней, в ста шагах от кружала, Глеб потянулся в карман за коробкой с самокрутками, но тут негромкий голос окликнул его:

– Первоход!

Рука Глеба скользнула к мечу. Он взглянул на сани и удивленно приподнял бровь.

– Улита? Ты что здесь делаешь?

Девка вышла из-за саней, поправила платок и улыбнулась.

– Тебя ждала.

– Как ты узнала, что я здесь?

– Я тебя видела. Пошла за тобой и хотела окликнуть, но почему-то не решилась. Потом ты зашел в кружало, а бабам туда хода нет. Вот я и решила подождать здесь.

Пока Улита говорила, Глеб на всякий случай огляделся, но никакой опасности не заметил.

– Поостерегись называть меня Первоходом, – сказал Глеб.

– Прости. Я забыла, что тебя ищут князьки охоронцы. А правда, что за твою голову назначена большая награда?

Глеб хотел объяснить ей, что награда отменена, но передумал – рассказывать правду

было слишком долго и утомительно. Поэтому он просто кивнул и ответил:

– Правда.

Улита медленно и плавно подошла к Глебу и посмотрела на него снизу вверх сияющими глазами.

– Мне это нравится, – глубоким грудным голосом сказала она.

– Что? – не понял Глеб.

– Нравится, что тебя хотят убить. Это заставляет мое сердце биться быстрее.

Глеб усмехнулся.

– Тебе не о чем волноваться, Улита. Если меня схватят, я вас за собой не потащу. Будь уверена.

Девка медленно покачала головой:

– Я говорю про другое волнение, Глеб.

В лунном свете лицо ее было еще красивее, чем при солнце. Свежее, пышущее здоровьем, с огромными, широко распахнутыми глазищами и приоткрытыми губами.

– Я много слышала о тебе от Молчуна, Глеб, – проворковала Улита. – Он ругал тебя, говорил, что ты неудачник, но я видела, как он завидует и злится.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – настороженно спросил Глеб.

Улита улыбнулась и положила ему руку на грудь.

– Ты люб мне, Первоход, – проворковала она. – Я полюбила тебя еще прежде, чем увидела.

Глеб недобро прищурился и сдвинул брови.

– Молчун впустил меня в свой дом, – отчеканил он. – И я не должен...

Улита порывисто обняла его за шею и прижалась к нему грудью.

– Мне все равно, – прошептала она, не сводя с лица Глеба мерцающих глаз. – Хочу, чтобы ты был рядом! Ну его, этого Молчуна!

Глеб взял руки Улиты и осторожно, но настойчиво убрал их от своей шеи. Потом сказал:

– Мы не должны этого делать, Улита.

– Почему? Я разлюбила Молчуна и полюбила тебя. Что тут такого?

– Я для тебя не гожусь. Молчун любит тебя. Он хороший, надежный, сильный.

– Но не сильнее тебя! Мне люб ты, Первоход!

Глеб досадливо дернул щекой и сухо возразил:

– Глупости. Ты меня даже не знаешь.

Улита улыбнулась, блеснув в полумраке полоской зубов, и покачала головой:

– Нет. Это правда. Ты мне люб!

Глеб вздохнул. Ну, что тут скажешь? Да ничего не скажешь и ничего не объяснишь. Всё, что нужно, это попрощаться и уйти. Так он и сделал.

– Прости, Улита, мне пора. – Глеб хотел уйти, но девка схватила его за руку.

– погоди, ходок! – Она притянула Глеба к себе, приподнялась и крепко поцеловала его в губы.

– Улита, я...

– Я хочу запомнить тебя получше, чтобы тосковать посладше. Иди ко мне. Один разик.

Она схватила его руку и положила себе на грудь. Глеб, сделав над собой усилие, грубо оттолкнул девку.

– Я сказал – нет. И хватит об этом.

Улита подняла руки и сжала кулаки.

– Вот, значит, как, – вымолвила она дрожащим от обиды и гнева голосом. – Не гожусь я тебе в любовницы. Рожей грязна или грудью тоща?

Глеб молчал.

– Ты все равно будешь моим, Первоход.

– Это вряд ли.

– Будешь! Или сгинешь!

Лицо Глеба стало холодным и насмешливым.

– Ты собралась доложить обо мне охоронцам?

– Нет. Я сделаю кое-что пострашнее. У меня есть прядь твоих волос, Первоход!

– Вот как? Что ж, оставь ее себе на память.

Улита усмехнулась и процедила сквозь зубы:

– Глупый, глупый Первоход... Ты не понимаешь. Я пойду с этой прядью к черной ведунье и приворожу тебя. А если и это не поможет, я велю ей разделаться с тобой.

– В Хлынь-граде запрещено заниматься черным ведовством, Улита. Последнюю ведьму привязали к конским хвостам и разорвали на части два года назад. Все, что ты можешь, это сделать из моих волос кисточку и отгонять ею мух. А теперь прощай. И, кстати, не вздумай докладывать обо мне охоронцам. Меня нельзя убить, потому что в Гиблом месте я съел лиловый гриб, и теперь я бессмертен. А вот вернуться и швырнуть тебя в гнилой овrag я всегда могу.

– Гад... – прохрипела, потрясая кулаками, Улита. – Мерзавец... Чтоб ты сдох!

– И тебе не болеть. – Глеб повернулся и зашагал прочь.

Когда Глеб говорил про разорванную ведьму и про княжий указ, запрещающий темное ведовство, он не врал. Два года назад, незадолго до войны с Голядью, одна молодая ведьмочка темным заговором умертвила любимого шута князя Егры. Казнила его за измену. И казнила страшно. Неизвестно в точности, что она сделала, но у шута сперва выпали все волосы, а потом тело его покрылось язвами, похожими на ожоги. Шут хворал два дня, а на третий изо рта у него вырвалось голубое пламя, и за несколько мгновений он весь выгорел изнутри.

Потеряв любимого шута, князь Егра был в гневе. Вот тогда-то он и приказал переловить всех городских ведьм и вышвырнуть их из города. Две из них позволили себе дерзкие речи в отношении князя, и охоронцы убили их на месте. А еще одну, ту, которая сгубила княжьего шута, Егра приказал порвать на части. Казнь состоялась на Сходной площади, при стечении всего честного народа. Народ наблюдал за казнью молча, боясь гнева ведьмы. Лишь один старик позволил себе крикнуть:

– Сдохни, ведьма!

И у него тут же отнялся язык.

Поговаривали также, что охоронцы, которые свершали казнь, позже заболели и померли. Но доподлинно Глеб этого не знал.

Глеб вообще многого не знал. Например, он не знал, что после его ухода Улита направилась не домой, а в маленькую темную избушку на окраине Хлынь-града, и что в кармане у нее вместе с прядью волос лежала золотая монета, украденная из тайника Молчуна и долженствующая послужить платой за услуги ворожей.

– Все равно будешь моим, – шептала Улита, шагая по темным, мокрым улицам. – Будешь моим или сгинешь!

3

– Варись, зелье, варись, темное... Гнилой болотной водой заклинаю тебя... Духом лесной чащобы и порванными рыбьими жабрами... Варись, зелье...

Помешивая варево деревянной ложкой, старуха тихо бормотала под нос заклинания. Улита, сидевшая за темным, дубовым столом смотрела на нее с благоговейным испугом.

В этой избе вообще все было темным. Стены, пол, лавки. Темен был широкий воронец, уставленный деревянными баклажками и глиняными горшками. Темно было одеяние ведьмы, и темно было ее страшное, морщинистое лицо, над которым нависали реденькие седые волосы.

Об этой ведьме Улита узнала случайно. Девки на торжке болтали, что есть-де у южной стены Хлынь-града одно заколдованное место, где время от времени, чаще всего после

полуночи, прохожие видят черную избу. А в избе той – продолжали шептаться торговки – живет страшная старая ведьма, которая может охмурить любого парня. Нужно только принести старухе пряжку его волос или обрезок его ногтя.

Конечно, все это было больше похоже на сказку, чем на быль, но Улита решила попробовать. Чем леший не шутит? В прошлый вечер она подошла к южной стене и спряталась за деревьями. Дождавшись темноты, Улита принялась ходить вдоль стены туда-сюда. Место было мрачное, грязное и зловонное. Кроме нищих да калик сюда никто ни добирался.

Два раза Улита натыкалась на этих нищих, но испугаться не успевала – они сами шарахались от нее, как леший от метелки, и, бормоча заклинания-обереги, спешили убраться вон. Любая другая девка на месте Улиты давно бы струхнула и убежала, но Улиту все это только позабавило.

Так ходила Улита вдоль южной стены добрых три часа, продрогла, проголодалась и хотела уж возвращаться домой, как вдруг что-то увидела.

В одном месте темный воздух еще больше сгустился, и вдруг – прямо на глазах у изумленной девки – на пустом месте, где не росла даже трава, появилась избушка.

Избушка эта была в точности такая, какой ее описывали девки с торжка. Маленькая, ветхая, с кривыми стрехами и широким крыльцом.

Обмирая от ужаса, Улита вошла в избу. Ведьму она увидела сразу, и та оказалась совсем не страшной. Просто маленькая, сгорбленная старушка с морщинистым лицом, похожим на запеченное яблоко.

Старушка сидела у печи и ворошила кочергой угли. А на печи варилось какое-то зелье, пахнущее травой и чем-то еще – незнакомым, но приятным. Заслышав Улиту, старушка повернула к ней свое морщинистое лицо и сказала:

– А, пришла. Ну,ходи,ходи.

Затем снова повернулась к печи. Улита удивленно моргнула и спросила севшим от страха голосом:

– А разве ты знала, что я приду, бабушка?

– Знала, – ответила старуха. – Все вы ко мне идете. Одни раньше, другие позже. Садись на лавку и рассказывай, чего тебе надобно.

Улита села и рассказала. Старуха внимательно выслушала ее, а затем пробурчала:

– Приходи завтра, в это же время. Да не забудь принести с собой пряжку волос своего суженого. И золотой солид. Я за бесплатно не работаю.

И вот Улита второй раз в жизни переступила порог ведьминой избушки, и на этот раз в кармане у нее была пряжка волос Глеба Первохода. Всучив пряжку ведьме, Улита взволнованно спросила:

– Это поможет?

– До сих пор помогало, – мрачно ответила старуха. – Чем отплатишь мне за помощь?

Улита достала из кармана полушубка золотую монету и протянула ее ведьме. Та взяла монету, оглядела ее, попробовала на зуб и даже для чего-то понюхала, противно шевеля морщинистым носом. Потом кивнула и проговорила:

– Хорошая монета. Побывала в пяти кровавых кошельках и на глазу у мертвеца полежать успела.

Старуха посмотрела на вытянувшееся от ужаса лицо Улиты и засмеялась противным смехом, похожим на свиное хрюканье. Затем внезапно оборвала смех и велела:

– Сиди и жди. А я пока доварю зелье.

Улита видела, как ведьма сунула монету в черный короб, стоявший на столе, повернулась и заковыляла, пристукивая костяной ногой, к печи.

– Варись, зелье, варись, темное... Гнилой болотной водой заклинаю тебя... Духом лесной чащобы и порванными рыбьими жабрами... Варись, зелье...

Старуха перестала бормотать. Несколько минут она сосредоточенно мешала варево, потом повернула голову к Улите и вдруг сказала:

– Чего молчишь-то? Выкладывай, кто твой суженый и чего это тебе взбрело в голову его на себе женить?

– Мой суженый... – Улита осеклась и облизнула пересохшие от волнения губы. – Мой суженый – ходок. Самый сильный ходок в княжестве. Его кличут Первоходом. А женить хочу, потому что он мне люб.

– Вот как? – Старуха, продолжая помешивать ложкой варево, усмехнулась. – Значит, люб? Из-за этого и весь сыр-бор?

– А разве бывает по-другому? – удивилась Улита.

Ведьма прищурила маленькие глазки, глубоко упрятанные в морщинистое лицо и похожие на запутавшихся в паутине мух, и уверенно подтвердила:

– Бывает, милая, бывает. Знала бы ты, скольких девок я сосватала за богатых купцов и родовитых сударей.

Улита обдумала ее слова и удивленно спросила:

– Нешто они это из-за денег?

– Конечно, из-за денег. А из-за чего ж еще?

Улита нахмурилась и сухо заявила:

– Я не такая.

– Вижу, что не такая, – снова усмехнулась ведьма. – Ладно. Скоро зелье будет готово. Но знай: коли брошу в зелье прядку волос, прикипит твой суженый к тебе крепче, чем горячая смола. И не оторвешь уж его от себя никакими силами. Готова ли ты к такому?

Улита сдвинула брови, приподняла голову и заносчиво ответила:

– Я готова. Станет моим Первоход – сама его никуда от себя не отпущу!

– Ну, гляди, – усмехнулась ведьма и вновь повернулась к своему вареву.

Долго еще ждала Улита. И все нетерпеливее делалось ей на душе, все волнительнее – на сердце. Она уж готова была поторопить ведьму, но вдруг ей показалось, что за окошком промелькнула тень. Будто кто-то на миг прильнул к стеклу, а затем быстро отпрянул.

Улита насторожилась. Подумала было сказать об этом ведьме, но не решилась. Не хотелось ей отвлекать старуху от колдовского варева.

И тут вдруг дверь распахнулась, и в избу вошел человек, закутанный в плащ. Улита вздрогнула и сжалась на своей лавке, испуганно уставившись на гостя.

4

Ведьма перестала мешать зелье и повернула уродливую голову к двери. Человек шагнул на середину избы и произнес мягким, воркующим голосом:

– Сказал бы тебе «здравствуй», ведьма, но не хочу, чтобы ты здорововала. Наконец-то я нашел твое логово!

Говор выдавал в нем иноземца. Мужчина был обычного роста, строен и гибок на вид. Черные, как смоль, и выющиеся волосы его были схвачены на затылке ленточкой, а на смуглом, миловидном лице плясали тусклые отблески печного огня.

– Чего тебе нужно и кто ты такой? – резко спросила старуха.

Мужчина шагнул вперед и положил руки на рукояти двух кинжалов, торчащих из-за пояса.

– А ты не узнаешь? – холодно спросил он.

Ведьма качнула головой:

– Нет.

– Месяц назад мы приходили к тебе, ведьма. С купеческою дочкой Вырицей, которую Господь послал мне в утешение за все мои беды и несчастья. Неужели ты меня не помнишь, мерзкое исчадие тьмы?

Ведьма пристально взгляделась в лицо неожиданного гостя.

– Толмач? – По морщинистым губам старухи скользнула усмешка. – Я могла бы сразу догадаться по твоей замысловатой речи. Значит, ты жив, «сеньор Рамон»?

– Как видишь.

Старуха выпустила из пальцев ложку и опустила руку. Со своего места Улита видела, что пальцы ведьмы потянулись к кочерге, но гость этого видеть не мог.

– А я слышала, что тебя бросили в темницу и что ты там сгинул, – сказала старуха.

Толмач Рамон нахмурился и сухо возразил:

– Люди склонны преувеличивать. Я вернулся, ведьма. И вернулся с единственной целью: отправить в ад ту, кто более всего этого заслуживает.

– Если хочешь, чтобы я тебя поняла, выражайся проще.

– Куда уж проще? Я обещал, что вернусь и убью тебя, ведьма. И я вернулся.

Улита, все это время сидевшая молча, почувствовала злость. Нежданный гость помешал осуществлению ее плана. Она вскочила с лавки и резко спросила, обращаясь к старухе:

– Что нужно этому человеку? Почему он так разговаривает с тобой?

Незнакомец вынул из-за пояса два кинжала и выставил перед собой мерцающие клинки.

– Кем бы вы ни были, сеньора, стойте на месте! – велел он Улите. – Если вы ни в чем не виноваты, клянусь Девой Марией, я отпущу вас. А если виноваты... Что ж, тогда я помолюсь за вашу грешную душу.

Морщинистое лицо ведьмы перекошилось от злобы.

– Ворвался ко мне в дом, размахиваешь кинжалами! – свирепо выкрикнула она. – Да с чего ты решил, что я все это стерплю? И с чего ты решил, что на мне есть какая-то вина?

Рамон качнул головой, как бы заранее отменяя все ее доводы, и сказал:

– Ты околдовала меня, ведьма.

– Чушь!

– Ты околдовала меня, и не смей этого отрицать. Я любил Вырицу. Но ты затуманила мне взор и заставила совершить гадость. Я никогда тебе этого не прощу.

Улита видела, как длинные, костлявые пальцы ведьмы обхватили рукоять кочерги. Старуха посмотрела на гостя холодным, неприязненным взглядом и сказала:

– Ты ошибаешься, толмач. Я ворожу, но не привораживаю.

– Да ну? А что за варево кипит у тебя в котле? Кого еще ты собралась приворожить, ведьма?

Колдовское варево в котле забулькало. Улита не смогла больше ждать. Она вскочила с лавки, подбежала к ведьме, выхватила у нее из пальцев прядку волос и швырнула ее в котел.

Ведьма схватила кочергу и попыталась ударить Рамона, но смазливый толмач легко выбил кочергу у нее из рук и приставил к горлу старухи острые кинжалы.

– Молись своим богам, ведьма, – яростно проговорил он. – Ибо в сей момент я отправляю твою черную душу в адское пек...

Вдруг толмач замолчал. Несколько секунд он стоял молча и неподвижно, как громом пораженный, затем повернулся и взглянул на Улиту.

– Дьябло... – тихо прошептал Рамон и вложил кинжалы в ножны. – Non si sa mai... Как же я сразу не разглядел?

Он повернулся к Улите и медленно двинулся к ней.

– Ты чего? – испуганно выдохнула девка и попятилась к стене. – Чего задумал-то?

На оливковом лице Рамона появилось умиленное выражение.

– О, Боже, как мила она, – тихо проворковал он. – И нрав какой стыдливый. Как же я сразу сего не разглядел? Сударыня...

Рамон подошел к перепуганной Улите вплотную и вдруг опустил перед ней на колени.

– Сударыня, где были мои глаза? Почему я сразу не заметил вашей красоты?

– Ты это... – Улита продолжала пятиться, испуганно глядя на сумасшедшего толмача. – Ты не балуй.

– Вы – само совершенство, – с улыбкой продолжал смазливый толмач. – Позвольте мне

преклонить пред вами голову, как перед самым красивым цветком в букете Господа.

И он склонил свою голову так низко, что длинные черные волосы его, выбившись из-под ленты, скользнули по дощатому полу.

– Я не понимаю... – пробормотала Улита и подняла взгляд на старуху: – Что это значит?

– Волосы, – просипела ведьма. – Где ты их взяла?

– С гребенки.

– С какой?

– Да вот с этой! – Улита выхватила из кармана маленький серебряный гребешок и показала его ведьме.

– Сударыня, где вы взяли этот гребешок? – взволнованно спросил Рамон.

– Нашла, – желчно проговорила Улита. – А тебе-то что?

– Воистину непостижимы дела твои, Господи, если ты так легко сводишь два юных сердца воедино в темном, проклятом доме, а помимо того, возвращаешь бедному страннику его вещь!

Он вынул из пальцев ослабевшей от изумления Улиты гребешок и убрал его в карман своего поношенного камзола.

– А теперь позвольте мне поцеловать вашу ручку, сеньорита, – с улыбкой умиления произнес Рамон, поймал руку Улиты и мягко приложился к ней губами.

Несколько мгновений Улита в полном изумлении таращилась на толмача, затем облизнула язычком пересохшие от волнения губы и хрипло спросила:

– Ты в самом деле так сильно меня любишь?

– Милая моя, я готов растерзать любого, кто осмелится сказать, что свет луны и солнца красивее блеска ваших прекрасных глаз.

Улита чуть прищурилась, внимательно разглядывая коленопреклоненного иноземца и о чем-то усиленно размышляя. Затем глаза ее блеснули, и она медленно проговорила:

– Один человек обесчестил и опозорил меня.

Рамон побледнел.

– Сударыня, вы говорите про мужчину? – взволнованно спросил он.

Улита кивнула:

– Да. Он опозорил меня. И некому было за меня заступиться. Но если ты...

– Скажите лишь слово, и я отправлю его прямиком в ад! – заверил ее толмач. – Но сперва, милая сударыня, позвольте мне убить эту старую ведьму.

Улита усмехнулась, бросила на ведьму злорадный взгляд и отчеканила:

– Делай, как считаешь нужным.

Рамон быстро поднялся на ноги и повернулся к ведьме.

– Хотелось бы мне волком стать и горло сгрызть колдунье... – продекламировал он, вновь доставая из-за пояса свои страшные кинжалы. – Мерзавку насмерть задушить...

– Остановись, чужеземец! – рявкнула старуха. – Заклинаю тебя болотным духом!

Толмач усмехнулся.

– Я не здешний, ведьма. Я не боюсь болотного духа, и твои заклинания на меня не действуют. Вот если бы ты призвала на помощь Азазеля или Велиара, я бы испугался.

– Я призову их!

Рамон, медленно приближаясь к ведьме, качнул головой.

– Ты не сможешь. Наша нечисть здесь не обитает. А ваша, как я уже сказал, мне вовсе не страшна.

Ведьма вновь схватила кочергу и хотела ударить ею Рамона, но промахнулась, потеряла равновесие и рухнула на пол. Падая, она ударилась головой об кованый угол сундука, и из разбитой головы брызнула черная кровь.

Когда Рамон и Улита подошли к старухе, та лежала на полу с неестественно вывернутой головой. Лоб и лицо ее были перепачканы кровью.

– Она мертва? – дрожащим голосом спросила Улита.

– Мертвее мертвого, – ответил, хмуря брови, Рамон. – Свернула себе шею.
– Какая страшная смерть.
– Любая смерть страшна, сударыня. Не видал я ни одной смерти, которая казалась бы прекрасной. Скорее уйдем отсюда.
– Сейчас, – сказала она. – Вот только...
Улита шагнула к столу, вынула из черной коробки свою золотую монету и сунула ее в карман полушубка. Улыбнулась чужеземцу и сказала:
– Теперь уведи меня отсюда, толмач!
Рамон взял девку за руку и повел ее к выходу.
Как только дверь за ними захлопнулась, в избушке стали происходить странные и страшные вещи. Лежащая на полу, в луже темной крови, ведьма вдруг зашевелилась. Пара мгновений – и вот она уже не лежит, а сидит на полу.
Голова ведьмы была неестественно вывернута. Старуха обхватила виски морщинистыми руками, похожими на куриные лапы, затем резко дернула голову вбок и с отвратительным хрустом поставила ее на место.
– Леший... – выругалась ведьма, поморщившись. – Уж в который раз это делаю, а все не привыкну. Черныш! – резко позвала она. – Поди сюда, бездельник!
Стопка тряпья в углу избы превратилась в черного пса. Пес поднялся с пола и с готовностью подошел к ведьме.
– Помоги мне подняться, – хрипло проговорила старуха.
Пес подставил ведьме лохматый загривок. Ухватившись за него, старуха, кряхтя и ругаясь, поднялась на ноги.
– Ну вот, – хрипло произнесла она затем. – Теперь Первоходу конец. Хорошая сегодня ночь, Черныш. Но пора нам отсюда убираться. Одион! Двойчан! Калоста! – прокричала ведьма Мамелфа и трижды хлопнула в ладоши.
Избушка тут же стала таять в воздухе. Вот она стала прозрачной, как темная вода, потом – прозрачной, как белая вода, а потом, издав легкий хлопок, исчезла вовсе, оставив после себя облачко вонючего дыма, которое секунду спустя развеялось по ветру.

5

У дома своего сожителя Молчуна девка Улита остановилась, взглянула на Рамона и сказала:
– Здесь мы расстанемся.
– Расстанемся? – Брови красавчика толмача дрогнули. – Сударыня, неужто вы не позволите мне войти в ваш дом?
– Видишь ли... – Улита положила иноземцу руку на грудь и улыбнулась. – Я живу с братом. А он очень не любит, когда я привожу в дом парней.
– Парней? Милая моя, но больше не будет никаких парней. Я войду в этот дом как ваш жених. Я хочу породниться с вашим братом, и прямо скажу ему об этом.
Улита улыбнулась и покачала головой.
– Не сейчас, Рамон. Дай мне время рассказать все брату и приучить его к этой мысли. Я не хочу, чтобы вы поссорились.
Рамон поймал ее руки и поднес их к своим губам.
– Милая... – Он коснулся губами ее пальцев. – Когда же мы увидимся снова?
– Завтра, – ответила Улита.
– Где?
– В кружале у Озара.
– В «Трех бурундуках»?
– Да.
– Хорошо. Я буду ждать вас в кружале. Но знайте, сударыня, если вы не придете, мое сердце будет разбито.

– Я приду, Рамон. Приду. Обещаю.
Она хотела отстраниться, но Рамон удержал ее руки.
– Один поцелуй, – попросил он умоляющим голосом. – Один ваш поцелуй, и я стану самым счастливым мужчиной на земле.
Улита тихо засмеялась.
– Не думала, что на земле бывают такие парни, как ты, Рамон. Ну, хорошо. Если это и правда сделает тебя счастливым...
Она обняла смазливового толмача и крепко поцеловала его в губы.
– О, Диана, богов чаровница... – восторженно выдохнул он. – Как же я счастлив!
И вдруг по лицу Рамона, освещенному светом смоляного факела, пробежала тень.
– Donna Mia! – воскликнул он. – Я совсем забыл про вашего обидчика! Назовите мне его имя, и я расквитаться с ним!
– Это вполне может подождать до завтра, – сказала Улита и высвободила руки. – Мне пора, Рамон. До завтра.
– До завтра!
Улита повернулась, стукнула калиткой и скрылась во дворе.
Несколько секунд толмач стоял молча, вглядываясь в тускло освещенные окна дома. Потом пробормотал:
– Она само очарование. Как низко должен пасть человек, чтобы обидеть такого ангела. Господь, помоги мне расправиться с ее обидчиком. Клянусь святым крестом, завтра же я отправлю его к тебе и надеюсь, что и на небесах он получит то, что заслужил.

6

Когда белый чародей окликнул Хлопушу, верзила от неожиданности оцепенел.
– Хлопуша! – повторил Пастырь своим властным, спокойным и добрым голосом. – Ты меня слышишь?
– Да... – промямлил парень, сжимая в руке топор, которым только что колот дрова. – Слышу, отче.
Белый чародей окинул рослую, широкоплечую фигуру Хлопуши задумчивым взглядом и сказал:
– Ты, я вижу, парень здоровый. Не надоело тебе таскать помои да рубить дрова?
Хлопуша неуверенно повел плечами.
– Ты сам говорил, отче, что всякий труд хорош, коли делается на благо общины.
– Ты прав, – спокойно согласился Пастырь. – Но Господь дал тебе крепкие руки и широкие плечи не для того, чтобы ты бегал с ведрами к вонючему оврагу. Есть у меня для тебя другое задание, парень.
Верзила сглотнул слюну и взволнованно пообещал:
– Я сделаю все, что ты велишь, отче.
– Это само собой, – кивнул белый чародей. – Дело вот в чем. Ты, конечно, знаешь, что человек, которого кличут Вичкутом Шкуродером, стал недавно членом нашей общины?
– Знаю.
– Вичкут Шкуродер был разбойником и грабил со своей шайкой купцов ради личной прибыли. Знаешь об этом?
– Как не знать. Вичкут Шкуродер – самый известный разбойник в нашей округе. Купцы назначили за его голову богатую награду.
– Так было до недавних пор. Но теперь Вичкут не разбойник. Он – такой же воин Божий, как я. И ему нужны крепкие парни. Такие, как ты, Хлопуша. Так как, пойдешь к Шкуродеру в ватагу?
– Так ведь он...
– Что? – прищурился чародей.
Хлопуша ступешевался.

– Должно быть, все это чушь и пустая болтовня, но я слышал, что Вичкут по сию пору проливает людскую кровь.

Пастырь посмотрел на Хлопушу взглядом прямым и спокойным и произнес своим удивительным голосом:

– Ради великой цели и кровь пролить не жалко, сын мой. Если бы твой друг угодил в медвежий капкан, а за вами по пятам неслись волколаки – нешто ты не отрезал бы другу ногу, чтобы помочь ему выбраться и спастись?

– Отрезал бы, – согласился Хлопуша.

Белый чародей улыбнулся:

– Вичкут делает то же самое. Легче ослу протиснуться сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царствие Божие. Вичкут со своей ватагой помогает купцам очистить их алчные души.

– Что ж... – Хлопуша нахмурился. – Ежели это благая цель...

– Это благая цель, – заверил его Пастырь. – Но если ты сомневаешься, давай обратимся к Господу. Хочешь ли ты этого?

Верзила заморгал.

– Я... никогда прежде не разговаривал с богом, – вымолвил он.

– И вряд ли захочешь впредь, – усмехнулся Пастырь. – Но сейчас мы обратимся прямо к нему.

Хлопуша не успел на это ничего сказать, потому что Пастырь выпрямился, прикрыл глаза и вдруг заговорил – негромко, густо, монотонно и страшно:

– Господь мой, Иисус, к тебе обращаюсь я, недостойный раб и воин твой, прозванный Пастырем. Здесь, передо мной, стоит человек по имени Хлопуша. Я хочу послать его к Вичкуту, который проливает кровь за-ради славы Твоей. Благое ли это дело? Угодное ли тебе?

Прошла секунда. Другая. И вдруг громоподобный голос ответил, да так громко, что Хлопуша застонал от боли и поспешно зажал уши ладонями:

– СИЕ БЛАГОЕ ДЕЛО И УГОДНОЕ МНЕ!

Пастырь открыл глаза и посмотрел на Хлопушу своими светлыми, добрыми глазами.

– Ну вот, – сказал он. – Теперь ты и сам это слышал. Ступай к Вичкуту, в дом Игната Полея, и не подведи меня. Ежели он скажет тебе пролить кровь – проливай не задумываясь. Я на тебя надеюсь, сын мой. Я на тебя надеюсь.

* * *

Ох и нехорошо было на сердце у Хлопуши, когда он шагал к дому Игната Полея. Да еще и проклятое небо – темное, сумеречное, было обложено тучами, и тучи эти давили на Хлопушу тяжелее, чем давили бы три пудовых мешка, взваленных ему на горб.

Стоило верзиле закрыть глаза, как он тут же видел перед собой объятых пламенем Уголька. Остальные общинники об сем не шептались, а ежели шептались, то тут же начинали винить бедного Уголька во всех смертных грехах. А у Хлопуши ком подкатывал к горлу, когда он об этом думал. Уголек ведь не собирался делать ничего плохого. Он просто хотел уйти. За что же Господь так жестоко наказал его?

К горестным мыслям об Угольке все время примешивалась и другая, не менее горестная мысль, – о жратве.

«Дурак ты, парень, – ругал себя Хлопуша. – С тобой сам Господь говорил, а ты все про жареного цыпленка. Ни стыда у тебя, ни совести».

Остановившись перед дверью, ведущей в комнату Шкуродера, Хлопуша поднял кулак, чтоб постучаться, но тут дверь открылась сама собой. На пороге стоял Вичкут Шкуродер – рослый мужик с широкой и серой, будто сотканной из пепла, бородой и недобрым, хмельным взглядом.

– Тебя прислал Пастырь? – сухо спросил он, обдав Хлопушу запахом перегара.

Тот кивнул.

– Да. Он велел мне прийти сюда и слушаться тебя во всем.

– Как кличут?

– Хлопуша.

Шкуродер прищурил хмельные глаза и усмехнулся.

– Здоров же ты, паря. Бычка-двухлетку, небось, на горбу подымаешь?

– Подымаю, – признался Хлопуша.

– Это хорошо. Такой-то молодец мне и надобен. Проходи в логово.

Комната была большая, сплошь уставленная свечами и лучинами, от света которых тут было ясно, как днем. В дальнем углу комнаты стоял стол, уставленный ествой и кувшинами, а за ним сидели мужики. С полдюжины, не меньше. Все крепкие, краснорожие, угрюмые.

При виде жратвы в брюхе у Хлопуши скрутило.

– Гляди, ребята, какого медведя нам Пастырь прислал! – весело сказал Шкуродер и подтолкнул Хлопушу в спину.

– Здравствуйте, люди добрые, – смущенно проговорил Хлопуша и низко поклонился разбойникам.

Те, однако, молчали, усердно работая челюстями и разглядывая Хлопушу холодными глазами. Один из них вдруг щелкнул пальцем по пустому кувшину и посмотрел на атамана. Тот усмехнулся, глянул на Хлопушу и сказал ему:

– Сегодня ночью отправимся на дело, парень. А пока вот что: сбегай-ка ты в кружало и купи баклажку водки.

Хлопуша удивился.

– А разве Пастырь...

– Пастырь ничего не узнает, коли ты не будешь болтать, – заверил его Шкуродер. – Подставь-ка ладонь.

Хлопуша сделал, как он просил. Атаман Вичкут высыпал ему на ладонь медяки. Заглянул в его растерянное лицо и усмехнулся.

– Ну? Чего стоишь? Дуй за водкой!

Хлопуша нахмурился и неуверенно произнес:

– В «куцах» Пастырь запрещает нам пить хмель.

Вичкут прищурил шальные глаза, несколько секунд в упор разглядывал Хлопушу, потом сказал:

– Ладно. – После чего сунул руку в карман расстегнутого кафтана, достал еще несколько медяшек и всучил Хлопуше. – На это купишь себе чего-нибудь пожрать. Ты ведь хочешь жрать?

– Хочу, – признался Хлопуша. – Так голоден, что, кажись, сожрал бы сейчас и тебя, не будь ты страшным разбойником.

Шкуродер засмеялся.

– А ты лихой парень! Ночью посмотрим, каков ты в деле. А пока купи себе цыпленка. Да гляди, не проговорись Пастырю. Коли ты об нас не скажешь, я об тебе тоже ничего не скажу. Идет?

Хлопуша представил себе жареного цыпленка, облизнулся и кивнул.

– Идет.

– Ну, ступай. Ступай, богатырь Хлопуша. Но смотри не задерживайся, а то мои ребятки не любят ждать.

7

Жареный цыпленок – штука вкусная, но уж больно маленькая. Хлопуша проглотил его, почти не заметив. Лишь раззадорил накопившийся голод.

Народу в кружале почти не было. Четыре мужичка, один угрюмый, худосочный купчишка да молодой охотник – вот и весь народ. Хлопуша нарочно выбрал это окраинное

кружало, чтобы не наткнуться на какого-нибудь знакомого. Он опасался расспросов и собственного болтливости языка.

На столе перед Хлопушей стояла баклага с водкой, купленная для Шкуродера и его людей. Обгладывая цыплячьи косточки, верзила поглядывал на баклагу и размышлял, сколько ж еще цыплят и перепелов можно было купить, коли бы он все деньги потратил на жратву.

Размышляя об этих высоких материях, Хлопуша не сразу заметил, что к столу его подошел коротышка в кафтане до пят. Коротышка кашлянул в кулак, привлекая внимание Хлопуши, а когда тот воззрился на него, сказал:

– Слышь-ка, парень.

– Чего надо? – сдвинул брови Хлопуша.

– Мы тут с приятелем об тебе поспорили. Вот, гляди. – Мужик положил на стол подкову.

Хлопуша глянул на подкову и нахмурился еще больше.

– И на кой леший она мне сдалась? – спросил он у коротышки.

Тот усмехнулся и тоже спросил:

– Согнешь ее?

– Может, и согну. Только на что мне это?

– Я заметил, ты голоден. Коли согнешь подкову, куплю тебе еще одного жареного цыпленка.

Хлопуша посмотрел на мужика недоверчиво.

– Не шутишь?

Мужик достал из кармана гроздь медяшек и положил на стол:

– Вот. Согни подкову – и они твои.

Хлопуша посмотрел на медяшки, усмехнулся и кивнул.

– Добро.

Он отодвинул тарелку с обглоданными косточками, взял подкову, повертел ее в руках, принаравливаясь, затем ухватил поудобнее и без особого напряжения смял подкову в пальцах.

– Готово! – сказал он, швырнул смятую подкову на стол и сгреб медяки.

– Ну и здоров же ты, паря! – восхищенно проговорил коротышка.

Хлопуша самодовольно улыбнулся и хотел ответить в том роде, что боги знают, кому давать силу, но тут чей-то незнакомый голос рядом спокойно произнес:

– Сдается мне, что не так уж он и силен.

Хлопуша повернул голову на голос и увидел за соседним столом незнакомца человека.

Человек этот был широкоплеч, строен, темноволос и худошав. Лицо загорелое, обветренное, а одет в охотничью куртку и длинный суконный плащ. По виду – молодой охотник-промысловик. Впрочем, не такой уж и молодой. Лет тридцать, наверно, не меньше.

– Кто ты? – спросил парня Хлопуша, сурово сдвинув брови.

– Тот, кто легко надерет тебе задницу, – небрежно ответил парень и отхлебнул из своей кружки.

В голосе незнакомца было что-то такое, что заставляло воспринимать его слова всерьез. В другой раз Хлопуша бы отступился, однако сейчас взгляды всех посетителей кружала были обращены на него. Все ждали, что он ответит наглому незнакомцу.

И Хлопуша ответил:

– Поправь меня, ежели я не так понял, – проговорил он, повернувшись к парню всем телом и закинув локоть на спинку скамьи. – Ты хочешь сказать, что сможешь одолеть меня в кулачном бою?

– Легко, – ответил незнакомец таким голосом, будто говорил о чем-то само собой разумеющемся, и снова отхлебнул из своей объемистой кружки.

Хлопуша сжал кулаки. Съеденный цыпленок вернул ему былую уверенность в себе, которую он изрядно подрастерял за последние голодные месяцы.

– Да будет тебе известно, незнакомец, что в Хлынь-граде нет человека, которого я не смог бы одолеть в поединке! – прорычал Хлопуша свирепым голосом.

– Мне это неизвестно, – сухо заявил незнакомец. – И я готов побить тебя прямо здесь. – Он достал из кармана куртки золотую монету и показал ее Хлопуше. – Одолеешь – этот золотой солид твой. Ежели нет – я заберу у тебя твою баклагу.

– Баклага не моя, – возразил Хлопуша. – Меня попросили ее принести.

Незнакомец откинул с лица длинную темную прядь, прищурил недобрые глаза и усмехнулся.

– Выходит, ты не так уж уверен в своих силах? – Он презрительно усмехнулся. – Все вы, толстяки, такие.

Хлопуша побагровел и тяжело задышал.

– Не называй меня толстяком, незнакомец! – прорычал он.

– Почему, толстяк?

Хлопуша резко вскочил на ноги, с грохотом откинув лавку. Лицо его потемнело от гнева.

– Так ты принимаешь мой вызов? – невозмутимо поинтересовался дерзкий незнакомец.

– Да! – рывкнул Хлопуша. – Я принимаю твой вызов!

Посетители кружала повскакивали с лавок и быстро сдвинули столы, освобождая место для битвы.

– Ставлю дирхем на верзилу! – заявил один.

– Франкский кинжал на охотника! – возбужденно крикнул другой.

Посетители загалдели, делая ставки, а бойцы вышли на середину зала и встали один против другого. Незнакомец был почти на голову ниже Хлопуши и уже в плечах. Однако двигался он легко и пружинисто, а взгляд у него был спокойный и твердый.

Пару секунд противники мерились взглядами, а потом ринулись в схватку.

8

Огромная рука развернула Глеба, и тяжелый кулак ударил его в лицо. Глеб упал на пол, но тут же откатился в сторону и резко вскочил на ноги. Хлопуша снова размахнулся, но Глеб успел схватить его борцовским хватом, и они оба рухнули на пол.

Тут же поднявшись, они вновь сошлись, нанося друг другу мощные удары. Руки Глеба были не такими длинными и толстыми, как у Хлопуши, но он хорошо умел ими пользоваться. Удар правой в челюсть, затем – левой в подбородок. Верзила отступил на два шага и обалдело потрянул головой.

Посетители кружала сгруппировались вокруг противников, крича и подначивая их.

– Давай!

– Бей!

– Вали на пол и ногами!

Хлопуша ударил Глеба в лицо, но Глеб уже оправился от кратковременного шока, в который поверг его первый удар верзилы, и теперь мозг его работал четко и ясно. Он без особого труда уклонился от удара и ушел в сторону. Последние полгода Глеб постоянно упражнялся в кулачном бою с целовальником Назарием, и сейчас это сослужило ему хорошую службу – Глеб был в отличной форме. Он был ловок, как рысь, и силен, как молодой медведь.

Уклонившись от очередного удара, Глеб неожиданно для гиганта пригнулся и ударил его головой в живот. Хлопуша тяжело грохнулся на пол, но тут же поднялся.

Глеб ударом ноги в грудь снова повалил его на пол. Хлопуша опять поднялся, но Глеб бросил его через бедро, а когда Хлопуша попытался встать, нанес ему несколько хлестких, сокрушительных ударов в лицо. И Хлопуша сдался. Хлопнувшись на задницу, он потрянул головой, затем поднял на Глеба ошалелый взгляд и пробасил:

– Твоя взяла, охотник. Ты отличный боец.

Глеб усмехнулся и протянул Хлопуше руку. Поднявшись на ноги, верзила свирепо крикнул на окруживших его мужиков:

– А вы чего встали, ротозей? Убирайтесь к лешему!

Посетители, опасливо глядя на верзилу, кто с прибытком, а кто с убытком, вернулись за свои столы и принялись негромко обсуждать закончившийся бой. А Хлопуша взглянул на Глеба тяжелым взглядом и спросил:

– Теперь ты заберешь мою баклагу, охотник?

– Да, – ответил тот.

– Если я не принесу ее тем, на чьи деньги она куплена, меня прибьют.

– Может быть, и так, – проронил Глеб небрежно. – Но мне-то что за дело?

Хлопуша опустил на лавку, положил локти на стол и обхватил пятернями голову.

– Леший меня дернул связаться с тобой, – горестно пробормотал он. – Что же мне делать теперь? Как явиться пред очи Шкуродера?

Глеб посмотрел на парня насмешливым взглядом и вдруг сказал:

– Из любой ситуации есть выход.

Хлопуша поднял на него взгляд и нахмурился:

– Не понимаю, о чем ты.

– Я не возьму твою баклагу. Но при одном условии.

– Что еще за условие?

Первоход сел за стол и прямо взглянул на Хлопушу.

– Твой брат скучает по тебе. Он попросил меня разыскать тебя и вернуть домой.

Хлопуша шумно выдохнул ноздрями воздух.

– Вот оно что. Передай Молчуну, что я не вернусь домой. Он мне не брат и не семья. Моя семья – это моя община.

Глеб прищурил темные глаза.

– Несколько лет назад твой брат спас мне жизнь, – сказал он. – И теперь я обязан вернуть ему долг. Давай поступим так: я приведу тебя к Молчуну. А дальше поступай как знаешь. Мне до этого уже не будет никакого дела.

Хлопуша обдумал его слова, затем нахмурился и угрюмо проговорил:

– Если ты знаешь Молчуна, то должен знать и Улиту.

– Я ее знаю, – сказал Глеб. Вгляделся в лицо верзилы и небрежно спросил: – У тебя с ней что-то было?

– Да. Один раз, – сознался Хлопуша. – А потом она стала пугать меня. Грозилась рассказать о нас Молчуну, коли я не захочу делать то, что она велит. А велела она плохие вещи.

– Молчун – твой брат, он поймет и простит тебя.

– Может, да. А может, нет.

Хлопуша долго сидел молча, покручивая в руках пустую кружку, потом вздохнул, прямо взглянул на Глеба и сказал:

– Я пойду с тобой к Молчуну. Но сперва хочу узнать, кто ты. Должно быть, ты великий человек, если так легко намял мне бока.

– Великий? – Глеб усмехнулся. – Это вряд ли. Меня зовут Первоход. Глеб Первоход.

Лицо верзилы вытянулось от изумления.

– Так, значит, ты... О, боги! Выходит, меня одолел не простой человек, а сам Глеб Первоход!

– Не стоит кричать об этом на все кружало. Если ты готов идти – пошли. Я хочу поскорее покончить с этим делом.

Хлопуша взял со стола шапку и нахлобучил ее на голову. Затем повернулся к стойке и крикнул:

– Целовальник! Вели снести эту баклагу к Игнату Полею и передать Вичкуту Шкуродеру. Да смотри не разбей, иначе Шкуродер нагрянет сюда с ватагой и сожжет твое кружало дотла.

Ночное небо прояснилось. Тучи разошлись, и весь Млечный Путь лежал как на ладони. Несколько минут они шагали по подмерзшей дороге молча. Потом Хлопуша вздохнул и задумчиво произнес:

- Теперь Молчун меня точно прибьет.
- Такого медведя, как ты, нелегко прибить, – возразил Глеб.
- Хлопуша хмыкнул.
- Ты не знаешь моего брата. Он очень опасен.
- Как и каждый ходок, – пожал плечами Глеб.
- Однако Хлопуша с этим не согласился.

– Молчун хуже всех, – сказал он. – Однажды, когда я был маленький и стащил варенье из кладовки, он посадил меня на лавку, принес все варенье, какое было в кладовке, и заставил меня его съесть. Я ел весь день. До тех пор, пока в голове у меня не помутилось и я не свалился с лавки под стол. После этого я целую неделю болел.

- Надеюсь, это не отбило у тебя охоту к сладостям?
- Что ты! Я обожаю сладости. Этим я весь в отца. Мой отец был толст, как бочка, и мог за один присест слопать половину быка.
- Твой отец был богат?
- Еще как! У него была своя строительная артель. Но под конец жизни батя разорился, забросил все дела, проел и пропил все, что имел. Умер он от заворotka кишок, прямо во время трапезы. Его так и нашли – с куриной ногой во рту. – Хлопуша вздохнул и добавил: – Хотел бы я помереть, как он.

Вскоре они подошли к дому Молчуна и остановились перед высоким частоколом. Хлопуша посмотрел на частокол, поежился, перевел взгляд на Глеба и сказал:

- Можно тебя кое о чем просить?
- Валяй, – разрешил Глеб.
- Ты говорил, что мой брат спас тебе жизнь и ты был у него в долгу, так?
- Так.
- А не кажется ли тебе, что теперь ты в долгу у меня?
- Глеб усмехнулся и покачал головой.
- Нет, не кажется. У нас с тобой был честный спор, и ты проиграл. Разве не так?
- Хлопуша вздохнул.

– Все так. Леший меня дернул схватиться с тобой, Первоход. Послушай-ка... – прищурился он вдруг. – А правду говорят, что ты задушил двуглавого пса Драглака голыми руками?

- Почти. Только не задушил, а заставил его служить мне.
- Хлопуша кивнул.
- Правильно сделал. По здравому разумению, на то он и пес, чтобы служить человеку. – Облизнув губы, толстяк снова покосился на частокол. – Слушай, а может, мы все переиграем? Ежели Молчун прибьет меня, моя погибель будет на твоей совести, понимаешь?
- На моей совести столько всего, что я этого даже не замечу, – успокоил его Глеб. Он взгляделся в широкое лицо парня и нахмурился: – Неужто ты и впрямь так сильно боишься своего брата, здоровяк?
- Боюсь, – сознался Хлопуша. – Боюсь больше, чем лешего или сонного банника.
- Гм... – Глеб задумчиво поскреб пальцами горбинку на носу. – Что ж... Пожалуй, мне и впрямь стоит поговорить с твоим братом, прежде чем я отдам тебя ему. Жди меня за деревьями, здоровяк. И не высывайся.

Глаза Хлопуши широко распахнулись от удивления.

– Ты отличный парень, Первоход, – сказал он. – Я никогда не верил гадостям, которые про тебя рассказывают люди. Но даже если это так, и ты на самом деле пожираешь

младенцев и сожительствоешь с волколаками...

– Притормози, – поморщился Глеб, – и не слушай дураков.

Он повернулся и зашагал к дому Молчуна.

Хлопуша отошел к деревьям. Дождался, пока Глеб перепрыгнет через частокол, затем развернулся и что есть духу припустил прочь от братовой избы.

«Спор есть спор, – думал он, быстро отмеряя шагами сажени. – А жизнь есть жизнь. Пастырь говорил, что жизнь греховна и полна страданий, но пока в ней есть жареные цыплята и таврийское вино, я готов еще лет двадцать пострадать».

* * *

Дверь оказалась открытой. Немного удивившись этому факту, Глеб вошел в избу, прошел через сени, толкнул дверь, ведущую в горницу, и негромко окликнул:

– Молчун! Эй, Молчун, ты здесь?

Молчун не отозвался, и в горнице никого не было. Тихо потрескивали и коптили льняные светильни в жировых плосках. В углу стоял гончарный круг, чуть правее валялась сапожная колодка. Видимо, Молчун, оставшись без работы, пытался освоить одну из «мирных» профессий. Интересно, получалось ли?

– Молчун! – снова окликнул Глеб. – Молчун, черт тебя дери! Если ты здесь – отзывайся!

Ответа не последовало. Глеб нахмурился и двинулся в соседнюю комнату. Но и в этой комнате было пусто. На перебутовленном топчане валялись порванные бусы и пустая кружка, воняющая олусом.

В горнице послышался какой-то скрип. Глеб мигом выпрямился, выхватил из ножен меч и тихо, как кошка, скользнул к горнице. Выглянув из дверного проема, он увидел, что крышка погребка откинута, а изнутри льется тусклый свет.

Глеб сдвинул брови и решительно зашагал к погребу. «Если этот дьявол там, я выскребу его на Божий свет и сломаю ему пару ребер прежде, чем сюда доберутся князьи охоронцы и дознаватели!» – думал он, скрипя зубами от ярости.

Остановившись на краю погребного короба, Глеб заглянул вниз. Ярость заставила его забыть об осторожности, и когда он услышал шорох у себя за спиной, было уже поздно. Сильные руки толкнули Глеба в спину, и он полетел в квадратный зев погребка, так и не выпустив из стиснутых пальцев меча.

Приземление оказалось не слишком мягким, но Глеб умудрился ничего себе не сломать, не стукнуться ни обо что головой и не потерять сознания. Коснувшись бедром земли, он сгруппировался, подобно кошке, перекатился на плечо и почти мгновенно вскочил на ноги. Задрав голову, он увидел в светлом квадрате погребного короба лысоватую голову Молчуна.

– Эй, Первоход! – окликнул его Молчун. – Как ты там?

– Лучше всех, – ответил Глеб.

Он чертыхнулся и отряхнул испачканные землей штаны.

– Не зашибся? – снова спросил Молчун. – Тут ведь высоко.

– Говорю тебе – цел. Какого черта ты делаешь, Молчун? Зачем ты меня сюда толкнул?

Несколько секунд ходок молчал, затем глухо осведомился:

– Если я скажу, что перепутал тебя с кем-то другим, ты мне поверишь?

– Я поверю во все, что ты скажешь, если ты спустишь мне лестницу, – заверил его Глеб.

Молчун хмыкнул и качнул головой.

– Нет, Первоход. Прости, но ты не получишь лестницу.

– Если ты думаешь, что я смогу вскарабкаться по стене, как паук, ты ошибаешься. Спусти лестницу, Молчун. Спусти, и мы обо всем забудем.

– Не могу, Первоход. Ты нужен мне в яме, а не наверху.

– Значит, ты столкнул меня сюда специально?

– Выходит, что так.

Глеб откинул с лица темную прядь волос и холодно прищурился.

– И все же я даю тебе шанс передумать, – сказал он. – Помоги мне отсюда выбраться, и я все забуду.

– Может быть, – прогудел в ответ Молчун. – Может быть, и забудешь. Но беда в том, что я не забуду.

– О чем это ты?

– Ты спал с моей бабой, Первоход.

Глеб хотел возразить, но понял, что это бесполезно, и решил сменить тактику.

– Ты прав, Молчун. Я спал с твоей зазнобой. Выпусти меня, и мы разберемся по-мужски.

– Я с мечом, а ты с ольстрой? – Молчун хмыкнул. – Это ты называешь «по-мужски»?

– Я оставлю ольстру в погребке. Если хочешь, я оставлю здесь и свой меч. Мы будем биться на кулаках. Ты ведь отличный кулачный боец, Молчун. Вытащи меня отсюда и набей мне морду.

Несколько секунд длилось молчание, и в душе Глеба затеплилась надежда. Но в конце концов угрюмый ходок покачал головой и сказал:

– Нет. Прости, Первоход, но ты будешь сидеть здесь, пока я не приведу охоронцев.

По спине Глеба пробежал холодок. Погреб у Молчуна глубокий и надежный. До короба – сажени полторы. Крышка из дубовых досок, толщиной в две ладони, да и сверху на нее Молчун наверняка что-нибудь навалит.

– Значит, отдашь меня княжьим псам? – хрипло спросил Глеб.

– Отдам, – последовал ответ. – Уж не обессудь.

Глеб помолчал, усиленно соображая, что же ему теперь делать. И вдруг его осенило.

– Эй, Молчун! – крикнул он. – Дело ведь не в Улите? Тебе просто нужны деньги. Ты за этим позвал меня в Хлынь, верно?

– А ты догадлив, – с угрюмой усмешкой ответил Молчун.

– Не очень, раз ты сумел заманить меня сюда, – мрачно проговорил Глеб. – Но ты напрасно стараешься, Молчун! Слышишь? Напрасно!

– Почему это?

– Князь отменил награду за мою голову. Ты ничего не получишь.

Несколько мгновений ходок молчал, затем сказал:

– Ты врешь.

– Вру? – Глеб усмехнулся. – Ты настоящий дурак, если думаешь, что я приехал в Хлынь из-за тебя и твоего брата. Меня привело сюда другое дело. И это дело мне поручил сам князь.

– Я не собираюсь слушать твою болтовню, Первоход. Увидимся через час!

Тяжелая дубовая крышка с грохотом упала на короб. Поток воздуха затушил тусклый берестяной факелок, и Глеб остался в темноте.

Он достал из кармана зажигалку, заправленную горючей «земляной кровью», выщелкнул пламя и огляделся. Полки, полки, полки. А на полках – кувшины с солониной. Опустив зажигалку ниже, Глеб увидел стоявшие на полу кадки с соленой капустой и огурцами и несколько объемистых византийских амфор.

Глеб взял с полки деревянную кружку, молниеносным ударом меча проткнул одну из амфор и подставил под хлынувшую струю кружку.

– Вино, – тихо и удивленно проговорил Глеб. – Черт бы тебя побрал, Молчун, это настоящее византийское вино!

Вино было замечательное. Молодое, но с насыщенным и терпким вкусом. За эти амфоры Молчуну наверняка пришлось выложить целую кучу серебра. Если, конечно, он его не украл.

– Эй, Первоход! – донесся до Глеба приглушенный дубовой крышкой голос Молчуна. –

Ты чего затих?

– Пробую твоё вино! – крикнул в ответ Глеб. – У тебя отличное вино, Молчун! Сколько ты за него заплатил?

– Не трогай моё вино, Первоход! Не прикасайся к нему!

– Могу себе представить, как ты им дорожишь! – усмехнулся Глеб. – Византийское вино стоит дороже порочноградской водки! Ты отдал за него не меньше пятнадцати дирхемов, верно? А за мою голову надеешься выручить двадцать! Выходит, все это ради пяти несчастных монет? – Глеб засмеялся. – Ты дурак, Молчун! Уверен, ты не думал о вине, когда заманивал меня в погреб! Вино и водка размягчили твои мозги и застили тебе глаза. И теперь ты здорово за это заплатишься!

– Ещё раз говорю тебе – не трогай моего вина! – прорычал сверху Молчун.

– А то что?! Что ты сделаешь, Молчун?

– Я... Я забросаю тебя горящими факелами!

– Валяй, бросай! Только вместе со мной сгорит весь твой погреб! А с ним – и весь твой дом!

Глеб замолчал и прислушался. Молчун, по-видимому, погрузился в глубокое размышление. Сидит, небось, сейчас на лавке и скребет пятерней затылок. Глеб усмехнулся.

– Эй, Молчун! – крикнул он. – Открой погреб и опусти мне лестницу! Клянусь, я не трону тебя!

Ещё несколько секунд ходок молчал, затем мрачно прогудел:

– Ты прав, я сглупил. Но что сделано, то сделано, Первоход. Я давно не хожу в Гиблое место, так что для меня и пять серебряных монет – большие деньги.

Глеб нахмурился. Что, если приказ княгини ещё не дошел до рядовых охоронцев? В указе о награде четко указано – «двадцать серебряных монет за *голову* Первохода». Охоронцы прикончат Глеба, а после отрежут ему голову и доставят ее ко двору. Все так и будет. Определенно.

– Ладно! – яростно крикнул Глеб. – Черт с тобой! Иди и позови сюда княжских охоронцев! Посмотрим, кто из нас двоих будет выглядеть глупее!

Молчун затопал к двери. Глеб прислонился спиной к холодной, влажной стене и задумался. Если и бывают на свете безвыходные ситуации, то это была одна из них. Ему ни за что не выбраться из погреба. А если так, то выход есть лишь один: дожидаться охоронцев и попытаться убедить их в том, что пользы от головы Первохода им не будет никакой. Ну а если они не послушаются – вступить с ними в бой и победить. Или сдохнуть. Это уж как повезет.

Наверху гроыхнула дверь, а затем послышались чьи-то тяжелые шаги. Глеб прислушался.

– Бу-бу-бу-бу... – заговорил кто-то.

Говорил он тихо, и слов было не разобрать. Понятно было одно – говорит мужчина.

– Бу-бу-бу-бу... – ответил ему другой голос, по тембру – голос Молчуна.

Глеб насторожился и крепче сжал в руке меч. Интересно, кто это пожаловал? Что-то снова гроыхнуло наверху, затем что-то упало на половицы. Потом послышался такой шум, будто кто-то что-то волок по полу. Глеб ждал, угрюмо поглядывая наверх.

Прошло ещё около минуты, а затем наверху лязгнул засов, и крышка погреба распахнулась.

– Первоход! – услышал он знакомый голос. – Первоход, ты здесь?

– Да! – отозвался Глеб и отпрянул от стены. – Спусти сюда лестницу!

– Я брошу тебе веревку. Лови!

Конец веревки упал Глебу в руки.

– Выбирайся! Я держу!

– Хорошо!

Глеб вложил меч в ножны, уцепился за веревку и полез наверх. В последний раз он делал что-то подобное ещё в школе, на уроках физкультуры, когда физрук заставлял их

часами карабкаться по канату. Сейчас приобретенный в школе навык сослужил Глебу хорошую службу. Прошло несколько секунд – и он оказался наверху.

10

Молчун сидел на стуле и сжимал ладонями разбитую в кровь голову.

– Чем это ты его? – спросил Глеб у здоровяка.

– Кулаком, – ответил Хлопуша.

– Поднял руку на родного брата... – со злостью прорычал Молчун, не отнимая ладоней от головы. – Я это тебе припомню.

– Знаю, что припомнишь, – сказал Хлопуша. – Только ведь и мне есть чего припомнить, брат.

Молчун глянул на здоровяка исподлобья и усмехнулся.

– Вот как? Угрожаешь мне, щенок?

– Это я раньше был щенком, братец. А таперича я большая собака. Гиблое место научило меня лязгать зубами и кусаться. Не связывайся со мной.

– Гиблое место научило тебя тявкать! – презрительно проговорил Молчун. – Но не всякий, кто тявкает, имеет зубы.

Хлопуша вздохнул.

– Эх, брат, брат... И чего я такого сделал, что ты так на меня взъелся? Вот и к Пастырю я ушел из-за тебя. Коли б не ушел – сожрал бы ты меня совсем, сжил бы со свету.

– Вранье, – поморщился Молчун. – Ты ушел к чародею, потому что слаб духом. Я много лет пытался сделать из тебя мужчину, но ты так и остался толстым слизняком. Хорошо, что отец не дожил до такого позора.

Несколько секунд Хлопуша стоял неподвижно. На лбу у него выступила испарина, губы слегка побелели.

– Эх, брат, брат... – вздохнул верзила. – И откуда в тебе столько злобы? Видать, и правда Гиблое место иссушает людские сердца.

Глеб, посчитав, что его присутствие здесь больше не требуется, сказал:

– Мне пора. Хлопуша, будь осторожней с этим вырождаком. А ты, Молчун, запомни следующее: ты просил, чтобы я вернул тебе брата. Я его тебе вернул. Теперь я тебе ничего не должен.

Молчун отнял руку от окровавленной головы, взглянул на Глеба ненавидящим, полным ярости взглядом.

– Мы не в расчете, Первоход, – дрожащим голосом пробормотал он. – Сейчас ты силен и настороже. Но когда-нибудь ты расслабишься. И тогда я приду за тобой. Я приду и убью тебя, Первоход.

Глеб усмехнулся:

– Да, да. Конечно. Но для этого тебе придется встать в длинную очередь. Бывай, здоровяк! – Он подмигнул Хлопуше, поправил на поясе ножны и зашагал к двери. Открыв дверь и перешагнув порог, Глеб снова остановился. Глянул на Молчуна вполборота и сухо произнес:

– Забыл сказать. Твой брат мне понравился. Вздумаешь снова его обижать, вернусь и заткну твоей головой дымоход.

Глеб вышел в сени, прошел их, распахнул дубовую дверь и вдохнул полной грудью свежий ночной запах улицы.

Глава пятая Бой в «кущах»

Полчаса спустя Глеб сидел в кружале и пил олус. После всех испытаний этого тяжелого дня ему хотелось снова почувствовать себя обычным человеком. Нормальным обывателем начала двадцать первого века.

Этот чертов олус был так похож на пиво... А деревянные столы кружала так сильно напоминали столы любимого спортбара... Если не смотреть на бородатые морды и не прислушиваться к голосам, можно вообразить себя в Москве.

Потягивая олус, Глеб привычным жестом задрал рукав на правой руке. Чуть повыше запястья красовались белесые шрамы. Словно зарубки на стене тюремной камеры. Когда-то их было десять, но теперь осталось шесть. Когда последний шрам сойдет, Глеб снова окажется дома.

Интересно, как это будет? Он крепко зажмурит глаза, а когда откроет их – вдруг увидит перед собой стены своей «двушки» на Профсоюзной? А может быть, это будет офис, компьютер и Памела Андерсон, демонстрирующая с экрана монитора свои силиконовые сокровища?

Глеб горестно усмехнулся. Боже, сколько времени прошло с тех пор! Пожалуй, ему уже никогда не стать прежним. Сумеет ли он снова почувствовать себя своим в XXI веке? Сумеет ли пить с приятелями пиво, слушая их болтовню, и не думать о том, что где-то рядом притаились оборотни? Сумеет ли, прогуливаясь с девушкой по вечернему городу, не напрячься от воя потревоженной сигнализации, донесшегося с автостоянки. Сумеет ли привыкнуть к тому, что вспыхивающие во тьме яркие точки – это не налитые кровью глаза волколака, а подфарники автомобилей и неоновые всполохи рекламного завлекалова?..

И не набросится ли он однажды, размахивая ножом, на автомобиль, приняв его за невиданную тварь из Гиблого места?

Глеб вздохнул и отхлебнул олуса.

Хорошо бы снова очутиться дома, но так, чтобы ни о чем не помнить. Чтобы при слове «упырь» вспоминать не ходячих мертвецов, а физиономию Петьки Самойлова из финансового отдела, который с завидным постоянством задерживает Глебу начисление гонораров.

Глеб снова усмехнулся, но тут же согнал усмешку с губ. К столу, за которым он сидел, приближались двое мужчин. Один был дородный и осанистый, со светлыми усами и такой же светлой бородой. Второй – его полная противоположность, тощий, редкоусый, морщинистый. Лишь одно было общим у незнакомцев – оба одеты неброско, но дорого, а оружие, висевшее у них на поясах, было украшено золотом.

Остановившись у стола, незнакомцы пристально посмотрели на Глеба. Затем осанистый спросил:

– Не помешаем?

Глеб ничего не ответил.

Незнакомцы уселись на лавку. Осанистый посмотрел на Глеба пристальным, спокойным взглядом и сказал голосом негромким, но четким, как отпечаток ялового сапога на влажной земле:

– Меня зовут Кудеяр. Я – советник княгини Натальи.

Глеб молчал, ожидая продолжения. И продолжение последовало:

– Сегодня днем на Сходной площади прочли княжий указ о прекращении преследования Глеба Первохода. – Советник Кудеяр выдержал паузу, давая Глебу время осознать эти слова, и добавил: – Как видишь, княгиня Наталья сдержала свое слово.

Глеб отхлебнул олуса и снова ничего не ответил. Тогда Кудеяр вытащил из-под плаща кожаный кошель и положил его на стол.

– Лично я считаю, что лучше получить кошель с золотом, чем лишиться головы, – отчеканил он, пристально глядя на Глеба своими голубыми, холодными глазами. – А ты?

Глеб тоже так считал. Тем более что этот Кудеяр не был похож на человека, который бросает слова на ветер и чьи угрозы можно пропустить мимо ушей.

– Мне уже заплатили, – сказал Глеб. – И заплатили щедро.

– Власть воздает за добро, не скупясь, – возразил Кудеяр. – А вот за отступничество она взыскивает полной мерой. Деньги, которые ты получил, были уплачены тебе княгиней. А эти – от меня и моего спутника.

Он сделал паузу, ожидая, что Глеб что-нибудь скажет, но поскольку тот молчал, продолжил снова:

– Пару часов назад Пастырь пришел во дворец и сказал, что хочет поговорить с княгиней Натальей. Охоронцы пропустили его. Он пошел в покои княгини и уединился с ней. Разговор их был краток. Спустя несколько минут княгиня вышла из покоев и объявила, что отныне она – член общины Пастыря.

Левая бровь Глеба чуть приподнялась.

– Интересный поворот, – протянул он.

– Белый чародей добрался и до нее, – сказал Кудеяр, и в голосе его прозвучала горечь. – Теперь в княжестве нет человека главнее Пастыря.

– Кажется, ты забыл, что кроме княгини есть еще и князь, – спокойно заметил Глеб.

Советник Кудеяр усмехнулся.

– Мы оба знаем, что князь давно мертв, – тихо произнес он.

Глеб отхлебнул олуся.

– Если все всё знают, то почему до сих пор...

– Не все, – перебил его Кудеяр. – А лишь самые близкие к княгине люди. Я – один из них.

– А как насчет твоего спутника? – Глеб скользнул взглядом по сухому, напряженному лицу тощего. – Он не похож на дворового боярина.

– Мой спутник не боярин. Но я вынужден был открыть ему правду, чтобы заручиться его поддержкой. Вернее – поддержкой его хозяина.

– Мы надеемся, что ты сделаешь все быстро и по возможности тихо, – заговорил тощий надтреснутым голосом. – А если тебя поймают, ни в коем случае не станешь ссылаться на нас.

– У чародея много приверженцев, Первоход, – поддакнул тощему Кудеяр. – И если они узнают, что их Пастырь погиб по нашему сговору, в городе поднимется волнение.

Глеб спокойно выслушал его, затем покосился на тощего и негромко поинтересовался:

– Кто же все-таки твой спутник, Кудеяр?

Советник хотел ответить, но тощий опередил его.

– Я служу у Крысуна Скоробогата, – сказал он. – В кошеле, который лежит на столе, двадцать золотых солидов. Но награда может быть увеличена, если ты не просто убьешь Пастыря, но принесешь нам его голову.

– Вот как? – Глеб прищурился. – И на сколько же?

– Ты получишь еще один кошель с золотом – в точности такой, как этот.

Глеб отхлебнул олуся и усмехнулся.

– Неужели у княгини осталось так мало верных людей, что она вынуждена объединиться с Крысуном Скоробогатом и его вонючей сворой?

Тощий нахмурился, губы его побелели от гнева, а рука сама потянулась к рукояти ножа-скрамасакса, но Кудеяр положил ему на руку ладонь и холодно отчеканил:

– Тише, Первоход. Мы в одной лодке.

– Точно, в одной, – согласился Глеб. – Правительство и мафия объединились, чтобы свалить духовного лидера и не допустить наступления теократии. Это уже классика.

Глеб снова отхлебнул из кружки и облизнул губы.

– Вы знаете, кто такой этот Пастырь и откуда он пришел? – спросил он, глядя на Кудеяра.

– Никто прежде не слышал о нем, – ответил осанистый советник. – Ни здесь, ни в других городах. Но его чудеса пахивают Гиблым местом.

– Все чудеса пахивают Гиблым местом, – сухо заметил Глеб. – Что еще ты знаешь,

Кудеяр?

– Я разослал своих людей по всему княжеству. А также в Кривичское и Радимичское княжества. Пытался выяснить, откуда взялся Пастырь. Но вместо этого я выяснил другое.

– Что же?

– Его видели, Первоход. Его видели везде.

На лбу Глеба заиграли морщинки.

– Что это значит?

– Не знаю, как, но Пастырь умудряется быть в нескольких местах сразу. Два дня назад он полдня проповедовал на Сходной площади. Но в то же самое время его видели в Полоцке и у реки Саж. И там он тоже проповедовал и тоже творил чудеса.

Глеб сжал губы. Он видал всякие виды, не раз заглядывал смерти в глаза, но от слов Кудеяра испытал невольный трепет.

– Его приверженцы повсюду, – продолжил советник. – Если верить моим людям, только в нашем княжестве его община насчитывает пять тысяч человек. И с каждым днем их становится больше. Одному Сварогу известно, сколько приверженцев у него в соседних княжествах.

Глеб задумчиво отхлебнул олуся.

Вот так дела. Проклятый колдун умудряется быть в нескольких местах сразу. С такими чудесами Глебу еще не приходилось сталкиваться. Похоже, этот Пастырь – крепкий орешек. Неизвестно, что именно задумал чародей, но бед он может натворить много.

Глеб протянул руку к кошельку с золотом, взял его и сунул в карман куртки. Затем поднялся с лавки.

– Я разберусь с этим, – коротко сказал он.

– А что делать нам? – спросил Кудеяр, глянув на Глеба снизу вверх благодарным взглядом.

– Ничего. Просто сидите и ждите новостей.

2

На улице, уже по-ночному темной, ни души. Было то мрачное время, когда обыватели запирают двери на крепкие засовы, а убийцы возле кружал подкарауливают очередного пьяницу, чтобы отнять у него все, что тот не успел пропить, а самого его бросить в овраг.

Глеб Первоход, завернувшись в плащ, стоял под черными деревьями, почти слившись с ними. Завидев на дороге громадную, широкоплечую фигуру, Глеб вышел из мрака и окликнул:

– Хлопуша!

Верзила остановился и удивленно уставился на Глеба.

– Первоход? Что ты здесь делаешь?

– Жду тебя.

Хлопуша огляделся по сторонам. Затем снова посмотрел на Глеба и спросил:

– Откуда ты знал, что встретишь меня здесь?

– Это ближайшее к твоему дому кружало. А ты наверняка соскучился по сочному куску жареной говядины.

Хлопуша усмехнулся:

– Верно. Но зачем я тебе, Первоход?

– Хочу с тобой поговорить.

– О чем?

Глеб помолчал пару секунд, подыскивая нужные слова, и начал издалека:

– Как там Молчун? Вы с ним уже помирились?

Лицо Хлопуши, освещенное тусклым лунным светом, слегка дрогнуло.

– Не думаю. Молчун ведет себя смирно, но, скажу тебе честно, Первоход, я боюсь поворачиваться к нему спиной.

– Да, твой брат тот еще тип. Что будешь делать дальше? Вернешься в «уграйскую кушу»?

Хлопуша еще больше помрачнел и пробасил:

– Я туда больше не пойду.

– Почему?

– Есть причина.

Глеб взгляделся в лицо верзилы и отчеканил:

– Пастырь не отпустит тебя. Ты ведь это знаешь?

Хлопуша кивнул.

– Знаю.

– Тогда, быть может, тебе стоит к нему вернуться? Если ты решишь это сделать, я пойду туда вместе с тобой.

Хлопуша удивленно уставился на Глеба.

– Ты хочешь стать другом Пастыря? – недоверчиво спросил он.

Глеб качнул головой:

– Не думаю.

– Врагом?

– Вот это уже ближе к истине.

– Гм... – Хлопуша нахмурился. – Ты что-то задумал, верно?

– Верно.

– И что же?

– Я хочу выяснить, кто такой этот Пастырь и откуда он взялся. Думаю, это будет интересно не только мне.

Хлопуша помолчал немного, обдумывая слова Глеба, потом сказал:

– Я ненавижу белого чародея, Первоход. Ненавижу всей душой.

– Но ты был в его пастве.

– Верно. И все равно он мне не нравится. И никогда не нравился. Он, конечно, чародей хороший. Сделал из воды вино, и все такое. Но чего стоят все его чудеса, коли он держит людей впроголодь?

– Ты не любишь его только из-за этого?

Хлопуша покачал головой.

– Нет, не только. Чародей убил одного хорошего парня только за то, что тот хотел уйти из общины. И еще он дружит с разбойниками Вичкута Шкуродера. Они и меня хотели взять в свою ватагу.

– Гм... – Глеб нахмурился. – Выходит, Пастыря охраняют люди Шкуродера?

– Да.

– И много их?

– Много. На подступах к «куще» дежурят конные разъезды. Четыре разъезда по пять человек.

– Гм... – снова проговорил Глеб. – Вижу, чародей ничем не брезгует.

– Говорю тебе, Первоход: он очень опасен и хитер. Ты только тронешься в дорогу, а Пастырь уже будет знать, что ты идешь. У него повсюду соглядатаи и наушники.

Глеб задумался.

– Если все так, как ты говоришь, мне нужно получше подготовиться к встрече с ним. Идем!

Глеб повернулся.

– Куда? – растерялся Хлопуша. – Куда мы идем?

– Я снял комнату у Дулея Кривого, – коротко ответил Глеб. – Нужно кое-что там прихватить. Ты со мной или как?

Верзила все еще колебался.

– А у тебя в комнате найдется что-нибудь поесть? – спросил он.

Глеб усмехнулся:

- Есть. Сало с хлебом тебя устроят?
- Вполне, – кивнул Хлопуша и более уже не раздумывал.

3

Хлопуша с удивлением смотрел на вещь, которую Глеб с величайшей осторожностью достал из сундука.

- Что это? – спросил он.

Глеб завернул вещицу в мягкую тряпку и ответил, аккуратно засовывая ее в карман:

- Бомба.

- А зачем она?

– Эта штука может разорвать на куски пяток разбойников разом. А если повезет, то и больше. Эх, Хлопуша, знал бы ты, скольких усилий мне стоило смастерить ее в вашем диком мире. Да и рецепт я основательно подзабыл. Пришлось напрячься, чтобы вспомнить.

Хлопуша уставился на Глеба подозрительным взглядом.

- Ты чародей? – осторожно спросил он.

Глеб усмехнулся.

– Почти. Я бывший журналист. Писал когда-то статью о том, что рецепт бомбы можно легко найти в Интернете. И для примера скачал пару рецептов. – Глеб вздохнул. – Честно говоря, не думал, что это сработает. Но с год назад я швырнул одну такую в темных тварей.

- И как?

- Сработало, – просто ответил Глеб.

Хлопуша сунул в рот последний кусок хлеба с салом и заговорил с набитым ртом:

- Первоход, можно тебя спросить?

- Если про жратву, то нет.

Глеб проверил, хорошо ли лежит в кармане бомба. Затем снова склонился над ящиком.

– Ты чего молчишь, здоровяк? – спросил он спустя несколько секунд, пробуя пальцем лезвия метательных ножей.

- Ты сам запретил мне говорить, – прогудел за спиной Хлопуша.

– Я запретил говорить только про еду. Или других тем для тебя не существует? – Глеб сунул в ножны-соты три метательных ножа. Затем повернулся к сидящему на лавке Хлопуше и, выставив палец, назидательно изрек:

– Малыш, не делай из еды культа. И запомни: мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть. Уяснил?

– Уяснил, – ответил Хлопуша, грустно разглядывая тряпицу, в которую было завернуто сало. Вздохнув, он отложил тряпицу и посмотрел на Глеба. – Теперь мы отправимся в «кущи»?

Глеб качнул головой:

- Нет.

- Куда же мы отправимся?

- К одному моему другу.

- Зачем?

- Мне нужно у него кое-что забрать.

Глаза Хлопуши блеснули алчным огоньком.

- А у твоего друга есть...

- Конечно, – перебил его Глеб. – У него всегда есть чем перекусить.

Хлопуша резво поднялся с лавки и возбужденно поинтересовался:

- Так чего же мы ждем?

* * *

Человек, к которому Первоход привел Хлопушу, был невысок, но коренаст, немолод,

но крепок, а изба его не блистала красотой и роскошью, но все здесь было слажено добротно и умело. Едва глянув на упитанное, бородатое лицо кузнеца Вакара, Хлопуша сразу понял, что Глеб был прав, – уж где-где, а в этом доме точно никто не голодает.

Глеб и кузнец обнялись, затем расцепили объятия и оглядели друг друга с ног до головы.

– Вижу, твоя голова все еще на твоих плечах? – с усмешкой произнес кузнец. – Просто удивительно, если вспомнить, сколько она стоит.

– Ну, ты же знаешь, что я скользкий налим, – со смехом ответил Глеб. – Такого, как я, голыми руками не возьмешь.

– Такого, как ты, и не голыми взять трудно, – заметил Вакар, тоже посмеиваясь. Он перевел взгляд на Хлопушу и прищурил светлые глаза. – А что это с тобой за здоровяк?

– Этого здоровяка зовут Хлопуша, и он мой приятель.

– Вот как? На вид простак, но рожа хитрая. Что ж, проходите к столу и усаживайтесь на лавки.

Глеб и Хлопуша послушно прошли к столу и уселись. Хлопуша втянул носом воздух и осторожно спросил:

– А чем это здесь так вкусно пахнет, дяденька Вакар?

– Щами, – ответил кузнец, подходя к печи.

Хлопуша сделал невинное лицо и лукаво заметил:

– Чую, в этих щах есть не только капуста.

– Верно, – кивнул Вакар. – Есть там и мясо.

Хлопуша вздохнул и сказал со скромной улыбкой:

– А хорошо, наверно, быть кузнецом, дяденька Вакар? Куй свое кузло, получай за него звонкую монетку и ни о чем больше не думай. Честное слово, будь я князем, я бы каждому кузнецу строил за казенный счет огромную избу.

– Зачем это? – не понял Вакар.

– А ни за чем. Просто в благодарность. Твое ремесло – самое полезное и нужное княжеству. Нет, честное слово, будь я князем, я бы каждому кузнецу подарил по красному суконному плащу с золотой пряжкой. Чтобы сразу было видно, какой важный человек идет по улице.

Вакар снял с котелка крышку, обернулся и весело произнес, обращаясь к Глебу:

– Этот парень мне определенно нравится. Держись за него, Первоход, и голодным не останешься.

Глеб засмеялся.

– Это точно!

Наполнив щами две тарелки, Вакар вернулся к столу и поставил их перед Глебом и Хлопушей. Затем снял с воронца хлеб, отломил два ломтя и также положил их на стол.

– Угощайтесь, ребята.

– Спасибо, дяденька кузнец! – Хлопуша усердно заработал ложкой. – Знатные у тебя щи, дядька Вакар, – похвалил он. – Вкуснее нигде не пробовал. А я толк в щах знаю.

– Вижу, ты знаешь толк во всем, что можно съесть.

– Это верно, – самодовольно изрек Хлопуша, уминая щи и не забывая заедать их хлебом. – В естве я толк знаю.

Взгляды Вакара и Глеба встретились.

– Как твои родные? – тихо спросил Глеб.

Кузнец облизнул обветренные жарким печным ветром губы и ответил:

– Да ничего. Живут себе.

Глеб покосился на Хлопушу, снова посмотрел на кузнеца и сказал:

– Мы можем поговорить в кузне?

– Да. Конечно.

– Хлопуша, как добьешь свои щи, принимайся за мои, – сказал здоровяку Глеб и поднялся из-за стола.

– А после можешь положить себе добавки, – с усмешкой продолжил Вакар. – Где у меня котел – ты уже знаешь.

В кузне, куда вошли пару минут спустя Глеб и Вакар, было тепло, почти жарко. Печь еще не остыла. Дождавшись, пока кузнец затворит дверь, Глеб повторил свой вопрос:

– Так как твои родные, Вакар?

– Живы-здоровы, – ответил кузнец. – Живут у родичей в соседнем княжестве. Дня не проходит, чтобы я не вспомнил о тебе, Первоход, и о том, как ты нам помог.

– Ты уже благодарил меня, Вакар. И хватит на этом.

Кузнец указал Глебу на лавку, а когда тот сел, уселся и сам.

– Ты ведь приехал ко мне за оружием? – спросил он. – Верно?

– Верно, – кивнул Глеб.

– Что ж... Я знал, что рано или поздно ты снова ко мне придешь. На кого собираешься охотиться на этот раз, Первоход?

– На того, который называет себя Пастырем.

На лице Вакара застыло удивление.

– Вот как, – неуверенно проронил он. – И с каких это пор ты охотишься на людей?

– Я не охочусь на людей, Вакар, и ты об этом прекрасно знаешь.

Лицо кузнеца вытянулось еще сильнее.

– Не хочешь же ты сказать, что белый чародей...

– Да, – сухо проговорил Глеб. – Он не человек. По крайней мере, у меня есть все основания так думать.

– Вот как, – снова сказал Вакар. – Ну... а что, если ты ошибаешься?

– Если я ошибаюсь, он останется жить, – просто ответил Глеб. – Мне нужны патроны, Вакар. Магазин моей ольстры пуст.

Кузнец сдвинул косматые брови.

– Прости, Глеб, но у меня нет патронов. Если бы ты сказал заранее, я бы раздобыл огневого зелья и нарезал огвоздков. Но сейчас я пуст.

Глеб внимательно посмотрел на кузнеца.

– Но ты ведь дашь мне что-нибудь взамен, верно?

Вакар усмехнулся:

– Есть кое-что. Но не знаю, понравится ли тебе?

С этими словами кузнец подошел к железному ящику, стоявшему на верстаке, щелкнул замками и открыл крышку. А затем, неторопливо, как бы наслаждаясь каждым движением, извлек из ящика предмет, похожий на ружье, но какой-то диковинной конфигурации.

– Вот, – сказал он и протянул оружие Глебу. – Вещица как раз в твоём вкусе, Первоход.

Глеб взял в руки оружие и взвесил его на ладонях. Предмет весил не больше обычного охотничьего ружья.

– Занятный дивайс, – сказал Глеб, разглядывая обтекаемые формы оружия. – Что-то вроде арбалета, верно?

– Как ты его назвал? – прищурился Вакар.

– Арбалет. А разве ты называешь его иначе?

– Я никогда не слышал такого слова.

– А, черт... – Глеб поморщился. – Прости. Я просто... просто спутал твоё изобретение с вещью, которую видел в одной далёкой стране. Но то оружие было другим – с тетивой, будто у лука. И оно, конечно же, не может сравниться с твоим.

Вакар посмотрел на Глеба недоверчиво.

– Я назвал его скорострелом. Он похож на твою ольстру. Вот гляди. – Вакар поддел ногтем скобу и выдвинул боковую панель. – Сюда мы кладем стрелы, – сказал он. – Я называю это запасником. Гляди.

Кузнец достал из железной коробки стрелы и стал по одной вставлять их в запасник. Стрелы были небольшие, по пол-локтя каждая, и кузнец умудрился уместить в запасник аж целых десять штук.

– Теперь ставим запасник на место... Вот так... И оружие готово к бою. Дай-ка сюда.

Вакар взял скорострел.

– Вот эта штука называется зарядной скобой. Теперь мы передергиваем ее... Вот этак вот. А теперь...

Вакар вскинул скорострел, прицелился в стену и нажал на спуск. Стрела со свистом вылетела из дула и вонзилась в стену. Вакар снова передернул зарядную скобу и снова нажал на спуск. Вторая стрела вылетела из дула и воткнулась в доску в трех вершках от первой.

Вакар опустил скорострел и посмотрел на Глеба.

– Видал? Коли приноровиться, можно уложить десять тварей за минуту!

– Стрелу толкает пружина? – осведомился Глеб.

Кузнец кивнул:

– Да.

– Дай попробую.

Глеб взял скорострел, передернул скобу, прицелился в дальнюю стену кузни и выстрелил. Потом снова передернул скобу и снова выстрелил. И еще раз. И еще.

Четыре стрелы хлестко вошли в доску почти без всякого разброса, впритирку одна к другой.

– У тебя орлиный глаз, Первоход, – похвалил кузнец. – В твоих руках скорострел будет так же опасен, как ольстра.

– Наконечники сделаны из белого железа?

– Само собой.

– Сколько есть стрел?

– С этими тридцать.

– Какова прицельная дальность?

– Саженой тридцать.

– Убойная сила?

– С двадцати саженой пробьет любые латы. Не говоря уже про волколачий череп.

– Здорово! – выдохнул Глеб, с восхищением разглядывая скорострел. Оружие сидело в руках, как влитое. – Сколько я тебе за него должен?

– Нисколько.

Глеб поднял взгляд и удивленно посмотрел на кузнеца.

– Брось, Вакар. Мой огород приносит не меньший доход, чем твоя кузня. И уж куда больший, чем рейды в Гиблое место.

– Что ж... тогда я возьму с тебя одну серебряную резанку.

Глеб отрицательно качнул головой.

– И речи быть не может. Позволь, я сам назначу цену. – Глеб достал из кармана куртки кожаный кошель, ослабил тесьму и вынул из кошелька пять золотых. Протянул их Вакару.

– Пять солидов? – удивился Вакар. – По нынешним безденежным временам это целое состояние.

Глеб кивнул:

– Верно. Но твой скорострел стоит того, правда?

Вакар взял деньги и усмехнулся.

– Вижу, твои дела и впрямь неплохи, Первоход.

– Твои, я думаю, тоже. Хорошие кузнецы нужны всегда, а ты, насколько я знаю, лучший. Слушай, дружище, присмотри пока за моей ольстрой. Не хочу, чтобы она была обузой.

Глеб достал из кобуры обрез ружья и протянул Вакару. Тот взял обрез, сунул его в железный ящик, захлопнул крышку и нажал на тайные пружины. Крышка лязгнула и чуть осела. Теперь, не зная тайного механизма замка, эту крышку не смог бы открыть ни один «медвежатник» на свете.

В освободившуюся кобуру Глеб вложил скорострел. А в кожаный карман, предназначенный для патронов, напихал два десятка стрел.

– Забыл предупредить, – снова заговорил Вакар. – Среди стрел, которые ты взял, есть огневые.

– Какие? – не понял Глеб.

– Огневые, – повторил кузнец. – При ударе о броню или кость темной твари они вспыхнут, как лучинки.

– Понял. – Закинув кобуру за спину и закрепив ее ремнями, Глеб снова взглянул на кузнеца. – Как насчет меча, Вакар?

– Тебе нужен меч?

– Да. И не просто меч, а настоящий всеруб, заговоренный десятью заговорами от темной нечисти.

Вакар прищурил светлые глаза, покусал рыжую бороду, затем как бы нехотя промолвил:

– Меч есть, Глеб. Но он слишком прост для тебя. На нем нет никаких украшений. Ни золота, ни серебра. Только клинок, гарда и рукоять.

– Мне сгодится, – сказал Глеб. – Главное, чтобы не подвел в бою, а остальное ерунда.

– Что ж, коли так...

Вакар прошел к верстаку, откинул кусок засаленной рогожи, взял в руки меч и, повернувшись к Глебу, сказал:

– Вот этот меч.

Скромный вид меча удивил Глеба. Простая, лаконичная форма, никаких украшений, никакой серебряной набивки на рукояти.

– Действительно, невзрачен. Неудивительно, что он лежал у тебя на верстаке. На такой меч ни один грабитель не позарится.

– Я не сказал тебе всего, Первоход. Этот меч – совсем новый. Прежде я таких не ковал.

– Что же в нем особенного?

– Прежние мои мечи лишь разили темных тварей. Но от блеска этого всеруба у любого оборотня загорится шкура. Его блеск – это блеск самого солнца!

Глеб взял меч из рук кузнеца, повернул клинок и так, и этак, но никакого особого блеска не увидел. Пожалуй, даже наоборот – клинок выглядел «сыроватым», и блеск его был темен и матов.

– Вакар, а ты ничего не пугаешь? – спросил на всякий случай Глеб. – Этот меч не похож на всеруб.

Кузнец обиженно хмыкнул.

– От тебя, Первоход, я таких речей не ожидал. Впрочем, что это я... Ежели он тебе не нравится...

– Погоди, не горячись. – Глеб провел пальцами по голомени, потрогал острие. – И сколько ты за него просишь, Вакар?

– Этому мечу нет цены, – гордо заявил кузнец.

– Цена есть всему, – возразил Глеб. – Если меч действительно так хорошо, как ты говоришь, я заплачу за него золотом.

Глеб хотел достать кошель, но Вакар положил пальцы ему на запястье и покачал головой.

– Нет, Первоход. Я продам тебе меч. Но не за золото.

– Чего же ты хочешь?

– Я становлюсь стар, Глеб. Силы покидают меня. С каждым днем мне все тяжелее махать молотом. А от Крысуна Скоробогата я слышал, что в Гиблом месте есть какой-то особенный гриб. Гриб, который дарует человеку... – Вакар на миг споткнулся и с натугой договорил: – ...новые силы.

Глеб холодно прищурился:

– Ты хотел сказать «бессмертие», не так ли?

– Я не верю в бессмертие. У всего на земле есть начало и конец. Но с некоторых пор я стал страшиться этого конца. Я хочу увидеть своего внука взрослым, Первоход. Хочу

защитить его от опасностей, которые подстерегают мальчонку.

Глеб нахмурил лоб.

– Значит, тебе нужен лиловый гриб, – раздумчиво констатировал он. – Но с чего ты решил, что я его найду?

– Ты самый везучий из всех ходоков, Глеб. Если кому-то и суждено найти «гриб бессмертия», то только тебе. – Кузнец вздохнул и взглянул на меч, который Глеб держал в руках. – Я выковал этот меч специально для тебя, Первоход. Я работал, словно одержимый, припомнил все заговоры, каким обучил меня отец, а его – мой дед. Я выковал лучший меч в своей жизни, и другого такого выковать уже не смогу. И никто не сможет. Иногда мне даже кажется, что я совершил ошибку и оживил то, чему надлежало быть просто мертвым железом.

Глеб снова взглянул на тусклый клинок, и снова в глазах его промелькнуло недоверие.

– Как ты называешь этот меч? – спросил он.

– Рудгор, – ответил кузнец. – Я называю его Рудгор. Так звали моего сына.

Глеб взглянул на Вакара удивленно.

– У тебя был сын?

– Был, – кивнул Вакар. – Моя жена умерла, рожая его. Но Рудгор родился хилым и умер на третий день после рождения.

– Прости. Я этого не знал.

Глеб помолчал, обдумывая все, что услышал. Потом сказал:

– Вакар, я буду с тобой так же честен, как ты со мной. Я не верю, что «гриб бессмертия» существует. Если бы он был, я бы давно нашел его. Кроме того, сила любой чудной вещи становится тем слабее, чем дальше ее уносят от Гиблого места. Тебе придется всю жизнь прожить неподалеку от чащобы. В Хлынь–граде, в Топлеве, в Отнеевке или где-нибудь поблизости.

– А я никуда не собираюсь уезжать отсюда, – заверил Вакар. Он помолчал немного, теребя рыжеватую бороду и будто бы на что-то решаясь, потом сказал: – Когда я ковал этот меч, я всё время думал про этот проклятый гриб. Рудгор выкован не только из хуралуга и белого железа, но и из моих надежд, Глеб.

– Что ж, раз ты так сильно в это веришь... Да будет так.

Глеб вынул из ножен свой меч и положил его на верстак. А взамен сунул в ножны новый всеруб. Поднявшись с лавки, Глеб глянул на Вакара и осторожно спросил:

– Твой внук ведет себя, как человек?

– Он и есть человек, – спокойно ответил кузнец.

– Только наполовину.

– Он человек, – упрямо проговорил кузнец. – Родился человеком и умрет человеком.

Несколько мгновений мужчины смотрели друг другу в глаза. Затем Глеб кивнул.

– Хорошо. Но приглядывай за ним получше, Вакар. Рано или поздно он чем-нибудь себя выдаст. И тогда его убьют.

– Я позабочусь о своем внуке, Первоход. Уж будь уверен. У мальчика доброе сердце. Гораздо добрее, чем у большинства людей. Он рожден от настоящей женщины, и человеческого в нем больше, чем звериного.

– Главное, чтобы он сам об этом не забывал.

– Он не забудет. Клянусь Перуном.

– Что ж, пусть боги помогут ему. Пора вернуться к Хлопуше.

– Да, пора. – Вакар улыбнулся. – Должно быть, твой приятель слопал все мои съестные запасы. Нужно будет дать вам на дорогу побольше сухарей и вяленого мяса. Иначе этот великан проглотит тебя, да так, что и сам не заметит.

4

До «уграйской кущи» добрались довольно быстро. Два разезда удалось миновать,

прячась за деревьями, но третий – из трех всадников – сам внезапно выехал из-за деревьев. Глеб вскинул скорострел, однако нажать на спуск не успел. Что-то тяжелое ударило его по руке и вышибло скорострел из пальцев.

Глеб кинулся к разбойникам, сбросил одного с коня и хотел сам запрыгнуть в седло, но не успел он коснуться передней луки седла, как на голову ему обрушилась голомень меча. Глеб пошатнулся и, почувствовав еще один удар, провалился во тьму.

Первое, что услышал Глеб, придя в себя, был цокот копыт о камни, устилавшие дно пересохшего ручья. Глеб сидел на коне со связанными запястьями. В это мгновение голову Глеба пронзила острая боль, и он снова потерял сознание.

Очнулся он лишь тогда, когда разбойники сняли его с лошади и прислонили к стене избы.

– Ну? Ты как? – спросил его Шкуродер.

– Лучше, чем пять минут назад. – Глеб огляделся. Перед ним расстился большой двор. Народу было много, но все занимались делом. Кто-то таскал воду, кто-то рубил дрова, кто-то возделывал огородик, кто-то развешивал для просушки белье. Люди бросали в сторону Глеба любопытные взгляды, но никто из них не прервал своей работы.

– Это и есть «уграйские кущи»? – хрипло спросил Глеб.

Шкуродер кивнул:

– Да.

К ним подошел лысый, безбородый и безбровый мужик с рожей профессионального убийцы. Этаким Хитмен, но не в костюме и галстук, а в полукафтани и с мечом на боку.

– Гвидон, – обратился к нему Шкуродер, – стой здесь и никого не пускай в избу.

Пять минут спустя Глеб сидел в избе, на лавке, обезоруженный, связанный по рукам и ногам и беспомощный. За столом, в полутора саженьях от себя, Глеб увидел пятерых разбойников. Один из них вертел в руках скорострел. Вичкут Шкуродер уселся на резную лавку, прямо перед Глебом.

Глеб посмотрел ему в глаза, облизнул распухшие губы и хрипло спросил:

– Где Хлопуша?

– В чулане, – небрежно ответил атаман Вичкут.

– В каком?

– Прямо у тебя за спиной.

Глеб повернул голову и увидел краем глаза дверцу.

– Как это вы сумели втиснуть его туда? – удивился Глеб.

Седобородый атаман ухмыльнулся.

– Сумели.

Глеб перевел взгляд на атамана.

– А ты постарел, Шкуродер, – проговорил он. – Сильно постарел.

– Ты тоже не стал моложе, Первоход. Что ты делаешь в городе?

– Соскучился по вашим рожам. Кто меня вырубил?

Атаман кивнул головой на смуглолицего громилу, одетого в халат и с кайсацким шлемом на голове.

– Его зовут Фарух. Он может расшибить дубовую доску в щепы голым кулаком.

– Жаль, что вместо дубовой доски ему попала моя голова, – угрюмо проговорил Глеб. – Раньше ты брезговал степняками, Шкуродер. Считал их безмозглыми вырожденками.

– Фарух печенег, он служит мне верой и правдой. Если я прикажу, он вырежет тебе кишки и съест их.

– Не сомневаюсь. Ты всегда плохо кормил своих псов.

Фарух скрипнул зубами, а Шкуродер усмехнулся и снисходительно проговорил:

– Ты жалок, Первоход. И ты в моей власти. Если я захочу, я могу убить тебя.

– Ну, так сделай это побыстрее.

Атаман покачал седой головой.

– Нет. Быстро не хочу. Я бы хотел, чтоб ты помучился перед смертью.

– Чем же я заслужил такую нелюбовь?
– Ты всегда стоял у меня на пути, Первоход. Помнишь караван ладей, что о прошлую зиму шел по Ядрыни? Это ведь ты предупредил купцов и посоветовал им нанять заградительный отряд?

Глеб сплюнул кровь, мрачно посмотрел атаману в глаза и хрипло изрек:

– Странно. По голове дали мне, а бредишь ты.

– Года два назад я ненавидел тебя, – продолжил Вичкут задумчиво. – В Порочном граде только о тебе и говорили. Куда ни придешь, повсюду одно и то же: Первоход – то, Первоход – сё. Потом ты стал изгоем, но это не излечило моей ненависти.

– Так ты завидуешь мне, что ли?

Вичкут Шкуродер внимательно посмотрел на Глеба.

– Что ж... Может, и так. Но то было раньше. Теперь – нет. Будь мы с тобой в городе мертвых, я бы заглядывал тебе в рот и ловил каждое твое слово. Но в Хлынь-граде ты так же беспомощен, как любой из местных бродяг.

– Ты в этом уверен?

Шкуродер хмыкнул.

– Уверен ли я в этом? Оглянись по сторонам, ходок. Прежнего мира больше нет. Пока ты выращивал репу на берегу Эльсинского озера, к нам пришел Пастырь, и он принес нам свет. Скоро все хлынды станут членами его общины. И ты можешь стать одним из нас.

– И зачем мне это? – поинтересовался Глеб.

Шкуродёр прищурил пылающие странным, безумным огоньком глаза.

– За Пастырем будущее, – сказал он. – Князь Егра умер, а княгиня Наталья вступила в нашу общину. Почти все дворовые бояре – общинники Пастыря. Купцы еще кочевряжатся, но скоро чародей сломает и их. Ему нужны такие люди, как мы с тобой, Первоход.

– Вот как? Интересно знать, зачем?

– Пастырь – ловец человеков. А мы... – Шкуродер облизнул губы. – ...Мы его охотничьи псы. Там, где не помогают увещеванья, помогают кнут, меч и острые зубы.

Глеб нахмурился и холодно проговорил:

– Пастырь не свалит купцов. Крысун Скоробогат никогда не пойдет с ним на сделку. Да и другие купцы тоже. В отличие от бояр, в этих парнях еще осталась закваска.

– Крысун – мусор, – презрительно бросил Вичкут. – Пастырь раздавит его, отряхнет прах с сапог и двинется дальше. Пойми, ходок, все это лишь начало. Пастырь быстро набирает силу, и скоро с ним никто не сможет совладать. Сначала он приберет к рукам Хлынь, потом все княжество, а потом и все русские земли.

Глаза атамана замерцали, а жилистые руки сжались в кулаки.

– Будь с нами, ходок! – скрипнув зубами, предложил он. – Пастырь слышал о тебе, и он будет рад принять тебя. Ты станешь одним из нас!

Глеб усмехнулся:

– Предлагаешь мне стать овчаркой?

– У тебя нет выхода! Либо ты будешь служить Пастырю, либо он сотрет тебя в порошок.

– Есть еще третий вариант, – сказал Глеб и прищурил недобрые глаза. – Что, если я сам сотру его в порошок?

Шкуродёр засмеялся.

– Смешно! У тебя острые зубы, ходок, но об Пастыря ты их обломаешь. Уж поверь старому атаману. Так каким будет твой окончательный ответ, Первоход? Ты с нами или...

– Или, – проронил Глеб.

Несколько секунд атаман смотрел на Глеба, будто не поверил собственным ушам, потом вздохнул и сказал:

– Жаль. Ты мог бы принести нам много пользы.

– Мог бы, – согласился Глеб. – Но не принесу. Теперь ты убьешь меня?

– Я бы убил. Я бы разорвал тебя собственными руками, ходок. Но Пастырь хочет

поговорить с тобой.

Глеб облизнул пересохшие губы и спросил:

– И когда?

– Прямо сейчас. И мой тебе совет, Первоход: не говори ему того, что наговорил мне. Иначе смерть твоя будет медленной и ужасной.

5

– Улита! Это я, толмач Рамон! Я стучался, но мне никто не ответил, и тогда я набрался дерзости и вошел сам! Дверь у вас была открыта!

Переступив порог комнаты, толмач Рамон на мгновение остановился, а затем сорвался с места и быстро подбежал к топчану, на котором лежала Улита.

Выглядела она скверно. Бледное запрокинувшееся лицо ее было перекошено. На открытой шее темнели страшные кровоподтеки и синяки.

Рамон быстро приложил к шее Улиты пальцы, надеясь услышать биение пульса. Однако жилка не билась. Улита была мертва. Убита. А если быть совсем уж точным – задушена. Рамон, пораженный случившимся, смертельно побледнел, потом медленно убрал руку от шеи девушки и пробормотал дрожащим голосом:

– «Струятся слезы по сухим щекам. О, пропасть ада, где ты? Поглоти меня...»

Глядя на труп Улиты, Рамон опустил на пол и закрыл перекосившееся от горя лицо смуглыми, дрожащими ладонями.

– Господь мой... – простонал он. – ...За что ты позволил этому прекрасному цветку увянуть?

Из глаз толмача полились слезы. И тут он услышал, как скрипнула входная дверь. Рамон мгновенно отдернул ладони от лица, вскочил на ноги и выхватил из-за пояса кинжалы. На пороге стоял Молчун. Взгляд его был прикован к кинжалам толмача.

– Кто ты?! – рывкнул на него Рамон.

– Я...

– Ты брат Улиты, верно? Я узнал тебя.

– Да... – с трудом проговорил Молчун и покосился на свой меч, лежавший на лавке. – Я брат. Брат Улиты. – Он облизнул пересохшие губы и вновь перевел взгляд на смазливового черноволосого толмача.

Черные глаза Рамона лихорадочно сверкали. На смуглых скулах проступил румянец, в ухоженных усах и в такой же ухоженной бородке поблескивали слезы.

– Что здесь случилось? – дрогнувшим от горя голосом спросил Рамон. – Кто ее убил?

– Э-э...

Рамон шагнул к Молчуну и быстро приставил к его горлу кинжалы.

– Отвечай мне! – воскликнул он со слезами на глазах. – Кто убил мою Улиту?

Молчун мыслил быстро и лихорадочно. Полчаса назад он придушил девку в припадке ревности, но сознаваться в этом, конечно, не собирался.

Теперь Молчун досадовал на себя за то, что, отправившись в сарай за мешками, в которые надлежало распихать расчлененное тело девки, он позабыл закрыть дверь. Этот чертов чужеземец, похоже, был одним из любовников Улиты. Широко жила, стерва. Как говорится, на полную. Вот и получила по полной.

Молчун едва удержался от злобной усмешки.

– Ну! – снова рывкнул Рамон. – Ты долго будешь молчать?

– Ее убил не я, – четко, едва ли не по слогам, ответил Молчун. – Я любил свою сестру. Любил больше всего на свете. Клянусь Сварогом.

– Но кто же тогда ее убил? Кто?

Молчун облизнул губы.

– Был один человек. Он влюбился в Улиту, повсюду следовал за ней по пятам и не давал ей проходу. Улита пыталась отвадить его. Просила, умоляла, угрожала... А сегодня

этот парень узнал, что Улита полюбила какого-то толмача. Он пришел в ярость и задушил ее.

– Кто он? – смертельно побледнев, спросил Рамон. – Как зовут этого мерзавца?

– У него много имен, однако настоящего никто не знает. Известно лишь, что на правой руке у него, чуть повыше запястья, красуются шрамы, похожие на зарубки.

– Шрамы?

Молчун кивнул:

– Да. Если увидишь человека с такими шрамами, знай – он и есть убийца Улиты.

Рамон опустил кинжалы. На глазах у него вновь выступили слезы.

– О, Рок суровый, жребий мой жестокий... – тихо прошептал он. Затем стиснул зубы и жестко проговорил: – Я разыщу этого мерзавца. Чего бы мне это ни стоило. – Рамон медленно повернулся и посмотрел на тело Улиты, лежавшее на топчане. – А тебя я буду оплакивать вечно, моя голубка... – горестно прошептал он. – Твой облик всегда будет в моем сердце... И если понадобится, я унесу его с собой в могилу.

Рамон вытер рукавом камзола слезы и снова взглянул на Молчуна.

– Почему ты не вступился за свою сестру? Почему позволил этому негодю ее убить?

– Я вступился, – угрюмо ответил Молчун. – Но этот мерзавец силен и ловок, как рысь. Он с легкостью увернулся от моего меча.

– От моих кинжалов не увернется, – с угрозой пообещал толмач.

– Я на это надеюсь. Он избил меня и швырнул в погреб. А потом ушел.

– Почему же ты не преследуешь его?

– Но я ведь не знаю, куда он направился.

Несколько секунд Рамон стоял неподвижно, будто прислушивался к тому вулкану, который бушует у него в душе. Затем повернулся и зашагал к выходу.

– Пока стремятся реки в океан, дотоле ярость мщенья не утихнет, но будет возрастать в моей груди... – бубнил он себе под нос. – Клянусь Господом, я найду человека со шрамами и убью его. Клянусь.

6

– Пастырь идет.

Глеб посмотрел на дверь, прислушался. Затем недоуменно спросил:

– Но я ничего не слышу.

– Не спеши, – с усмешкой откликнулся атаман Вичкут. – Сейчас ты сам все увидишь.

Глеб почувствовал легкую вибрацию воздуха, и вдруг прямо из бревенчатой стены в комнату шагнул высокий человек в белом сияющем одеянии.

Глеб не поверил собственным глазам. Кем бы ни был белый чародей и кем бы он себя ни воображал, но он прошел сквозь стену! Этого просто не могло быть!

Остановившись перед Глебом, белый чародей внимательно на него посмотрел и сказал:

– Ну, здравствуй, Первоход! Рад, что ты изыскал время и заглянул ко мне в гости.

– Здравствуй и ты, колдун. – Глеб прищурился. – Что дальше? Будешь потчевать меня медом?

Пастырь качнул белой сияющей головой.

– Не думаю, что ты хочешь меда. А вот поговорить нам с тобой не мешало бы.

– Легко говорить со связанным ходоком, – процедил Глеб сквозь зубы.

Пастырь взглянул на стянутые веревкой руки пленника и коротко приказал:

– Вичкут, развяжи его.

– Пастырь, я...

Белый чародей взглянул на атамана в упор, и тот осекся, а затем послушно взял нож, шагнул к Глебу и перерезал веревки, стягивающие его руки.

– Может, ты вернешь мне и меч? – спокойно спросил Глеб, потирая запястья.

– Ты хочешь взять меч? – Пастырь чуть прищурил светлые глаза. – Что ж, возьми его.

Глеб подошел к лавке, на которой лежали его пояс и ножны, взялся за рукоять меча, а

затем молниеносно выхватил меч из ножен и ринулся на Пастыря. Дорогу ему преградил Фарух, но Глеб ударил его ногой в живот и оттолкнул плечом в сторону.

Короткий взмах, удар – и Глеб едва не потерял равновесие и не рухнул на пол. Клинок меча прошел сквозь Пастыря, как сквозь облако пара. Глеб ударил еще раз, но с тем же результатом.

Пастырь усмехнулся.

– Глупец! Дети Господа неуязвимы, как сам Господь.

Чародей дал знак разбойникам. Они набросились на растерянного Глеба, выбили у него из рук меч, быстро стянули ему руки веревкой и усадили на лавку. Пастырь властно взглянул на него и спокойно сказал:

– Я обрел веру, Первоход. Я принял Христа и заставлю других принять его.

Глеб посмотрел на Пастыря исподлобья.

– Ты хочешь заставить их принять Иисуса насильно?

– Я не проповедник, я – воин Господа. Там, где бессильно слово, в ход идет меч. Я и есть этот меч.

– Я всегда думал, что война – это самое тупое дело на земле. Решение сложных проблем примитивным способом.

Пастырь слегка качнул рукой, словно отстранял возражения Глеба.

– Когда речь идет о спасении души, способы не выбирают, – заявил он.

– «Если твой глаз соблазняет тебя – вырви его», так?

Пастырь кивнул.

– Так.

– Они считают тебя сыном Божьим. А по мне ты просто очередной самозванец.

Белый чародей нахмурился.

– Разве тебе мало доказательств? Я могу превратить воду в вино. Могу исцелять больных и оживлять мертвых. Могу засыпать город золотом или наслать на него полчища ядовитых жаб.

– Но это всего лишь видения, – парировал Глеб.

Пастырь улыбнулся и сказал:

– Весь этот мир – видение. Кошмарный сон, который снится Господу и который исчезнет, как только Господь проснется. Кровь, пот, злоба, предательство, слезы детей, женщин и стариков – всего этого не будет. Но пока еще у нас есть время, ходок.

– Время? Для чего?

– Для того, чтобы раскаяться и принять Господа. Только раскаявшиеся уцелеют. Только они смогут покинуть призрачное царство кошмаров и войти в Царство Божие, туда, где на сияющем троне восседает Предвечный Творец.

Внезапно Глеба охватила злость. очередной темный ублюдок, выползший из Гиблого места и возомнивший себя черт знает кем!

– С твоей фантазией только сказки сочинять, – грубо произнес Глеб. – Послушай, Мэри Поппинс, а не лучше ли тебе раскрыть свой сказочный зонтик и улететь отсюда к чертовой матери?

Пастырь пристально посмотрел на Глеба и сказал:

– Не думаю, что ветер попутный.

– Может быть, – согласился Глеб. – Но хороший пинок под зад решит эту проблему.

Атаман Шкуродер с лязгом вытянул из ножен меч и шагнул к Глебу, но Пастырь жестом остановил его. Глеб усмехнулся.

– Твой бог велит тебе якшаться с разбойниками, Пастырь? Как-то это не по-божески.

– Господь не делает различий, он готов принять любого, кто принял Его. Выше взлетают те, кому довелось низко пасть.

– Значит, Шкуродер решил взлететь? – Глеб прищурил темные глаза и перевел взгляд на атамана разбойников. – Эй, Шкуродер, я не большой мастер бить ногами, но максимальное ускорение я тебе гарантирую.

– Позубоскаль-позубоскаль, – глухо отозвался седобородый атаман. – Пока есть чем зубоскалить.

Пастырь хотел что-то сказать, но вдруг насторожился, будто что-то услышал. Потом повернул голову влево и взглянул куда-то поверх голов разбойников.

– Мне нужно идти, – сказал он.

– Что делать с Первоходом? – спросил атаман Вичкут.

– Бесы, сидящие в нем, изглодали его душу. От этой души уже ничего не осталось, а значит, нам почти не за что бороться. Убейте его.

– Ты хочешь, чтобы мы сделали это быстро?

Пастырь снова взглянул на Глеба, на мгновение задумался и качнул головой.

– Нет. Даже самому падшему из падших нужно дать шанс для раскаяния. Я хочу, чтобы его смерть была мучительной.

Пастырь повернулся и шагнул в стену. Мгновение, и он исчез из вида.

Несколько секунд разбойники сидели молча, с благоговением, восторгом и страхом глядя на стену, сквозь которую только что прошел их учитель.

– Куда он ушел? – хрипло спросил Глеб.

– Это никому не ведомо, – ответил Шкуродер. – Пастырь приходит и уходит, когда ему вздумается. У него много дел. – Он перевел взгляд на Глеба. – Ну что, Первоход, пришло время побороться за твою душу. Полагаю, ты крепкий орешек и хорошо умеешь терпеть боль?

– Самая большая пытка – это слушать твою болтовню, – угрюмо изрек Глеб. – Делай то, что должен, но только молча.

Вичкут засмеялся.

– Я уже давно не мучаю людей сам, но для тебя сделаю исключение! Я своими руками сдеру с тебя кожу, ходок!

Вичкут намотал на кулак тряпку, взглянул на Глеба волчьим взглядом, усмехнулся и хлестко ударил его кулаком в челюсть. Голова Первохода мотнулась, в черепе зазвенело, рот наполнился кровью.

Глеб выплюнул кровь и спокойно посмотрел атаману в глаза.

– Это все, на что ты способен? – с хмурой усмешкой спросил он. – Моя двоюродная сестренка бьет сильнее.

Шкуродер прорычал что-то невразумительное и снова ударил. На этот раз удар был так силен, что Глеб едва не потерял сознание. Перед глазами у него замелькали желтые мурашки. Только нечеловеческим усилием Глебу удалось не отключиться.

– И только-то? – с трудом процедил он. – Развяжи меня, и я покажу тебе, как бьет настоящий мужчина.

Новый удар обрушился Глебу на лицо. Потом еще один. И еще. Глеб потерял сознание.

Очнулся он от того, что кто-то выплеснул ему в лицо ушат холодной воды. С трудом раскрыв глаза, Глеб потрогал языком зубы – целы ли? Одного, с левой стороны, не хватало. Ладно, не беда.

Распухшие губы пылали огнем. В голове гудело.

Увидев, что Глеб открыл глаза, Шкуродер, сидевший с другими разбойниками за столом и пивший олус, ухмыльнулся.

– Ну что, шутник, пришел в себя? Готов принять истинную веру и отрешиться от дьявола?

– Готов... надрать тебе задницу.

Шкуродер поднялся с лавки и взял со стола длинную сапожную иглу.

– Как насчет игл? – поинтересовался он у Глеба.

– Обожаю... иглоукалывание.

Когда сапожная игла вошла Глебу в руку, он вздрогнул и стиснул зубы, чтобы не застонать. Вичкут приблизил свою красную морду к лицу Глеба и уставился ему в глаза.

– Терпишь, – хрипло проговорил он. – Молодец. Многие не умеют.

Он вдавил иглу глубже, и у Глеба захватило дух от боли.

– А ты не терпи, – продолжая сверлить Глеба взглядом, сказал Шкуродер. – Покричи. Тут тебе стыдиться некого.

Атаман снова нажал на иглу. Пот градом покатился по лбу и щекам Глеба, но он молчал.

– Хочешь, чтобы я перестал? – спросил Вичкут.

– Наоборот... – выдохнул Глеб и сделал попытку усмехнуться. – Сколько я тебе... должен?

– Сучий потрох! – рявкнул Шкуродер, выхватил иглу из руки Глеба и несколько раз со злостью всадил ее Глебу в бедро. Затем вынул окровавленную иглу и швырнул ее в угол комнаты. Прошел к столу, допил залпом олус и вновь повернулся к Глебу.

– Перед смертью ты станешь христианином! – рявкнул атаман.

Глеб приподнял брови.

– Ты решил... обмакнуть меня в купель... со святой водой?

– Я крещу тебя железом и огнем! Лишко, раскали кочергу докрасна! – приказал атаман одному из разбойников. Тот кивнул, соскочил с лавки и поднял кочергу.

– Шкуродер, – окликнул атамана лысоголовый Гвидон. – Пастырь не одобрит этого.

– Он велел мне позаботиться о душе Первохода. И я выполню его приказ, чего бы мне это ни стоило!

– Ежели хочешь, жги его сам, – пробурчал Гвидон. – А я супротив воли Пастыря не пойду.

Атаман побагровел от ярости, шагнул к Глебу и изо всех сил ударил его кулаком под дых.

В себя Глеб пришел, когда Шкуродер собственноручно окатил его ледяной колодезной водой.

– Очухался, ходок? – с ухмылкой спросил он. – Пора продолжить.

Глеб отплюнул воду и сипло, с трудом ворочая языком, пообещал:

– Я убью тебя, Вичкут.

Атаман засмеялся и вернулся к столу за новой порцией олуса.

Глеб покосился на длинноусого разбойника, вертящего в руках его скорострел. Тот повернул скорострел к себе стволом и заглянул в черное дуло. Его большой палец лежал на спусковом крючке.

Уставившись на длинноусого пристальным, яростным взглядом, Глеб мысленно приказал, вложив в этот приказ весь гнев, всю ярость и всю злобу, на какую только был способен: «Жми!»

И тут случилось нечто невообразимое: палец длинноусого, повинуясь мысленному приказу Глеба, сам собой нажал на спусковой крючок.

Раздался хлопок. Стрела с жужжанием вылетела из дула скорострела, пробила лысоватый череп длинноусого разбойника насквозь и на четверть вершка вышла у него из затылка.

Бражники на мгновение забыли об олусе и жареной свинине и устремили взгляды на длинноусого.

Глеб напряг все силы, на какие только был способен. «Ты можешь, – приказал он себе, стиснув зубы. – Ты – порождение Гиблого места... Свирепое исчадие... Тебя боятся даже волколаки!»

Раздался глухой хлопок. Пути, стягивающие руки Глеба, лопнули. Первоход прыгнул вперед, перекувыркнулся через голову, подхватил с пола упавший скорострел, передернул зарядную скобу и наставил его на Вичкута Шкуродера.

Тот оцепенело и тупо уставился на Глеба. Кто-то из разбойников поднял было меч, но Шкуродер махнул рукой, и тот послушно опустил меч.

– И что теперь? – спросил он, глядя Глебу в глаза. – Отправишь меня к праотцам?

– Эй, ты! – Глеб устремил взгляд на разбойника по кличке Лишко. – Выпусти Хлопушу

из чулана. Быстро!

Лишко повиновался. Хлопуша вылез из чулана потный, всклокоченный, помятый, злой. Прорычал что-то невразумительное, схватил разбойника поперек талии, резко оторвал его от земли и швырнул через всю комнату. Лишко рухнул с размаху на стол и с грохотом скатился с него на пол.

– Вот так, – удовлетворенно произнес Хлопуша и отряхнул ладони. Потом воззрился на молчаливых разбойников и спросил:

– Кто-нибудь еще хочет?

– Тебе конец, верзила! – прорычал Шкуродер.

– Это мы еще посмотрим, – парировал Хлопуша. Он взглянул на Глеба. – Первоход, что будем делать дальше?

– Возьми мой меч и вложи в мои ножны, – распорядился Глеб.

Хлопуша сделал, как он просил.

– Теперь ступай к двери, – сказал Глеб. – Мы уходим.

Хлопуша зашагал к двери, и Глеб осторожно двинулся за ним, держа атамана Вичкута под прицелом.

– Оставайтесь на местах, и я вас не трону, – пообещал он разбойникам.

– Он придет за тобой, – прорычал Вичкут. – Никто не уходит от Пастыря по своей воле.

Хлопуша с лязгом отодвинул засов. Среагировав на звук, Глеб на миг повернул голову, и в это мгновение Вичкут бросился на него с мечом.

Увернувшись от удара, Глеб выстрелил Шкуродеру в грудь. Затем передернул зарядную скобу и снова нажал на спусковой крючок. Стрела прошила одному из разбойников шею.

Гвидон прыгнул к двери, но Глеб швырнул ему под ноги скорострел, разбойник споткнулся и налетел головой на вереву. Глеб бросился на Гвидона, но тот сумел увернуться и ударить Глеба мечом в живот. Однако Глеб предвидел этот удар и успел отклониться – меч порвал ему куртку и расцарапал бок.

Глеб подхватил с пола скорострел и гаркнул Хлопуше:

– На улицу!

Выскочив на улицу вслед за верзилой, Глеб захлопнул за собой тяжелую дубовую дверь и быстро заблокировал ее подпорками. В дверь заколотили.

– Первоход! – тихо окликнул Хлопуша.

Глеб повернулся лицом ко двору и увидел толпу общинников с топорами и вилами в руках и дюжину вооруженных до зубов «смотрящих».

– Эй, вы! – рявкнул на них Глеб. – Меня зовут Первоход! Все вы слышали обо мне и знаете, что в руках у меня – огнестрельная ольстра! Сейчас мы с Хлопушей сядем на коней и уедем отсюда! Того, кто попытается меня остановить, я убью!

Общинники и «смотрящие» стояли по периметру двора, сжимая в руках топоры, вилы и мечи. Взгляды их были прикованы к скорострелу, который Глеб сжимал в руках. За спиной у Глеба продолжали колотить в дверь разбойники. Он слегка качнул скорострелом и приказал:

– А теперь вложите мечи в ножны и бросьте топоры на землю! Ну!

Мечи с лязгом вошли в ножны, а топоры с глухим перестуком попадали на землю.

– Молодцы! – похвалил Глеб. – А теперь – ты, тощий! – подведи сюда двух коней.

Тощий разбойник отвязал от коновязи двух коней и с перекошенным от страха лицом подвел их к Глебу.

Заметив в окне одного из срубов легкое шевеление, Глеб вскинул скорострел и выстрелил. Слюдяное оконце лопнуло, и на улицу вывалился разбойник с боевым луком в руках. Стрела угодила ему в грудь.

– Повторяю: я убью всякого, кто помешает мне уехать! – крикнул Глеб. – Хлопуша, садись на коня.

– А если они швырнут нам что-нибудь в спину? – тихо спросил верзила.

– Не швырнут. Садись!

Хлопуша забрался на коня. Глеб передернул зарядную скобу скорострела и тоже запрыгнул на коня.

– А теперь – расступитесь! – приказал он. – Ну!

Толпа расступилась, и всадники проехали к воротам. Бородатый общинник скинул с ворот жердину и распахнул их. И в это мгновение один из «смотрящих» схватился за бердыш. Глеб вскинул скорострел и нажал на спуск.

Стрела с жужжанием вылетела из дула, пробила «смотрящему» плечо, протащила его с четверть сажени по земле и пришила к стене разбойничьей избы. И в это же мгновение стена вспыхнула огнем.

«Огневая стрела!» – пронеслось в голове у Глеба.

– Хлопуша, гони! – крикнул он и ударил лошадь пятками в бока.

Краем глаза он успел увидеть, как огонь быстро перекинулся по бревнам и как запылала изба. А уже в следующее мгновение он неслся на коне по пустырю, а над головой у него свистели разбойничьи стрелы.

7

Вот уже минут пятнадцать Хлопуша, сидя на широкой лавке в комнате Глеба, пил квас и брагу, попеременно прикладываясь то к одному, то к другому кувшину. Пил – и никак не мог напиться.

– Уф-ф, – пыхтел он, вытирая рукавом рубахи мокрые губы и тараща на Глеба глаза. – Никогда в жизни мне не было так страшно! И никогда в жизни мне не было так весело, леший меня забодай!

В отличие от взволнованного здоровяка, Глеб уже давно пришел в себя. Он сидел за столом, положив локти на столешницу и подперев подбородок кулаками, и с хмурой задумчивостью смотрел на сундук с оружием.

– Слышь-ка, Первоход, – снова окликнул Хлопуша. – А здорово ты их. «У меня в руках – огнестрельный посох! Щас мы с Хлопушей сядем на коней и умчим отсюда к едрене фене! А тот, кто попробует нас поймать, получит посохом в лоб!» Здорово! – повторил Хлопуша и приложился к кувшину с квасом.

Глеб качнул головой, выходя из задумчивости, посмотрел на Хлопушу и сказал:

– Пастырь – не человек.

– Как это? – изумился Хлопуша, вытирая рукавом рот. – Кто ж он такой?

– Порождение Гиблого места. Щупальце, которое Гиблое место протянуло за межу.

Хлопуша нахмурил брови, обдумал слова ходока и заявил:

– Я не понимаю.

– Тот, кого ты видел, не Пастырь, – спокойно и веско проговорил Глеб. – Ты когда-нибудь прикасался к нему?

Верзила подумал и качнул головой.

– Нет.

– А трогал его руку? Или, быть может, видел, что он оставляет следы на земле?

Хлопуша вновь покачал головой.

– Нет. Но я все равно не понимаю тебя, Первоход.

– Я пытался убить Пастыря и даже ударил его мечом. Но мой меч прошел сквозь него, как сквозь облако пара.

– На то он и чародей. Однажды я видел, как он прошел по реке, аки по суху, не оставив даже ряби. Иисус тоже так делал.

– Не знаю, как это делал Иисус, но способ Пастыря кажется мне знакомым. Тело его бесплотно, Хлопуша. А объяснение всему этому может быть только одно.

Хлопуша вытаращил глаза и хрипло прошептал:

– Пастырь – Бог?

Глеб усмехнулся и качнул головой.

– Нет.

– Тогда кто?

– Хлопуша, твой брат – ходок. Ты и сам бывал в Гиблом месте и наверняка слышал про *отражения*.

– Отражения? – Верзила наморщил лоб. – Да... Я слышал про них. – Внезапно его осенило. – Так вот в чем дело! Леший... Теперь я понимаю.

Глеб кивнул:

– Именно так он умудряется быть в нескольких местах сразу. Но главное не это.

– А что?

– Мы видели одно отражение Пастыря. Я слышал про другие. Но вопрос в том – где же находится сам Пастырь?

– Хочешь сказать, что он... – Широкое, упитанное лицо Хлопуши оцепенело. – В Гиблом месте?... – выдохнул парень и облизнул пересохшие от испуга губы.

– Да. Похоже на то.

Хлопуша помолчал немного, затем спросил все тем же хриловатым шепотом:

– Если сам он в Гиблом месте, то как же он это делает?

– Ты про отражения?

– Да.

Глеб пожал плечами:

– Этого я не знаю. Меня другое тревожит. Эти *отражения* очень убедительно выглядят. Их может быть не два и не три, а десять или двадцать. Или даже сто! И все это стадо призраков бродит по селам и весям, показывая людям чудеса и убеждая их в том, что Пастырь – сын Божий.

– Как Иисус?

– В отличие от Иисуса, которого, как известно, распяли на кресте, двойники Пастыря неуязвимы. Не пройдет и года, как этот чертов лжепророк опутает своими сетями все русские княжества. А там и за кордон шагнет.

Глеб протянул руку к кувшину с квасом, поднес его к губам и сделал несколько больших глотков. Поставил кувшин на стол и угрюмо продолжил:

– Князья присягнут ему на верность и воздвигнут храмы в его честь. Белому чародею станут поклоняться, как богу. Его чудеса столь зримы и убедительны, что он легко станет новым мессией и основателем новой мировой религии. И произойдет это очень быстро – при его-то способности быть в сотне, а то и в тысяче мест разом.

Хлопуша слушал Глеба, выкатив глаза и подняв брови.

– Этот мерзавец вполне способен изменить будущее, – продолжил Глеб. – Иисус проповедовал любовь и пожертвовал собой ради спасения людей. А Пастырь проповедует силу и швыряет в жертвенный огонь тех, кто с ним не согласен. Если его религия распространится, мир переменится. И в этом мире уже не будет ничего, что я любил.

Глеб замолчал.

– Твои слова пугают меня, Первоход, – тихо сказал Хлопуша. – Как сделать, чтобы все, о чем ты говоришь, не стало правдой?

– Выход только один. Мы должны поймать Пастыря и выбить из него эту дурь.

– Поймать Пастыря? Но как мы это сделаем? Белый чародей всемогущ, как бог.

– Да, он силен, – согласился Глеб. – Но все его чудеса – это всего лишь иллюзия. Беда в том, что люди охотнее верят в иллюзии, чем в реальные вещи. Его сила – в вере людей. Сам он не может причинить нам зла, но он может приказать своим общинникам схватить нас и разрубить на части. А если они не подчинятся, он покажет им пару своих фирменных «штучек», и они навалят в штаны с перепугу.

Глеб снова отпил из кувшина, поморщился от боли в исколотой иглой руке, потом взглянул на Хлопушу холодным, острым взглядом и сказал:

– Оставайся здесь и сторожи сундук с оружием. Скоро оно нам понадобится.

– А ты?

– Мне нужно кое-что сделать.
– Что сделать?
Глеб холодно усмехнулся:
– Есть такая поговорка: «Против лома нет приема, кроме другого лома». Вот я и попытаюсь найти этот «лом».

8

Тетка Голица выглядела совсем не так, как должна выглядеть ведьма или колдунья. Румяное, пышущее здоровьем лицо, голубые глаза, на полных губах – неизменная улыбка.

Дом вещуньи был светлый, с белеными стенами и расписными скамьями. На стенах мохнатыми пучками висели сухие, благоухающие травы. Несмотря на поздний час, Голица еще не ложилась. Да и ложилась ли она вообще когда-нибудь?

Окинув Глеба добродушным взглядом, Голица спросила:

– Так что тебя ко мне привело, Первоход?

Глеб отпил травяного чаю и поставил плошку на стол. После чего сказал:

– В княжестве объявился белый чародей. Ты слышала о нем?

– В Хлынь-граде нет человека, который бы о нем не слышал.

– И что ты о нем думаешь?

Голица чуть прищурила светлые глаза.

– Думаю, что он может принести людям много бед.

– Я тоже так думаю. Поэтому и пришел к тебе. Я хочу достать его. И я знаю, что Пастырь – *настоящий Пастырь* – скрывается в Гиблом месте.

– В таком случае, ты знаешь гораздо больше, чем я, ходок, – мягко проговорила Голица.

Глеб усмехнулся и покачал головой.

– Ты вещунья, Голица. Дом твой полон амулетов и колдовских трав. Помоги мне найти логово Пастыря.

– Я могла бы попробовать... Но белый чародей силен. Если он узнает, что я помогала тебе, он меня погубит.

– Помоги мне, и я расправлюсь с ним раньше, чем он об этом узнает. Мне не нужны ни твои заговоры, ни твои обереги, вещунья. Укажи мне место, где прячется Пастырь. Остальное я сделаю сам.

Голица усмехнулась.

– Ты всего лишь самонадеянный чужеземец, возомнивший себя великим охотником. Но я помню, как ты впервые появился в Хлынь-граде. Тогда в твоих глазах читались растерянность и испуг.

– Это было давно. С тех пор я сильно изменился.

– Никто из нас не меняется, Первоход. Однажды испуганный мальчик, который прячется в твоей душе, подведет тебя. И тогда ты умрешь.

– Я пришел сюда за помощью, а не за отповедью, – резко напомнил Глеб. – Разложи свои карты и окропи их колдовским зельем.

Он достал из кармана золотой солид и положил его на стол. Голица глянула на монету, едва заметно усмехнулась и сказала:

– Что ж... Если ты так хочешь.

В руках у нее появилась колода персидских карт. Белые пухлые пальцы заработали ловко и четко, расшвыривая карты по столу ровными рядками. Затем Голица обмакнула пальцы в чашу с каким-то зеленоватым варевом, что стояла справа от нее, слегка окропила карты, вновь собрала их и вновь разбросала по столу.

После этого вещунья склонилась над картами и принялась разглядывать их, хмуря брови и что-то тихонько нашептывая себе под нос.

– Ну? – нетерпеливо спросил Глеб.

Голица откинулась на спинку расписной скамьи и сказала:

– Я вижу его. Посреди мертвого города стоит полуразрушенный храм с башней. Пастырь – в этой башне. На дубовых дверях висят пудовые замки, а башню окружают страшные твари.

Глеб сжал кулаки и мрачно изрек:

– Я выкурю его оттуда.

– Один ты не справишься, – возразила Голица. – Тебе нужны помощники.

– Помощники? – Глеб задумался. – Возможно, ты права. Но сильные и умные ратники нынче на вес золота. Никто из них не согласится идти в Гиблое место.

– Я говорю не о ратниках, ходок. Я говорю о друзьях.

– О друзьях? – Глеб прищурился. – Где же я их возьму?

– Один у тебя уже есть. Огромный, как медведь, но с душой ребенка. Других тебе пошлет судьба.

– Что ж, тогда мне придется...

– Я не договорила, Первоход. – Вещунья сдвинула брови. – Они могут погибнуть в Гиблом месте. И это будет платой.

– Платой? – Глеб прищурился. – За что?

– Ты думаешь, твои шрамы исчезают просто так? За каждый исчезнувший шрам ты платишь чужой кровью. Неужели ты до сих пор этого не понял?

Лицо Глеба потемнело.

– Хочешь сказать, что я скамливаю Гиблому месту всех, кого беру с собой?

– Боги коварны, Первоход. Но выбор всегда за тобой. Если хочешь победить белого чародея, тебе придется чем-то пожертвовать.

Голица сняла со стены небольшой мешочек из тонкой козловой кожи с пришитой льняной веревочкой и протянула его Глебу.

– Возьми это. В мешочке сушеная пробуди-травы. Она поможет тебе и твоим друзьям. Чародей умеет насылать видения. Он делает так, что люди спят на ходу, но пробуди-травы поможет вам проснуться.

Глеб принял дар Голицы, поблагодарил ее, надел льняную веревочку на шею, а кожаный мешочек спрятал под куртку и рубаху.

Вещунья вновь окинула взглядом разложенные по столу карты и сказала:

– Боги говорят мне и еще кое-что. Но тебе это не понравится.

– Что именно они тебе говорят?

Голица взглянула на Глеба прямым, спокойным взглядом.

– С тобой должна пойти женщина.

– Что? – Глеб усмехнулся. – Ты только что говорила, что я угроблю всех, кого возьму с собой. И ты хочешь, чтобы я взял женщину?

– Я говорю лишь то, что мне открыли боги.

– Что бы там они тебе ни открыли, но я не потащу в Гиблое место бабу.

– Но ты делал это прежде. Диона, Евдокия...

– Замолчи!

Несколько секунд оба молчали, затем Голица снова разомкнула губы и тихо сказала:

– Если ты хочешь убить чародея, тебе придется сделать это. Только женская рука может погубить Пастыря. Это написано у него на роду.

– Вот как? – усмехнулся Глеб. – Написано на роду? Ну, тогда мне придется кое-что переписать.

Голица покачала головой.

– Гиблое место возьмет свою жертву, ходок. А на меня тебе не стоит сердиться. Я всего лишь слушаю голоса богов и предвижу будущее.

– Мне не нравится будущее, которое ты предвидишь, вещунья. И я попытаюсь его изменить.

Глеб поднялся с лавки, поправил на поясе ножны с мечом и шагнул к выходу.

– Будущее не изменишь, Первоход, – проронила ему вслед Голица. – Как бы сильно ты этого ни хотел.

– Я все же попытаюсь, – отчеканил Глеб и распахнул дверь.

На улице было темно и свежо. Зайдя под деревья, Глеб достал из кармана куртки берестяную коробку с самокрутками. Выбил одну на ладонь и вставил в губы. Затем щелкнул бензиновой зажигалкой.

Несколько минут он стоял под деревьями, пуская в прохладный черный воздух облака белого дыма, затем швырнул окурки в лужу, повернулся и зашагал к торговому двору Падуна Лохматого, возле которого обычно промышлял одноглазый барышник по кличке Бельмец.

9

Как и ожидал Глеб, Бельмец крутился рядом с торговым двором. Сам двор был закрыт по причине позднего времени, но в темное время суток поблизости открывалось другое торговое место – нелегальное – и торговля здесь не затихала ни на минуту.

Среди полудюжины бродяг, кучкующихся в тени деревьев, Глеб быстро заприметил Бельмеца, но сразу подходить не стал. После одного неприятного инцидента барышник избегал Первохода, считая, что при встрече тот обязательно воспользуется возможностью намять ему бока. И, в принципе, был прав.

Ждать Глебу пришлось недолго. Бельмец тоже заприметил охотника, прячущего свое лицо под наголовником. Осторожно приблизившись, Бельмец оглядел сутуловатую фигуру (Глеб предусмотрительно сгорбился), после чего негромко произнес:

– Здравствуй, охотник!

– Я тебя не знаю, – сухо откликнулся Глеб, подбавив в голос хрипотцы. – Проходи себе мимо.

– Что это ты на меня гавкаешь, лесной человек? – обиделся Бельмец. – Я тебе не бродяга. И если ты...

Глеб молча и спокойно положил пальцы на рукоять меча. Бельмец тут же сменил тон.

– Тише, охотник, – продолжил он почти ласково. – Тише. В округе полно охоронцев, и если ты вздумаешь достать меч, тебя схватят и бросят в клетку.

– А ты кто таков будешь? – недовольно прохрипел Глеб.

– Прости, я забыл представиться. Меня зовут Бельмец. Я здешний постоянный житель. А как мне называть тебя, охотник? Сдается мне, что я не видел тебя тут раньше.

– Мое имя тебе ничего не скажет, Бельмец. Для тебя я просто охотник.

– Ну, пусть будет так, – согласился одноглазый. – Что ты привез из леса?

– Кой-чего привез.

Бельмец настороженно глянул по сторонам.

– В наше время легче поймать десяток соболей, чем сбыть одну шкурку. Но я могу помочь тебе. И возьму недорого, – заявил он.

Глеб несколько секунд молчал, затем сказал:

– У меня есть шкуры и много вяленого оленьего и лосиного мяса. И я могу отдать все это тебе, торгаш. Но деньги мне не нужны.

– Вот как? – Бельмец усмехнулся. – Чего же ты хочешь, охотник?

Глеб чуть придвинулся к барышнику и тихо ответил:

– Мне нужны амулеты.

– Ты про чудные вещи? – Бельмец воровато оглянулся. – Нешто не знаешь, что торговать ими здесь запрещено?

– Я знаю, что запрещено. Но я хочу найти человека, которому плевать на этот запрет.

Бельмец взглянул на охотника недоверчивым и опасливым взглядом.

– Зачем тебе это?

– Случается, что, увлекшись охотой, я забредаю в Гиблое место. А эти амулеты, я слышал, защищают от темных тварей.

– Гм... – Бельмец нахмурился и вновь быстро огляделся по сторонам. Затем снова взглянул на Глеба и уточнил, понизив голос почти до шепота: – Так тебе нужен амулет?

Глеб кивнул:

– Да.

Бельмец прикинул что-то в голове и улыбнулся. На этот раз улыбка его стала приветливой, почти подобострастной.

– Ты обратился к нужному человеку, охотник.

– Хочешь сказать, что ты можешь свести меня с продавцом?

– Лучше. Я могу сам продать тебе пару амулетов. Отойдем-ка.

– Куда?

– За угол. Негоже нам тут отсвечивать.

– Что ж, пошли.

Зайдя за угол, Глеб и Бельмец укрылись в тени раскидистого дуба. Барышник достал из кармана что-то и протянул Глебу:

– Ну-ка, взгляни.

Глеб взял вещицу. Это была простая стекляшка, только темная.

– Что это?

– Синее стекло, – с довольной ухмылкой сообщил Бельмец. – С его помощью ты сможешь отличить настоящего человека от оборотня или призрачной твари, которая приняла человеческий облик.

– Как мне ее проверить?

– Никак. Ты должен поверить мне на слово. Если стекло подведет, ты всегда сможешь найти меня здесь.

– Если стекло подведет, я уже никогда и никого не смогу найти, – мрачно возразил Глеб и вернул барышнику стекляшку. – Что еще?

– Если ты чуток подождешь, принесу тебе свистящий посох.

– Свистящий?

Бельмец кивнул:

– Угу. Он отпугивает тварей.

Глеб усмехнулся:

– Слышал я про один свистящий посох. Какой-то ходок думал, что посох отпугнет упырей, но вместо того упыри сбежались на его свист со всего Черного бора.

Глаз Бельмеца забегал.

– Это был другой посох, – нервно пробормотал он. – Но, пожалуй, сейчас я не смогу тебе его достать.

Глеб усмехнулся:

– Жаль.

Бельмец нахмурился, отчего лицо его стало злым и желчным, и неприязненно спросил:

– Так ты берешь стекло?

– Да, – просто ответил Глеб.

– И сколько соболей ты мне за него дашь?

– Ни одного.

– Что? – Барыга удивленно и недовольно вскинул брови. – Ты шутишь?

Глеб покачал головой.

– Нет. Нам надо поговорить, Бельмец.

Глеб поднял руку, намереваясь снять наголовник, но вдруг Бельмец резко развернулся и большими скачками побежал по улице, улепетывая прочь.

– Черт! – выругался Глеб и бросился за ним вдогонку.

Бельмец свернул в переулок. Глеб последовал за ним, но вдруг наткнулся на двух дюжих охоронцев.

– Стой! – крикнул один и выхватил меч.
 Второй молниеносно приставил к груди Глеба острый бердыш.
 – Куда бежишь, охотник? – грубо осведомился первый охоронец.
 – Не ваше дело, – в тон ему ответил Глеб. – Дайте дорогу!
 Он оттолкнул бердыш и хотел пробежать мимо, но один из охоронцев схватил его за плащ. Глеб развернулся и ударил верзилу левым кулаком в подбородок, а затем завершил комбинацию правым боковым. Верзила рухнул на землю в глубоком нокауте.
 Второй охоронец, сжав в руке бердыш, кинулся было на Глеба, но Глеб выхватил из заспинной кобуры скорострел и приставил дуло к подбородку охоронца.
 – Не надо. Опusti бердыш.
 Охоронец скрипнул зубами, но повиновался.
 – Молодец, – сказал Глеб и резко ударил охоронца прикладом скорострела в лицо.
 Бельмеца Глеб настиг, когда тот пытался перелезть через забор. Кулак Глеба с размаху врезался в барыгу. Когда Бельмец обмяк у него в руках, охотник быстро обыскал его. Карманы барыги были забиты чудными вещами.
 – Пе... Первоход. – Бельмец начал приходить в себя. – Это... ты?
 – Я.
 – Как же я сразу... не узнал.
 – Одного глаза у тебя нет, а второй застила пеленою жадность.
 Бельмец попытался выпрямиться, но снова согнулся пополам от боли.
 – Должно быть... так и есть, – просипел он, – коли не узнал великого... ходока.
 Глеб усмехнулся.
 – Люблю лезть. Но не люблю льстецов.
 Барышник, поморщиваясь от боли, выпрямился и взглянул на Глеба.
 – Чего ты от меня хочешь, Первоход?
 – Мне нужна одна вещь. И только ты можешь ее раздобыть.
 Бельмец вытер рукавом нос и прищурил единственный зрячий глаз:
 – И что за вещь?
 – Называется «Собиратель». Слышал про него что-нибудь?
 – Да.
 – Знаешь, где достать?
 – Пожалуй. – Глаз Бельмеца вновь алчно блеснул. – Но это будет дорого тебе стоить.
 – Сколько?
 – Пять золотых солидов.
 – А не жирно?
 Бельмец обиженно насупился, и Глеб примирительно произнес:
 – Ладно, не пыхти. Я верну тебе амулеты и заплачу столько, сколько ты просишь.
 – Поклянись Велесом.
 – Я когда-нибудь тебя обманывал?
 – Нет.
 – И на этот раз не обману. Но если ты сам попробуешь меня обмануть, я тебя убью, – произнося эти слова, Глеб посмотрел на Бельмеца таким взглядом, что тот поежился. – Когда сможешь достать?
 – Когда? – Бельмец несколько мгновений изучающе вглядывался в лицо Глеба, потом усмехнулся и сказал: – Он у меня при себе.
 – Но я не нашел его.
 – Может быть, ты просто не умеешь искать? – Бельмец сунул руку во внутренний карман кафтана, долго возился в нем и, наконец, достал крошечную деревянную коробочку.
 – Что бы ты без меня делал, – насмешливо проговорил он и положил коробочку Глебу на ладонь.

Порочный град жил своей обычной жизнью. На двух гостей, вошедших в большое кружало, никто из посетителей не обратил никакого внимания.

– Идем к стойке, – распорядился Глеб.

Хлопуша кивнул и пошел за ним. Сев за деревянную стойку, Глеб заказал целовальнику две кружки олуса и внимательно оглядел зал.

– Ты так и не сказал, зачем мы пришли сюда? – прогудел Хлопуша, проводив жадным взглядом печеного поросенка, которого разносчица пронесла мимо на деревянном подносе.

– Нам нужны помощники, – сказал Глеб.

– Зачем? – удивленно спросил Хлопуша.

Целовальник поставил перед ними две кружки с олусом и чашу с солеными сухарями. Хлопуша загреб горсть сухарей и швырнул в рот. Потом запил олусом и снова взглянул на Глеба.

– Так зачем нам нужны помощники? – повторил он, хрустя сухарями.

– Затем, что Пастырь умеет насылать видения, – ответил Глеб.

– И что?

– Чем больше нас будет, тем лучше. В толпе одурманенных всегда найдется хотя бы один человек, который сумеет смахнуть с себя сонную одурь. Не очнусь я, очнешься ты, не очнешься ты – очнется тот, кого мы возьмем с собой.

– Ты хочешь нанять людей здесь? – Хлопуша опасно поглядел по сторонам. – Но в Порочном граде собирается одно отребье. Тут каждый – либо пьяница, либо игрок, либо разбойник.

Глеб усмехнулся.

– Я же не в крестовый поход с ними пойду.

– Все равно, – упрямо проговорил Хлопуша. – Нам придется не только глядеть по сторонам, но и оберегать собственные спины. Положим, о твоей спине я позабочусь, поскольку ты будешь идти впереди, но кто позаботится о моей?

Глеб хлебнул олуса, забросил в рот соленый сухарик и сказал, похрустывая сухариком:

– Я обдумаю твои слова, здоровяк. А пока я бы посоветовал тебе выспаться. На рассвете мы выходим. Вдвоем или нет, это уж как боги захотят.

Хлопуша допил олус, поставил кружку на стойку, взглянул на Глеба каким-то воровато-стыдливым взглядом и сказал:

– Первоход, мне бы отлучиться.

– Куда?

– Понимаешь... – Здоровяк слегка покраснел. – ...Я уже полгода не был с девкой. А тут, наверно, есть...

– Знаю я, что там есть, – с усмешкой обронил Глеб. – Тебе нужно мое благословение или мои деньги?

Верзила смущенно улынулся и потупил глаза.

– Первоход, я не люблю просить, но если ты одолжишь мне пару монет...

Глеб достал из кармана несколько медных монеток и протянул их Хлопуше.

– Держи.

Лицо здоровяка прояснилось.

– Благодарю тебя!

– Не за что, – сказал Глеб и вернулся к своему олусу.

* * *

Допив олус, Глеб подозвал целовальника и заказал еще.

– Снова в Гиблое место? – поинтересовался, наполняя кружку Глеба, рослый рыжекудрый целовальник.

Глеб хмуро глянул на него и кивнул.

– Угу. – Затем отхлебнул олуса и окинул взглядом зал. – Хочу найти себе пару спутников.

Целовальник сполоснул в ведре оловянный стаканчик и принялся натирать его сухим рушником так, как это делают все целовальники на свете.

– Тучные годы закончились, Первоход, – сказал он. – Нынче за парочку золотых с тобой пойдет любой бродяга. Вопрос в том – доверишь ли ты свою жизнь незнакомцу.

– Я давно здесь не был. В Порочном граде много новых лиц, а старых я что-то не вижу.

Целовальник облокотился локтем о стойку, чуть пододвинулся к Глебу и сказал:

– Гиблое место совсем озверело. Теперь оно заманивает охотников, которые охотятся поблизости от гиблой чащобы. И даже рыбаков, которые ставят сети в Лызьве. Многие охотники и рыбаки погибли.

Глеб нахмурился.

– Странно. Охотники – люди бывалые и умелые.

– Верно, – кивнул целовальник. – Но я слышал, что они видят и слышат разные вещи. То ребенок в чаще заплачет. То олень-подранок их за собой заманит. А то просто отойдут от костра отлить – глядь, а костра уж рядом нет, а сами они далеко за межой, и вокруг не нормальный лес, а гиблая чащоба.

– Значит, они ходят по лесу, как во сне?

– Вот-вот, – кивнул целовальник. – Мой племяш во сне тоже бродит, но дальше двора не заходит. А эти...

Целовальник не договорил и тяжело вздохнул.

– Если хочешь, я шепну ходокам и охоронцам, – предложил он Глебу. – Уверен, сильные и смелые парни найдутся.

Глеб отпил из кружки и сказал:

– В деле, за которое я взялся, сила не главное.

– Что же главное?

– Не знаю. Может быть, удача.

– Тебе нужны удачливые бродяги? – вскинул брови целовальник. – Но как определить, кто удачлив, а кто нет?

Глеб сдвинул брови, похмурил задумчиво лоб, а затем усмехнулся и сказал:

– Я знаю, как. Объяви, что Крысун Скоробогат угощает, и выдай каждому посетителю по кружке сбитня. А в одну из кружек положи вот эту серебряную монету.

– Хороший способ, – улыбнулся целовальник. – Только по-настоящему удачливый сукин сын может отыскать в кружке с олусом серебро!

– Так сделаешь?

– Сделаю. Но один серебряный дирхем – мне. За помощь. Договорились?

– Договорились.

11

– Еще! – потребовал Бровик. – Я хочу играть еще!

Ловчий Бровик, худенький парнишка с дерзким конопатым лицом, сидел за столом и играл в кости. Противником его был толстый игрок по кличке Пузан. Они играли уже довольно долго, и в этот вечер Бровику до жути не везло. Поставив на кон свой последний медяк, юный ловчий взял в худые руки деревянный стаканчик с костяшками и тихо пробормотал:

– Велес, защитник мой, помоги мне выиграть.

Затем потряс костяшки и вывалил их на стол.

– Леший! – выкрикнул он сердито. Затем взглянул на противника пылающими глазами и выпалил: – Сыграем еще!

– Ты все проиграл, отрок, – спокойно возразил Пузан, забирая медяк. – Тебе нечего больше поставить.

Несколько секунд паренек сидел неподвижно, сдвинув брови и кусая губы, затем решился.

– У меня еще есть кольцо.

Пузан взглянул на медное колечко, поблескивающее на худеньком пальце Бровика, усмехнулся и напомнил:

– Ты ведь сказал, что никогда с ним не расстанешься.

– А я и не собираюсь с ним расставаться, – дерзко ответил юный ловчий. – Я поставлю его на кон и выиграю!

Пузан пристально посмотрел на ловчего. Парнишка был дерзок и заносчив не по годам, но щедрушен на вид. Однако с таким вспыльчивым малым нужно держать ухо востро.

– Что будет, если я снова выиграю? – осторожно спросил Пузан. – Ты ведь не кинешься в драку?

Паренек гордо поднял голову.

– Я знаю правила, – сказал он. – И никто не заставит меня нарушить их, даже такой жирняй, как ты.

– Хорошо. Тогда снимай кольцо и клади его на стол.

Ловчий стянул кольцо с пальца и брякнул на стол. Когда пришла его очередь метать кости, он взял в руки стаканчик, прикрыл глаза и несколько секунд что-то шептал – очевидно, призывал на помощь богов. Потом поднес стаканчик к лицу и коснулся его губами.

– Ты еще во рту его помусоль, – усмехнулся Пузан. – Может, и выйдет тебе тогда удача.

– Вакнешь еще слово, и я врежу по твоей толстой вякалке! – с угрозой произнес паренек.

– Уж больно ты горяч, – заметил Пузан и недовольно прищурился. – Однажды твоя вспыльчивость может сыграть с тобой злую шутку.

– Позаботься о себе, а в мою жизнь не лезь! – резко ответил Бровик. – И не мешай мне своей болтовней!

Парнишка потряс стаканчик, шепча заклинания, а затем махом вывалил кости на дубовую столешницу. Худое лицо его побледнело, в серых сверкающих глазищах застыло отчаяние.

– Ты снова проиграл, – сказал Пузан. – Кольцо мое.

Он протянул руку к кольцу, однако парнишка накрыл его ладонью.

– погоди...

– Это мой выигрыш.

– Да. Я знаю. – Глаза ловчего лихорадочно засверкали. – Я хочу попросить тебя, Пузан. Пожалуйста, никому не продавай это кольцо. Я его у тебя выкуплю.

– Выкупишь? – Пузан прищурил маленькие глазки. – Но у тебя нет денег.

– Деньги будут! Клянусь болотным духом, они будут! Подожди три дня.

– Три дня? – Пузан нахмурился. – И где же ты их возьмешь?

– Где-нибудь да найду.

Несколько мгновений толстяк молчал, затем нехотя проговорил:

– Что ж... Три дня я его подержу.

В эту секунду к столу подошел мальчишка-разносчик и со словами «Хозяин угощает» выставил на стол две кружки с олусом. Затем поклонился и отошел к стойке.

– Ты слышал, Пузан? – удивленно воскликнул Бровик. – А этот Крысун не так жаден, как о нем говорят!

– Да, – согласился толстый игрок. – Удивительные вещи происходят на свете.

– Что ж, попробуем дармовой выпивки. Купец лукав, небось, разбавил олус водой.

Бровик взял кружку, поднес ее к губам и сделал несколько больших глотков. Вдруг он остановился, грохнул кружку на стол и выплюнул что-то на ладонь.

– Что там? – любопытствовал Пузан.

– Леший меня забодай! – изумленно выругался Бровик. – Это же серебряная монета!

Глаза Пузана замерцали. Он поспешно схватил свою кружку и сунул в нее жирные пальцы. Пошарил немного, затем разочарованно вздохнул и, неприязненно посмотрев на Бровика, сказал:

– Повезло же тебе, отрок. Не хочешь ли поставить этот дирхем на кон?

Бровик взглянул на Пузана и усмехнулся.

– Врешь, толстяк. Больше ты меня не обжулишь. Гони назад мое кольцо и получай взамен монету.

Пузан усмехнулся пухлыми губами, покачал головой и сказал:

– Нет.

– Нет?

Пузан снова качнул головой:

– Нет. Это мое кольцо, и я сам назначаю за него цену.

– И сколько же стоит «твое» кольцо? – с едкой усмешкой поинтересовался Бровик.

– Десять серебряных монет.

Бровик побледнел.

– Ты что, толстяк, белены обожрался?

– Это мое кольцо, – упрямо повторил Пузан. – И я сам назначаю за него цену. Хочешь получить его обратно – плати десять серебряных дирхемов.

Несколько секунд Бровик сидел неподвижно, а затем вдруг вскинул руки и схватил толстяка за волосы.

– Ах ты, мяфа! – крикнул он и стукнул Пузана лбом об кружку. – Обжулить меня вздумал!

Пузан схватил парня за тощие запястья и стал выкручивать их, злобно цедя сквозь зубы:

– Мое кольцо... Не отдам...

И вдруг рослая фигура появилась рядом с их столом, сильные руки оторвали пальцы Бровика от шевелюры Пузана, а зычный голос властно приказал:

– Довольно! Успокойтесь оба!

Бровик вскинул лицо и яростно блеснул глазами на незваного гостя. Он хотел выругаться, но вдруг удивленно приподнял тонкую бровь:

– Ты?

– Я. – Глеб сел на лавку. – Ну? И что тут у вас происходит?

Бровик свирепо посмотрел на Пузана и пожаловался:

– Этот толстяк заграбастал мое кольцо, а теперь хочет продать мне его за десять дирхемов!

– Я его выиграл, – угрюмо пробубнил Пузан. – Оно мое.

Глеб взглянул на парнишку:

– Это правда?

Тот сердито нахмурился, но ничего не ответил. Глеб перевел взгляд на Пузана.

– Десять серебряных дирхемов – слишком большая цена за медное кольцо, – сказал он.

Толстяк поежился под его взглядом, но на попятную не пошел.

– Это мое кольцо, и я сам назначаю за него цену, – упрямо повторил он.

– Ты уверен в том, что говоришь? – осведомился Глеб.

Толстяк покосился на меч, висящий на боку Глеба, и сглотнул слюну.

– Ни у кого нет права отбирать у меня мою вещь, – заявил он.

Несколько секунд Глеб в упор разглядывал толстяка, затем кивнул и сказал:

– Ты прав. Кольцо не стоит десяти дирхемов, но цену назначаешь ты. Выполни мою просьбу, толстяк, придержи это кольцо седмицу. Ровно через седмицу, утром, как только рассветет, паренек будет ждать тебя здесь.

– И он принесет мне десять дирхемов?

– Да.

– А если нет?

– Тогда ты сможешь сделать с кольцом все, что заблагорассудится. А теперь – освободи мне место. У меня есть к этому пареньку разговор.

Пузан нехотя поднялся с лавки и, недовольно покосившись на Бровика, отошел к стойке. Бровик проводил его насмешливым взглядом, затем перевел взгляд на Глеба, прищурился и сказал:

– Давно не виделись, охотник.

– Не так уж и давно, – возразил Глеб. – Скажи, ты специально нарываешься на ссоры?

Глаза Бровика сверкнули.

– Я не виноват, что вокруг одни мерзавцы!

– Одни мерзавцы? Хм... – Глеб усмехнулся. – Удивительно, как это до сих пор никто не проломил тебе голову?

Юноша выпятил грудь и заносчиво произнес:

– Мне достаточно положить руку на меч, чтобы эти трусы разбежались.

– Да уж. Твоя манера гневно пучить глаза действует на бродяг безотказно.

Бровик хотел вспылить, но неожиданно рассмеялся.

– Ты прав, ходок! – сказал он. – Стоит мне посильнее вытаращить глаза и схватиться за меч, как мои противники тут же идут на мировую. На свете совсем не осталось храбрецов. Нынче каждый трясется за свою шкуру.

– Но не ты?

– Но не я.

Глеб повернулся и окликнул разносчика.

– Эй, мальчик, принеси-ка нам две кружки сладкого сбитня! И выбирай самый вкусный и дорогой!

Бровик вдруг стыдливо покраснел.

– Как ты понял, что я пью сладкий сбитень, а не хмельной? – смущенно спросил он.

– От хмельного сбитня краснеют нос и уши. А с твоим носом все в порядке. Итак, давай поговорим о деле.

– О десяти серебряных монетах, которые ты пообещал толстяку?

– Да.

– И где же я их возьму?

Глеб чуть склонил голову набок, внимательно посмотрел на парня и сказал:

– Ты можешь их заработать.

– Как?

– Пойдешь со мной в Гиблое место.

Несколько мгновений Бровик изумленно таращился на Глеба, потом тряхнул головой и ухмыльнулся.

– Я еще не сбрендил, чтобы идти в Гиблое место, – заявил он. – Если тебе нужен дурак, то ты явно обратился не к тому.

Глеб отхлебнул мятного сбитня и облизнул сладкие губы. Затем спокойно поинтересовался:

– Тебе ведь дорого это кольцо, верно?

Паренек молчал, обиженно сопя.

– Но у тебя нет другого способа его вернуть, – продолжил Глеб. – Ты не заработаешь десяти дирхемов, даже если будешь целую седмицу прыгать на одной ноге вокруг кружала.

Бровик шмыгнул носом, глянул на Глеба подозрительным взглядом и спросил:

– Почему ты выбрал меня?

– Тебя выбрал не я. Тебя выбрала судьба.

Юный ловчий на мгновение задумался, затем прищурил на Глеба черные глаза и спросил:

– Монета в кружке?

Глеб кивнул:

– Да.

Бровик взял монету со стола и протянул ее Глебу.

– Держи! Мне не надо чужого.

– Не торопись, – остановил его Глеб. – Эта монета может стать твоим задатком.

Подошел разносчик и поставил на стол кружки со сладким сбитнем.

– Угощайся, – сказал Глеб и пододвинул обе кружки к Бровику.

Тот взял одну кружку, отхлебнул сбитня и, блаженно прикрыв глаза, облизнул губы. Затем сделал еще несколько больших глотков, вытер рот рукавом и взглянул на Глеба подобревшими глазами.

– Ты думаешь, что боги выбрали меня, но ты ошибаешься. Скажу тебе честно: я самый невезучий сукин сын на свете. – Глаза Бровика сузились, и он свирепо добавил: – Но если ты вздумашь надо мной смеяться...

– Я не собираюсь над тобой смеяться, – спокойно перебил его Глеб. – Я собираюсь заплатить тебе десять серебряных дирхемов и сверх того – еще пять золотых солидов.

Несколько секунд юноша молчал. Затем сглотнул слюну и недоверчиво проговорил:

– Пять золотых солидов? Ты не шутишь?

Глеб покачал головой.

– Нет.

Бровик задумчиво нахмурился. С полминуты он сидел молча, поглядывая на Глеба недоверчивым взглядом, затем сказал:

– Такие деньги платят только за очень тяжелую и опасную работу. Зачем тебе нужно в Гиблое место?

– Хочу кое-кого разыскать.

– Он твой друг?

– Не совсем.

– Тогда зачем ты его ищешь? – Бровик прищурил черные глаза и уточнил: – Ты хочешь убить его, верно?

– Все будет зависеть от нашего разговора, – сказал Глеб. – Если мне не понравится то, что он скажет, я его убью.

Юный ловчий метнул на Глеба быстрый, нервный взгляд исподлобья, затем нахмурился и задумчиво постучал по столу худыми пальцами с обкусанными ногтями.

– Не знаю, что и сказать... – пробормотал он. – Видишь ли, мне не очень нравится, когда убивают невинных людей.

– Я тебя понимаю. Но человека, которого я ищу, никак не назовешь невинным.

– Ты готов в этом поклясться?

– Да.

– Тогда поклянись.

– Чем я должен поклясться?

– Велесом.

Глеб поднял правую руку и торжественно изрек:

– Клянусь Велесом, что человек, которого я ищу – убийца и мошенник.

Паренек облегченно вздохнул.

– Что ж... Раз ты поклялся... Ладно. Я пойду с тобой в Гиблое место. Но мы толком не познакомились. Как мне тебя называть?

– Зови меня Глеб. Глеб Первоход.

– Глеб Первоход. – Паренек задумался. – Я где-то уже слышал это прозвище... Вот только где?

Глеб поднялся из-за стола.

– Ты куда? – насторожился Бровик.

– Пей сбитень, а я поговорю с целовальником.

Парень прищурился:

– А если я убегу?

– Тогда мне придется искать другого спутника, – ответил Глеб и зашагал к стойке.
– Эй, погоди! – Бровик схватил свои кружки и поспешил за Глебом. – Я с тобой.
– Чего это вдруг? – удивился Глеб.
– Ты нанял меня, чтобы я сопровождал тебя. И обещал щедро заплатить. Пока я не получу свои деньги, я буду оберегать тебя, как зеницу ока.
– Что ж... – Глеб пожал плечами, отвернулся и зашагал дальше.
К стойке они подошли вместе.
– Эй, друг! – подозвал целовальника Глеб и, когда тот подошел, протянул ему еще одну серебряную монету. – Угости посетителей олусом еще раз.
Целовальник покосился на Бровика и с усмешкой определил:
– Вижу, ты нашел себе удачливого спутника?
– Да, – спокойно ответил Глеб, не обращая внимания на иронию, проскользнувшую в голосе целовальника. – И мне нужен еще один.
– Что ж... Коли так, то сделаю.

12

– «Зачем лицо ты отвращаешь скорбное? Прикрывши платьем слезы набежавшие...» – Черноволосый парень со смуглым, грустным лицом отхлебнул вина и смахнул с ресниц слезы. – Закатилось солнце дней моих, – с невыразимой грустью продекламировал он. – Погрузилась душа моя в потемки на веки вечные.

– Уж слишком сильно ты переживаешь, толмач, – заметил один из собутыльников грустного молодого человека.

Тот горько усмехнулся и кивнул.

– Вы правы, сударь. Но что делать, если тоска разрывает мне душу? Пейте, сеньоры, пейте за здоровье несчастного толмача Рамона Гандольфини.

Толмач Рамон сильно отличался от мужиков, с которыми пил. Длинные, сильно вьющиеся и черные, как смоль, волосы его были стянуты сзади яркой лентой. Черные борода и усы были аккуратно подстрижены. Даже камзол его – довольно заношенный и залатанный – был чист и опрятен.

– Стоит ли так убиваться по бабенке, – небрежно проговорил другой собутыльник Рамона, вольный охоронец по кличке Легаш.

Рамон прищурил на него свои черные и мягкие, как южная ночь, глаза и покачал указательным пальцем.

– Друг мой, не стоит так говорить. Когда я слышу столь недостойные речи, сердце мое наполняется грустью, глаза – слезами, а душа – гневом.

Охоронец Легаш, мужик рослый и широкоплечий, положил на стол огромные руки, сжал кулаки, каждый из которых был размером с голову Рамона, и усмехнулся.

– И что ты мне сделаешь, толмач? У тебя даже меча нет.

– Это верно, – согласился Рамон. – Меча у меня нет. Но у меня есть вот это.

С этими словами он ловко выхватил из-за пояса два кинжала и рубанул ими об стол, намертво пригвоздив широкие рукава охоронца к столешнице.

Охоронец Легаш побледнел. Мужики, сидевшие за столом, заухмылялись, закачали головами.

– Ай да толмач!

– Ловок, леший его дер!

– Никогда не суди о людях по внешности, друг мой, – проворковал Рамон, глядя в глаза охоронцу своими черными бархатистыми глазами.

Легаш дернул щекой и прохрипел:

– Вынь ножики.

– Как скажешь, – согласился Рамон и одним быстрым, сильным движением вынул кинжалы из дубовой столешницы. Затем ловко крутанул ими в воздухе и сунул за пояс.

– Ай да толмач! – снова воскликнул кто-то из мужиков. – Уел он тебя, Легаш. Как пить дать – уел.

Охоронец осмотрел продырявленные рукава полукафтана, перевел холодный взгляд на Рамона и процедил сквозь зубы:

– Я это запомню.

– Само собой, – кивнул толмач. – Память – единственное утешение для человека, потерявшего самое дорогое, что он имел. Пейте, друзья мои, и скорбите со мной, ибо скорбь моя безмерна, и если я не поделюсь ею с кем-нибудь, то просто умру.

Минуту спустя, ополовинив кружку олуса, Рамон заговорил снова, и голос его был мягок и грустен:

– Знали бы вы, судари, каким ангелом была моя Улита. Волосы ее были мягкими и шелковистыми, как весенняя трава. А глаза ее своим блеском могли затмить блеск звезд. Надеюсь, теперь она в лучшем мире, чем этот.

Мужики переглянулись. В глазах их застыла насмешка, но усмехнуться открыто после фокуса с кинжалами никто не решался.

К столу подошел мальчик-разносчик с большим деревянным подносом, на котором стояли кружки с олусом.

– Угощение от хозяина, – объявил мальчишка и принялся выставлять кружки на длинный стол.

– Вот так Крысун! – загалдели мужики, не веря своим глазам. – А еще говорят – жаден!

– Щедр хозяин Порочного града, сильно щедр!

Разносчик ушел, и бражники быстро разобрали кружки.

– Что ж, давайте выпьем за здоровье Крысуна Скоробогата!

– Здоровье Крысуна!

– Здоровье Крысуна!

– Здоровье Крысуна, чтоб ему пусто было!

Бражники засмеялись и чокнулись кружками. Рамон тоже чокнулся, но говорить ничего не стал, а лишь вздохнул – тяжело и безнадежно. Потом он отхлебнул глоток олуса, и тут с ним что-то случилось.

Толмач вдруг громыхнул кружкой об стол и закашлялся над тарелкой. Что-то вылетело у Рамона изо рта и со стуком упало в оловянную тарелку.

– Силы небесные... – пробормотал он и смахнул выступившие на глазах слезы. – Я чуть не подавился.

– Мужики, глянь! – удивленно выкрикнул один из купцов. – Это ж серебряная монета!

– Точно! – подтвердил другой.

– Наш толмач выкашлял монету! – восторженно воскликнул третий.

А четвертый, толстый, осанистый, насмешливо попросил:

– Эй, толмач, кашляни еще разок – может, вылетит золото!

Рамон потрогал горло и поморщился.

– Ничего не понимаю...

Один из бражников, самый пьяный, схватил монету с тарелки и сжал ее в кулаке. Рамон посмотрел на него хмурым взглядом и вежливо произнес:

– Друг мой, отдайте мне мою монету.

– А откуда ты знаешь, что она твоя? – прищурился бражник.

Толмач положил пальцы на рукояти кинжалов и улыбнулся бражнику мягкой улыбкой.

– Не думаю, что я должен это доказывать, – заявил он. – Но если вам угодно, я могу это сделать.

Бражник прорычал что-то невразумительное, но спорить не рискнул и положил монету на стол.

– Благодарю вас, сударь, – сказал ему Рамон и сгреб монетку со стола ухоженными пальцами. – Пойду расспрошу целовальника. Возможно, он случайно уронил эту монетку в мою кружку и теперь скорбит о пропаже.

Глеб и Бровик сидели на высокой лавке у дубовой стойки кружала и потягивали сбитень, внимательно наблюдая за посетителями.

К Глебу подошла девка в вызывающем сарафане. Опустилась рядом и проворковала, глядя на ходока блестящими, похотливыми глазами:

– Угостишь меня березовицей, красавчик?

Глеб подозвал целовальника и распорядился:

– Налей ей, чего она просит.

– Благодарствую, красавчик!

Целовальник поставил перед девкой кружку березовицы. Девка отпила березовицы, медленно облизнула губы, не сводя с Глеба блестящих глаз, и кокетливо протянула:

– А ты милый.

– Правда?

– Угу. – Она как бы невзначай положила пальцы Глебу на руку. – Ты похож на моего парня. Он хотел жениться на мне. Но потом его убили.

– Сочувствую, – сказал Глеб.

– Эй, шалава! – сердито окликнул девку Бровик. – А ну, поди прочь!

Девка неприязненно на него посмотрела и наморщила носик.

– Фу, какой грубый. Небось, и девку еще не щупал, а все туда же.

– Убирайся, сказал! – прорычал Бровик и угрожающе положил руку на рукоять меча.

Девка пожала плечами, забрала свою кружку и отошла. Бровик проводил ее недовольным взглядом и сердито пояснил:

– Ненавижу шалав!

Глеб усмехнулся:

– Ты слишком строг к ним. Девчонки зарабатывают как могут.

– Все равно ненавижу.

К стойке подошел посетитель в гофском камзоле, с черными вьющимися волосами, схваченными сзади яркой лентой. Подозвав целовальника, парень вежливо обратился к нему:

– Любезный, я нашел в кружке серебряную монету. Можете сказать мне, каким образом она туда попала?

Целовальник что-то неуклюже забормотал в ответ, а Бровик наклонился к Глебу и насмешливо спросил:

– Еще один избранник судьбы?

– Похоже, что так, – ответил Глеб.

– Смазливенький, как барышня, и такой же чистенький! – фыркнул Бровик. – Смотреть противно!

Глеб покачал головой.

– Ты не прав. Поверь мне, этот парень умеет за себя постоять.

– Ты что, его знаешь?

– Да.

– Но у него даже меча нет!

– Зато у него есть два отличных кинжала.

Бровик высокомерно поднял голову и презрительно заявил:

– Чего стоят кинжалы против меча? Да я сейчас же выну из ножен меч и отрежу этому хлыщу его чистенькие ушки. Вот, гляди. Эй, чучело!

Смуглолицый иноземец повернул голову к Бровику, затем огляделся по сторонам, словно хотел удостовериться, что паренек с дерзким лицом обращается именно к нему. Удостоверившись, снова взглянул на Бровика и сказал:

– Вы обращаетесь ко мне, сударь?

– К тебе. Кто ты таков?

Иноземец в камзоле нахмурился.

– Не думаю, что это вас касается. И, прежде чем вы скажете что-то еще, сударь, позвольте мне напомнить вам старую истину: кто хочет смерти, тот везде найдет ее.

Глаза Бровика нервно заблестели.

– Ты мне угрожаешь? – задиристо осведомился он.

Незнакомец холодно усмехнулся.

– А на что еще это похоже?

Бровик схватился за рукоять меча. Руки иноземца, в свою очередь, скользнули к кинжалам. Оба молодых человека вперили друг в друга пылающие взгляды.

– Остыньте, ребята! – громко велел Глеб. – Толмач, ты не узнаешь меня?

Парень в камзоле повернулся к Глебу и близоруко прищурился. Затем удивленно вскинул брови и выдохнул:

– Первоход? Вы ли это, сударь?

– Да, это я.

Рамон улыбнулся, блеснув полоской белоснежных крепких зубов.

– Очень рад вас видеть, сударь. А еще больше я рад тому, что вы живы. Позвольте пожать вашу руку, друг мой.

Рамон и Глеб пожали друг другу руки. Затем толмач взглянул на Бровика и снова нахмурился.

– Простите, сударь, я не знал, что этот юноша с вами, – сказал он Глебу. – Вероятно, это – ваш воспитанник или племянник?

– Я сам по себе! – резко выкрикнул Бровик. – И, слава богам, я не нуждаюсь в воспитателях!

– Я бы на вашем месте не был в этом столь уверен, – вежливо заметил Рамон.

Лицо паренька вспыхнуло, и он хотел что-то ответить, но Глеб его опередил.

– Как твои дела, толмач? – спросил он.

По лицу Рамона пробежала тень.

– Плохо, сударь, – грустно ответил он. – Я потерял любимую.

– Вот как? Сочувствую. Что же с ней случилось?

– Один мерзавец убил ее. Я сейчас как раз занят его поисками.

– И что ты намерен сделать, когда найдешь его?

Рамон нахмурился и отчеканил:

– Не стану рассказывать, что я с ним сделаю, сударь, но смерть его будет ужасна.

Еще несколько секунд он хмурился, а затем черты его смягчились. Он вежливо улыбнулся и спросил:

– Ну а вы, сударь? Как дела у вас?

– Неплохо. Я нашел работу, и она хорошо оплачивается.

– Рад за вас, сударь. Про себя ничего подобного сказать не могу. В Хлынь-граде нынче много толмачей из гофов, византийцев и северных свеев. Поэтому работу мне найти нелегко.

– Значит, ты сейчас на мели?

Рамон удрученно вздохнул.

– Да, сударь, совершенно. Последнюю резанку я потратил на то, чтобы напиться в кругу приятелей. Я надеялся, что олус и брага помогут мне притупить сердечную боль.

– И как?

Толмач снова вздохнул.

– Я ошибся. На свете нет лекарства, которое смогло бы избавить меня от этой боли.

– Так-так, – удовлетворенно проговорил Глеб. – Ну а что ты скажешь, если я предложу тебе работу и заплачу за нее золотом?

– Я скажу, что в этом грешном мире еще осталось место чудесам, сударь.

Глеб засмеялся.

– Ну, тогда считай, что чудо произошло. Я нанимаю тебя, Рамон. Плата – десять серебряных дирхемов и два золотых солида.

Смуглое, утонченное лицо Рамона оцепенело от удивления.

– Зачем же вам понадобился толмач? – неуверенно спросил он.

– Я отправляюсь в путешествие.

– Вот как? – Рамон сдвинул брови и проговорил необычайно серьезным голосом: – В наше смутное время трудно обойтись без толмача, когда отправляешься в странствия. Вы, сударь, поступили правильно, остановив свой выбор на мне. Могу я узнать, куда вы собираетесь отправиться?

– Можешь, – кивнул Глеб. – Наш путь лежит в Гиблое место.

– В Гиблое ме... – Рамон осекся и изумленно уставился на Глеба. Затем уголки его темных губ дрогнули. – Не слишком удачная шутка, сударь.

– Это не шутка. Я отправляюсь в Гиблое место, чтобы найти там пропавшего знакомого, и мне понадобится толмач.

– С кем же вы там собираетесь беседовать, сударь?

– Прости, но это уже мое дело. От тебя, приятель, требуются две вещи: сопровождать меня и делать все, что я скажу.

Рамон снова нахмурился.

– Однако, вы, сударь, хотите, чтобы я рисковал собственной шкурой. А я отношусь к своей шкуре весьма щепетильно.

Глеб насмешливо прищурил глаза.

– И сколько, на твой взгляд, стоит твоя шкура?

Толмач вздохнул и удрученно произнес:

– Чего стоит жизнь человека в нашем страшном, безбожном мире?

– А точнее?

– Десять серебряных дирхемов и *пять* золотых солидов.

– Не многовато ли?

Рамон мягко улыбнулся и ответил:

– Я бы мог запросить и больше, не будь моя шкура подпорчена шрамами.

– Хорошо, – кивнул Глеб. – Ну что, сговорились?

– Чует мое сердце, что я еще об этом пожалею. Хорошо, сударь, я согласен. Когда трогаемся в путь?

– Утром.

– Так скоро?

– Да. Советую тебе выспаться перед дорогой. Есть где спать?

– Я потратил все деньги на обед и совсем забыл, что человеку иногда необходимо отдохнуть.

Глеб достал из кошелька несколько монет и протянул толмачу.

– Это задаток.

14

К стойке подошел Хлопуша. Физиономия у верзилы была красная, волосы всклокоченные, рубаха на груди расстегнута.

– Кружку олуса! – велел он целовальнику.

Глеб скользнул взглядом по грузной фигуре парня и поинтересовался:

– Что случилось?

– Леший меня задери, Первоход! – прорычал Хлопуша. – Зазноба, у которой я был, во сто крат аппетитнее бараньей лопатки и слаще засахаренного мёду! Но, боги мои, как же она меня измотала!

Взяв кружку с прохладным олусом, Хлопуша поднес ее к губам, запрокинул лохматую русоволосую голову и сделал три больших глотка, отчего кадык на его бычьей шее трижды мощно дернулся.

– Осторожно, Хлопуша, – сказал ему Глеб, – ты чуть не задавил нашего нового друга.

Хлопуша отнял кружку от губ и глянул через плечо. Никого не увидел, опустил взгляд и лишь тогда заметил у себя за спиной худенького паренька.

– Это кто? – спросил он.

– Бровик. Он ловчий и пойдет с нами в Гиблое место.

Верзила захолопал глазами.

– Первоход, ты не шутишь? Ты и впрямь хочешь взять этого заморыша с собой?

– Подбирай слова, орясина! – звонко и задиристо огрызнулся Бровик.

Хлопуша бросил на юнца небрежный взгляд и обронил:

– Помолчи, малыш, не с тобой разговариваю. – Затем вновь повернулся к Глебу: – Первоход, не думаю, что этот сопляк...

– Ты слишком жирный и едва ли умеешь плясать, – осадил его Бровик звонким, как натянутая струна, голосом. – Но, думаю, если я пощекочу тебя мечом, ты для меня спляшешь!

Хлопуша снова посмотрел на паренька, но на этот раз во взгляде его появилось одобрение.

– Гляди какой храбрец, – прогудел он насмешливо.

– Не то слово, – подтвердил Глеб. – Придется тебе быть осторожнее в словах, Хлопуша. Этот малый не любит шуток.

Несколько секунд верзила и парнишка сверлили друг друга взглядами. Хлопуша отвел глаза первым.

– Что ж, – примирительно произнес он, – не зря, видать, говорят, что малая блоха больнее кусает. Ладно, пусть будет по-твоему, ходок.

Тут толмач Рамон, до сих пор стоявший молча и как бы в стороне, положил Хлопуше на плечо руку и сказал:

– Сударь, если вы не сойдете с моей ноги, мне придется столкнуть вас. Но, толкая такого медведя, как вы, я рискую надорвать себе спину.

Хлопуша сошел с ноги толмача, посмотрел на Глеба, потом снова на толмача и удивленно пробурчал:

– Первоход, скажи мне, что я ошибаюсь, но мне кажется, что ты и этого надутого индюка берешь с собой.

– Осторожнее на поворотах, сударь, – посоветовал с мягкой улыбкой толмач. – Одного моего знакомого так сильно занесло, что он слетел с дороги, наткнулся на сосну и вышиб себе зубы.

– Эге! – осклабился Хлопуша. – Да ты, я вижу, тоже не робкого десятка!

– Тут вы угадали, – согласился Рамон. – Думаю, мы уладили наше недоразумение, не так ли, сударь?

– Ну вот, теперь вы друг друга знаете, – весело заявил Глеб. – Пройдемте за стол и обсудим наши дела.

После того как все четверо расселись за столом, Глеб попросил разносчика принести олуса и вяленого мяса, после чего достал кошель и, стараясь особо не «светить» деньгами, отсчитал каждому из своих новых друзей по несколько серебряных монет.

– Это задаток, – сказал он, раздавая деньги. – Завтра утром мы отправляемся в Гиблое место. Поход будет трудным и опасным, и приятного в нем, прямо скажу, мало. Но мы будем хорошо вооружены. Кроме того, я ходил в Гиблое место много раз и стану приглядывать за вами.

– Эй, бродяги! – гаркнул вдруг один из бражников, сидевших за соседним столом. – О чем это вы там шепчетесь?

– Не твое собачье дело, жердья! – звонко и свирепо ответил ему ловчий Бровик.

– Видали? – насмешливо произнес бражник. – Этот у них самый здоровенный!

Бражники заржали. Худые пальцы Бровика метнулись к рукояти меча, но Глеб положил ему руку на плечо и тихо сказал:

– Нет. Не связывайся с ними. Завтра нас ждет важное дело.

– Эй, бродяги! – снова заголосил бражник. – Не тот ли это с вами медведь, который сбежал две седмицы тому назад с ярмарки?

– Врешь, Квасура, – весело гаркнул другой бражник, – тот вроде был поволосатее!

– Вот как? А рожи-то, слышь, одинаковые!

Мужики загоготали.

Хлопуша напрягся и сжал огромные кулаки, но, встретившись взглядом с Первоходом, снова расслабился и обмяк.

– Эй, а это что за гофский петушок! – не унимались бражники.

– Гляди, как волосы подвязал! У моей зазнобы такая же лента! Эй, петушок, а ты часом щечки не румянишь?

Рамон слегка побелел, медленно повернулся к бражникам и сухо изрек:

– Любезный, вам бы лучше закрыть рот.

– Это почему же?

– Ваш голос столь отвратителен, что от него дохнут мухи, и я не хочу, чтобы одна из них угодила в мою кружку.

– Слышь, Квасура, – посмеиваясь, сказал один из бражников, – а ведь он тебе хамит.

– Верно, – прорычал Квасура. – Эй, петушок, вот я сейчас встану и...

– Только попробуйте, сударь, и я разделаю вас, как треску. Начну, как водится, с самой головы. Впрочем, она у вас пустая, и этой потери вы не заметите.

Несколько секунд бражники молчали, пораженные изысканной и непонятной речью смазливового толмача. Потом один из них снова подал голос.

– Эти парни умеют за себя постоять, – сказал он. – А четвертый чего ж молчит? Эй, ты, – в наголовнике! Покажь нам свое лицо!

– Покажь, трус, хотим полюбоваться!

Рамон и Бровик, гневно сверкнув глазами, потянулись за оружием, но Глеб жестом остановил их.

– Сидите, – глухо приказал он и поднялся с лавки. Повернувшись к бражникам, он спокойно предложил: – Эй, ребята! Выйдем на воздух, поговорим?

Бражники возбужденно заголосили:

– Давай!

– Идем подышим, коли не шутишь!

– А приятели твои что ж, охотник? Обтрухались? – насмешливо спросил один из бражников.

– Будь вас дюжина, я бы позвал и приятелей, – спокойно сказал ему Глеб. – Но поскольку вас всего шестеро, я вполне могу справиться и один. И хватит болтать. Идем!

Глеб первым зашагал к выходу. Шестеро бражников поднялись из-за стола и, бросив на товарищей Глеба насмешливые взгляды, направились за ним.

Вскоре все семеро скрылись за дверью кружала.

– Правильно ли мы сделали, что отпустили его одного? – неуверенно проронил Рамон.

– Он наш на́больший, – пробасил Хлопуша. – Мы должны его слушаться.

– Вы как хотите, а я пойду за ним! – заявил Бровик и вскочил на ноги.

Однако идти ему никуда не пришлось, поскольку дверь кружала распахнулась и на пороге снова появился Глеб. Он прошел к столу и, как ни в чем не бывало, сел на свое место.

Разносчик уже принес кружки с олусом и тарелки с вяленным мясом и жареным луком. Глеб взял одну из кружек и отхлебнул. Бровик, Хлопуша и Рамон изумленно смотрели на Глеба.

– А... где же бражники? – тихо спросил Рамон.

– Они уехали, – коротко ответил Глеб.

Бровик показал пальцем на рукав охотничьей куртки Глеба и сказал:

– Первоход, у тебя кровь.

Глеб поднял рукав и взглянул на пятнышко крови.

– Это не моя.

– Ты одолел шестерых дюжих мужиков за полминуты? – выдохнул, тараща глаза на Глеба, Хлопуша.

– Я уладил наш спор, – спокойно ответил Глеб и снова отхлебнул из кружки.

– Но...

– Иногда я бываю очень убедителен, – заверил Глеб. – И хватит об этом. Вернемся к нашему разговору. Итак, теперь у вас есть деньги. Снимите себе комнаты получше и постарайтесь выспаться. Через час после восхода встретимся здесь же. За этим самым столом. Всем все ясно?.. Отлично. Ну, тогда пейте олус, ешьте и расходимся до утра.

Глеб допил свой олус, поставил кружку и хотел подняться, но тут Бровик резко подался вперед и выпалил:

– Я вспомнил, откуда про тебя знаю! Ты тот самый Глеб Первоход, который одолел воинство темных тварей, а потом спас княжество от Голяди! Ты тот самый, верно?

– Верно, – кивнул Глеб.

Толмач Рамон прищурил свои бархатистые глаза и спокойно осведомился:

– Сударь, а разве князь не назначил за вашу голову награду?

– Назначил. Но уже отменил.

– Отменил? В первый раз такое слышу. Прошу простить мое любопытство, но не связано ли это как-то с нашим походом?

Глеб взглянул на толмача удивленно.

– Ты поразительно проницателен, Рамон. Что ж... пожалуй, я расскажу вам все.

Глеб обвел лица своих новых друзей внимательным взглядом и сказал:

– Мы отправляемся в Гиблое место, чтобы остановить белого чародея. И если кто-то из вас боится... Сейчас еще не поздно.

Несколько мгновений все молчали, потрясенно глядя на Глеба. Первым молчание нарушил Рамон:

– Сударь, белый чародей не может быть в Гиблом месте. Я видел его в городе несколько часов назад.

– Ты видел не его самого, – возразил Глеб. – Ты видел его *отражение*. Отражения – это...

– Двойники, – хмуро договорил за него юнец Бровик. – Бесплотные двойники живых людей, которые шастают по Гиблому месту. – Ловчий достал из кармана деньги и положил на стол. – Вот.

– Что? – не понял Глеб.

– Если бы ты сразу сказал, что мы идем в Гиблое место за белым чародеем, я бы не взял денег. Я возвращаю тебе задаток, Первоход.

– Что касается меня, то я всегда мечтал побывать в Гиблом месте, – заявил Рамон. – Про него рассказывают много чудного, а я всегда был падок на чудеса.

– Ну а я с самого начала был с тобой, – добавил Хлопуша.

Глеб положил ладонь на кучку монет и снова пододвинул их к Бровику.

– Это твои деньги, ловчий, и назад я их не возьму. Рамон, Хлопуша, Бровик, я рад, что вы пойдете со мной. – Он улыбнулся и встал из-за стола. – Встретимся утром.

Глава шестая Гиблая чащоба

1

Утро выдалось туманное, но стылое. Со стороны их маленький отряд выглядел довольно забавно. Над всеми возвышался Хлопуша. Здоровенный, как медведь, в просторной, расшитой красными нитями рубахе-кросенце и в темно-ржавом полукафтане. Лицо – широкое, простодушное, но с лукавыми глазами.

Рядом – Глеб Первоход, темноволосый, загорелый, похожий профилем на горбоносую хищную птицу, одетый в легкую охотничью куртку и закутанный в серый суконный плащ.

Плечом к плечу с ним торопливо шагал Бровик, бедно одетый, совсем еще мальчишка, с дерзким, нервным, независимым лицом. На его фоне жгучий красавец Рамон, шагавший чуть в стороне, смотрелся настоящим франтом и богачом.

Четверка странников подошла к телеге, запряженной неказистой лошадкой. На телеге сидел мужичок в дырявом кафтане и грыз семечки.

– Сколько просишь за лошадь и телегу? – спросил его Глеб.

Мужичок, казалось, ничуть не удивился вопросу. Он прикинул что-то в уме и ответил:

– Коли хочешь забрать прямо шас, плати четыре резанки.

Глеб, не моргнув, отсчитал четыре серебряные монеты и вручил их мужику.

– Благодарствую! – сказал мужик, прыгнул с телеги и, зажав деньги в руке, зашагал к кружалу.

Глеб взглянул на лошадку. Неказистая колченогая зверюга была обречена. У реки лошадку придется оставить, и ее почти наверняка сожрут волки или медведи. Это тоже своеобразная дань Гиблому месту. Пару раз Глеб пытался обмазывать стреноженную лошадь волколачьей кровью, чтобы отпугнуть хищных зверей, но запах нечистой крови сводил лошадь с ума. Так что – выхода не было.

Сбруя была гнилая, сплошные узлы, но Глеб решил, что сгодится и такая.

Запрыгнув на телегу, Глеб подождал, пока все усядутся, затем взял в руки поводья и легонько стеганул лошадку по тощему крупу.

Цоц-цок-цок – забили копыта по подмороженной за ночь земле. Телега, подпрыгивая на рытвинах, выехала на большак и покатила дальше.

Спутники Глеба еще не отошли от сна. Хлопуша откровенно клевал носом, Бровик бодрился, всем своим видом показывая, что он так же крут, как Первоход, однако глаза у него тоже были сонные. Толмач Рамон выглядел свежим и ухоженным, но взгляд его черных бархатистых глаз был слегка затуманен, а под глазами пролегли легкие тени.

Минут пять ехали по большаку молча. Потом Бровик зевнул, посмотрел на Глеба и спросил:

– А где у него сердце, Первоход?

– У кого? – не понял Глеб.

– У Гиблого места. Ведь у каждой живой твари есть сердце. Где же оно у Гиблого места?

Глеб усмехнулся.

– Значит, ты считаешь, что Гиблое место – это живая тварь?

– А разве нет? Я слышал, как о нем говорят ходоки. «Гиблое место становится хитрее». «Гиблое место не прощает ошибок». «Гиблое место хочет выбраться за межу». Ходоки говорят о Гиблом месте, будто о живой твари. Разве нет?

– Что ж... Пожалуй, ты прав. Но я не знаю, где у него сердце. За Кишень-градом есть лес вечной гари. За ним – озеро. В озере – Пепельный остров, а на нем – Погребальный шатер. Возможно, это и есть сердце Гиблого места. Но точно утверждать не берусь.

– А кто погребен в этом шатре?

– Говорят, что падший бог.

Бровик обдумал слова Глеба и спросил:

– А как же святилище Нуаран? Я думал, сердце Гиблого места там.

Глеб удивленно покосился на парнишку.

– Откуда ты знаешь про Нуаран?

– Слышал. Один молодой ходок рассказывал кому-то по пьяной лавочке.

– И что именно он говорил?

– Говорил, что в святилище Нуаран есть каменная плита, а на ней – письмена, которые оставил падший бог. Это правда?

Глеб нахмурился и вздохнул.

– Да, Бровик, это правда. Я сам видел эти письма.

– Так может, сердце Гиблого места там? В этом святилище?

– Может быть.

– Тогда почему ты не уничтожишь его? Почему ты не вырежешь Гиблому месту его гнилое сердце?

– Гм... – Глеб поскреб ногтем горбинку на носу. – Видишь ли, парень, в Гиблом месте все не так, как в остальном мире. Там любой твой добрый поступок может обернуться злом. Но дело даже не в этом. Я не уверен, что у нас вообще есть право уничтожить Гиблое место.

– Ты шутишь? – вскинул брови юнец. – Гиблое место кишит нечистью! И вся эта нечисть так и норовит выбраться за межу!

– Мы не знаем, откуда она взялась. Мы не знаем, откуда взялось Гиблое место. Быть может, это врата, ведущие в ад. Тогда все более-менее понятно. А если нет? Один мой знакомый ходок был уверен, что Гиблое место – это дар, которым мы не можем правильно распорядиться. И что все темные твари, наводнившие Гиблое место, – это наши собственные порождения.

– Как это? – удивился Бровик.

– Как в серебряном зеркальце. Когда мы заглядываем в зеркальце, то видим самих себя, верно?

– Верно.

– А заглядывая в Гиблое место, мы тоже видим отражения, только не наших лиц, а наших собственных душ. Понимаешь?

Парень обдумал его слова и тихо проговорил:

– Выходит, наши души кишат чудовищами?

– Видимо, так.

– Гиблое место – это что-то вроде иноземной ествы, – сказал вдруг, выходя из дремы, Хлопуша. – Нам принесли ее в подарок, но мы не знали, как ее есть, а на ледник положить забыли. Теперь она протухла, и по ней ползают опарыши.

– Ты это о лесных тварях? – прищурился Бровик.

Верзила кивнул.

– О них.

– А я слышал, что Гиблое место – это кладбище, – подал голос Рамон. – Только похоронены там не люди, а демоны.

– Демоны? – вскинулся Хлопуша. – Это кто ж такие?

– Злобные и коварные чудовища, которых вы называете своими богами.

– Дурак ты, толмач, – сказал Бровик. – Боги не могут помереть. Хотя... Может быть, ваши, чужеземные, и мрут, как мухи.

Разговор затих сам собой. Еще почти час путешественники ехали в полном молчании. Чем ближе становилось Гиблое место, тем мрачнее делались их лица.

Подъезжая к лесу-глушняку, Глеб вдруг осадил лошадь. У самой кромки леса одиноко стоял человек.

– Первоход, ты видишь? – взволнованно спросил Бровик.

– Кто это там стоит? – прищурил близорукие глаза толмач Рамон.

Фигурка двинулась с места и, прихрамывая, зашагала к ним.

– Может быть, ему нужна помощь? – предположил Бровик.

– Ты прав, – сухо сказал Глеб.

Он вынул из кобуры скорострел, передернул зарядную скобу, прицелился и нажал на спуск. Стрела с легким жужжанием вылетела из дула.

Незнакомец, ковыляющий к телеге, на мгновение остановился, а потом рухнул в траву.

– О, боги! – воскликнул Бровик. – Что ты наделал, ходок?!

Человек у кромки леса снова поднялся. Постоял немного, потом повернулся и, чуть пошатываясь и слегка приволакивая левую ногу, заспешил обратно к лесу.

Глеб снова поднял скорострел, но Бровик схватил скорострел за ствол и резко пригнул

его книзу.

– Я знаю, ты думаешь, что это упырь! – взволнованно произнес он. – Но ты ведь можешь ошибаться!

– Хочешь сходить и проверить? – насмешливо осведомился Глеб.

Секунду паренек смотрел ему в глаза, а затем соскочил с телеги и быстро зашагал за ковыляющим к лесу незнакомцем.

– Эй! – окликнул он. – Эй, братец! Не бойся, мы тебя не тронем!

– Бровик! – хмуро позвал Глеб. – Брось валять дурака!

– Это человек! – ответил парень, не оборачиваясь.

Глеб соскочил с телеги и швырнул поводья Рамону.

– Ждите здесь и никуда не уходите, – приказал он, повернулся и зашагал вслед за Бровиком.

К тому моменту, как Бровик достиг леса, незнакомец уже скрылся за деревьями.

– Подожди, чужак! – снова окликнул ловчий. – Я тебя не обижу!

Он тоже шагнул за деревья и прошел несколько шагов, озираясь по сторонам.

– Эй! Куда ты запропас...

Упырь бросился на него из-за дерева, повалил на землю и попытался схватить зубами за горло.

– Прочь! – испуганно вскрикнул Бровик, стараясь оттолкнуть от себя упыря. Однако упырь был сильнее. Его желтые зубы лязгнули в двух вершках от лица парня. Зловонная слюна закапала Бровику на щеку.

– О, боги... – простонал Бровик. – Уйди же от меня, тварь...

– Эй, мертвец! – негромко окликнул Глеб.

Упырь инстинктивно вскинул голову, и Глеб спокойно и деловито, словно всю жизнь только этим и занимался, всадил ему в пасть клинок меча.

Черная кровь брызнула из раскрытой пасти Бровику на лицо – парнишка вскрикнул и отшатнулся.

Глеб ударом сапога столкнул с него упыря, взмахнул мечом и одним точным ударом отсек твари голову. Бровик поднялся на ноги, повернулся и, не глядя на Глеба, пошатываясь, зашагал к телеге.

– Стой! – окликнул его Глеб.

Парень остановился.

– Ну, что еще? – обронил он через плечо. – Я был не прав, и ты доказал это. Чего тебе еще от меня нужно?

– Что мне нужно? – Глеб усмехнулся, отер меч пучком травы и вложил его в ножны. Затем взглянул на Бровика прямым, спокойным взглядом и сказал: – Мы здесь одни.

– И что?

– Расскажешь, какого лешего ты переделалась в мужское платье?

2

– Как ты догадался?

– Лучше спроси: почему я был так слеп, что не догадался сразу?

Бровик стоял перед Глебом, понутив голову.

– Так зачем ты переделалась в мужское платье? – снова спросил Глеб. – И зачем пошла со мной?

– Мне нужны деньги.

Глеб окинул худую, невысокую фигурку «ловчего» недоверчивым взглядом.

– Расскажи подробнее.

– Я уже рассказывала тебе. Один купец объявил, что тот, кто вернет ему дочь и убьет Пастыря, получит десять серебряных монет. Кроме меня, охочих не нашлось. А мне очень

нужны деньги.

– Ну, положим, эту историю я уже слышал. Но теперь я хочу знать правду.

Несколько секунд девушка стояла перед Глебом, понутив голову и нервно кусая губы, потом подняла на него взгляд и сказала:

– Месяц назад Пастырь проповедовал на Сходной площади. Он говорил, что мы должны принять нового бога, и что тот, кто не примет его, попадет в адское пекло. Мой отец был старостой. Он вышел из толпы и сказал Пастырю, чтобы тот не мучил людям головы и чтобы убирался прочь – к своему христианскому черту.

– И что сделал Пастырь?

– Ничего. Он просто дунул отцу в лицо. Легонько, будто хотел сдуть соринку. Отец захрипел и упал на колени. А Пастырь сказал, обращаясь к людям: «В этом человеке слишком много бесов. Его место в аду». Он повернулся к отцу и снова дунул на него. Отец затрясся, и у него изо рта вывалился клубок дыма. А потом... Потом отец загорелся. И горел, пока не превратился в уголь. Я хотела потушить его, но меня оттащили. Вот и все.

Глеб вздохнул.

– Ясно. Значит, теперь ты хочешь отомстить за него?

Девушка сжала худые кулаки.

– Я должна отомстить за пролитую кровь, за кровь моего рода, – яростно проговорила она. – Сам знаешь: если кровные обиды остаются неотомщенными, душа рода начинает хворать и чахнуть, а вскоре погибает. Нет ничего страшнее, чем гибель рода. Лучше погибнуть самому.

Глеб выслушал ее спокойно, а потом спросил:

– Как тебя зовут?

– Бровка!

Лицо девушки все еще было в синяках и ссадинах, но даже это не могло скрыть ее миловидности. И потом пальцы – слишком тонкие, красивые и изящные для мужчины. «И как я раньше не разглядел?» – подумал Глеб. Он скользнул взглядом по груди самозванки.

– Я стянула их лентой, – спокойно пояснила Бровка, перехватив его взгляд.

Глеб отвел взгляд от груди девушки и спросил:

– А где ты научилась махать мечом?

– Я росла со старшими братьями и играла в их игры. Даже ходила с ними стенка на стенку. – Бровка подняла руку к лицу, отвела пальцами нижнюю губу и показала Глебу выемку. – Вот, видишь? Это мне выбили во время драки с Оловщянскими. Мне тогда было всего пятнадцать.

– А сколько тебе сейчас?

– Двадцать два.

Глеб задумчиво потер пальцами щеку.

– Зачем ты полезла в драку – там, у «Трех бурундуков»? Ведь ты была одна, а мужиков не меньше дюжины.

– Я думала, они разбегутся. Они же смерды, а я...

– А ты – отважный ратник с мечом в руке. Так?

Бровка кивнула:

– Так.

Глеб снова поскреб пальцами щеку и хмуро подумал: «Везет же мне на сумасбродных девиц».

– Где сейчас твои братья?

– Погибли. На войне с Голядью. Все трое. Мать, как об этом узнала, так сразу слегла. И с тех пор не поднимается.

– А ты никогда не думала, что если тебя убьют, твоя мать не переживет этого?

– Думала. Но если я буду сидеть сложа руки, она тоже умрет. А так... есть хотя бы надежда.

Внезапно Бровка всхлипнула, прижала руки к груди и, глянув на Глеба полными горя

глазами, умоляюще проговорила:

– Не прогоняй меня, Первоход! Прошу! Возьми с собой в Гиблую чащобу!

– Ты не понимаешь, о чем просишь, Бровка. Гиблое место – самое жуткое место на земле. А Пастырь сделает все, чтобы еще больше осложнить нам путь. Он наверняка уже знает о нашем походе.

– Я все равно пойду! Я не найду покоя, пока не прикончу Пастыря!

Некоторое время Глеб стоял молча, потирая пальцами щеку и исподволь поглядывая на раскрасневшееся от волнения лицо девушки. Потом вздохнул и сказал:

– Ладно. Идем к телеге.

– Ты берешь меня с собой?

– Только если ты перестанешь притворяться мужиком. Терпеть не могу трансвеститов.

Глеб повернулся и зашагал к телеге. Бровка быстро нагнала его и схватила за плечо.

– Подожди, Первоход! Я не могу открыться перед Хлопушей и Рамоном. Если они узнают, что я баба, они прогонят меня. Никто не ходит в Гиблое место с бабой. Это дурная примета.

– Верно, – вынужден был признать Глеб. – Что ж, тогда нам придется сохранить твою тайну, ловчий Бровик. Но не делай больше ничего, не посоветовавшись со мной, хорошо?

Бровка улыбнулась и кивнула.

– Обещаю.

– И не будь такой задиристой и вспыльчивой. Сговорчивая и умная девушка нравится мне больше вспыльчивого мальчишки.

– Я думала, что если стану задирать всех подряд, буду больше похожа на парня, – смущенно пояснила девушка.

Глеб насмешливо прищурился.

– И ты была права. Но хватит больше драк. Идем к телеге, задира. Хлопуша и Рамон уже заждались.

Первоход повернулся и двинулся к поляне. И в это мгновение за спиной у него раздался шорох. Погруженный в свои мысли Глеб поздно почувствовал опасность.

3

Бровка тихо вскрикнула, Глеб быстро обернулся и молниеносно выхватил из ножен меч. Но было уже поздно.

Грязный рыжебородый бродяга сжимал Бровку в лапах, сдавив ей предплечьем горло и приставив к лицу нож. Рядом стоял еще один бродяга – не такой здоровый, как первый, но жилистый и мускулистый. В руке он держал длинный кинжал-скрамасакс.

– Дернешься, и я отрежу твоей девке башку, – прорычал рыжебородый.

– Кто вы и какого черта вам от нас нужно? – сухо спросил Глеб.

Рыжебородый усмехнулся, обнажив окровавленные, беззубые десны.

– Отдай моему другу свое оружие, – приказал он.

Глеб не двинулся.

– Ну! – рявкнул рыжебородый и слегка ковырнул ножом шею Бровки. Из взрезанной кожи на ворот рубахи вытекла струйка крови.

Глеб снял пояс с ножнами и протянул его жилистому. Тот взял пояс и надел его на себя. Затем достал из ножен меч и осмотрел его.

– Гляди-ка, Пок, а меч у него совсем простецкий, – сипло проговорил он. – За такой много не выручишь.

Глеб тихо шагнул вперед, но рыжебородый снова ткнул лезвие ножа Бровке в горло и свирепо рыкнул:

– Охолони, сказал!

Глеб замер.

– Дай ту штуку, что у тебя за спиной! Только медленно.

Глеб вынул из кобуры скорострел и протянул жилистому. Тот взял оружие и осмотрел его недоуменным взглядом:

– Это чего?

– Скорострел, – ответил Глеб.

– Никогда такого не видал. Дорого стоит?

– Для кого как, – мрачно ответил Глеб. – Тебе он может стоить жизни.

Жилистый усмехнулся.

– А ты шутник. Слышь, Пок, а этот парень шутник!

– Угу. Нынче их много развелось, шутников-то. Ну а теперь я тоже пошучу. С девкой. Я страсть как люблю шутить с девками. Идем со мной, милая!

Разбойник, не выпуская Глеба из вида, поволок Бровку к кустам вереса.

– Куда ты ее ведешь? – спросил Глеб.

– Недалеко. Видишь вон тот вересовый куст? Под ними мы с ней и пошутим. Да, милая?

Глеб сжал кулаки и шагнул к рыжебородому.

– А ну – стой! – прикрикнул на него жилистый. Он направил на Глеба скорострел и положил палец на спусковую скобу. – Я знаю, как обращаться с арбалетом, парень.

Глеб взглянул на него удивленно. Затем прищурился.

– Так вы те самые ратники, о которых говорят в городе? Это вы ограбили полковую казну и сбежали в лес?

– Это мы раньше были ратниками, – недовольно проворчал рыжебородый. – А теперь мы – вольные птицы.

– Вы просто никчемные, перепуганные до смерти бродяги, – отчеканил Глеб. – Отпусти девку, тварь.

Он шагнул к рыжебородому, но тут дуло скорострела ткнулось в его в затылок.

– Стой на месте! – рявкнул жилистый.

Глеб на мгновение остановился, но затем сжал кулаки и, скрипнув зубами, снова шагнул к жилистому.

– Нет, Первоход! – сдавленно вскрикнула Бровка. – Не делай этого!

– Послушайся ее, парень, – прорычал рыжебородый, теснее прижимая к ее горлу лезвие ножа. – Ты ведь не хочешь, чтобы я пустил ей кровь?

Глеб остановился. Лицо его было неподвижно, но в глазах полыхала такая злоба, что рыжебородому стало не по себе.

– Не шали, ходок, – грубо сказал он. – Я просто развлекусь, а после отпущу вас.

– Первоход? – дошло вдруг до жилистого. – Так ты и есть хваленый Первоход? – Жилистый разбойник окинул фигуру Глеба любопытным взглядом и ухмыльнулся. – Вот ты, значит, какой.

Глеб облизнул сухим языком сухие губы и сказал, обращаясь к рыжебородому и чеканя каждое слово:

– Если ты отпустишь ее сейчас, я позволю тебе и твоему приятелю уйти.

– А если нет? – прищурился рыжебородый.

– Тогда я убью вас, разрублю ваши туши на куски и скормлю стервятникам.

Оба беглых ратника повидали за свою жизнь немало страшных вещей и не раз смотрели смерти в глаза, но сейчас они испытали невольный трепет. Исступление, прозвучавшее в словах Глеба, и весь его облик, в котором проступило что-то нечеловеческое, напугали бы и самого отчаянного храбреца.

Разбойники взволнованно переглянулись. Однако отступать они не собирались.

– Напрасно ты так волнуешься, парень. – Рука рыжебородого скользнула к груди Бровки. – Смотри. Ей и самой это нравится. Тебе ведь это нравится, милая?

Рыжебородый сжал пятерней грудь Бровки. Жилистый на мгновение отвел взгляд от Глеба и уставился на эту пятерню. Дальнейшее произошло так быстро, что разбойники не успели ничего понять. Глеб шагнул вперед, быстро зашел жилистому разбойнику за спину,

перехватил скорострел, передернул зарядную скобу и направил его дулом на рыжебородого.

– Пригнись! – коротко обронил он.

Бровка быстро пригнула голову, и Глеб нажал на спуск. Стрела со свистом рассекла воздух и, вонзившись рыжебородому разбойнику в щеку, пробила ее насквозь. Тот вскрикнул и выпустил Бровку из лап.

Глеб сдавил жилистому бродяге пальцами шею, и когда тот обмяк, отшвырнул его в сторону и двинулся на рыжебородого.

– Не убивай меня... Первоход, – прохрипел тот, обливаясь кровью из разорванной стрелой щеки.

Глеб остановился и взял в прицел скорострела его лицо.

– Я слышал про тебя... – снова прохрипел бродяга. – Ты убиваешь темных тварей... Но я не темная тварь... Слышишь, Первоход, я не темная тварь.

– Ты хуже, – сказал Глеб и нажал на спуск.

Стрела вонзилась рыжебородому в лоб, пробила ему череп насквозь и пригвоздила к стволу пихты. Рыжебородый хрипло выдохнул и обмяк на стреле, как тряпичная лялька, которую нацепили головой на гвоздь.

Второй бродяга тихо застонал на земле. Глеб повернулся к нему и передернул зарядную скобу.

– Нет, Первоход, – дрогнувшим голосом произнесла Бровка.

– Нет?

– Он безоружен и ранен. Если ты добьешь его, ты станешь таким же, как он.

Глеб нажал на спусковой крючок. Потом опустил скорострел и сухо сказал:

– Я *уже* такой, как он, милая.

Поставив скорострел на предохранитель, Глеб сунул его в кобуру. Затем молча нагнулся и снял с мертвого бродяги свой пояс и ножны.

– Ты все еще хочешь, чтобы Хлопуша и Рамон считали тебя мужчиной? – поинтересовался он, застегивая массивную пряжку на широком кожаном поясе.

– Да, – тихо ответила Бровка.

– Тогда тебе придется привыкнуть ко многим страшным вещам.

Поправив ножны и одернув плащ, Глеб положил руку девушке на плечо и повернул ее к поляне.

– Идем, Бровик. Хлопуша и Рамон нас уже заждались.

4

Первоход греб равномерно и неторопливо, лодка стремительно скользила вперед. Позади оставались перекаты и тихие плесы. Медленно проплывали мимо обрывистые берега, поросшие черными пихтами и соснами.

Взгляд Глеба был хмур и рассеян, словно у человека, решившегося на опасное предприятие, но не уверенного до конца, что он поступает правильно. Изредка он выходил из задумчивости и хмуро поглядывал на худощавое лицо Бровки, освещенное ровным солнечным светом.

Для парнишки-ловчего это лицо было слишком красиво. Стоило обратить на это внимание раньше. Глеб усмехнулся. Усмешка его не укрылась от внимательных глаз Бровки. Нахмурившись, она тихо спросила:

– Далеко еще?

– Через полчаса, если нам ничто не помешает, будем на месте, – ответил ей Глеб.

– И что потом?

– Переночуем у межи, а утром двинемся в путь.

– А это не опасно?

– Темные твари редко выходят за межу, – ответил за Глеба добытчик Хлопуша, оглядывая темные берега. – К тому же у меня с собой есть дозорные рогатки.

– И как эти рогатки действуют? – поинтересовалась Бровка.
– Стоит оборотням приблизиться к нам, и дозорные рогатки начнут прядать и хлопать, как флаги на ветру.

Еще несколько минут они плыли в молчании. Лишь плеск весел нарушал первозданную тишину леса. Потом Глеб опустил весла и сказал:

– Хлопуша, смени меня.

Верзила кивнул и, поменявшись местами с Глебом, взялся за весла.

Глеб достал из кармана берестяную коробку с самокрутками и не спеша закурил.

– Сударь, – негромко обратился к нему Рамон, – не могли бы вы рассказать мне о Гиблом месте побольше?

– Что именно ты хочешь знать? – уточнил Глеб, с удовлетворением глядя на то, как Хлопуша умело орудует веслами.

– Далеко ли будет наш путь? И что впереди?

Глеб затаился самокруткой, выпустил облако белесого дыма и посмотрел сквозь него на проплывающие мимо пихты и сосны.

– Сначала будет Черный бор, – сказал он. – Потом – долина туманов. Пройдя через долину, мы выйдем к заброшенным Моревским рудникам, где когда-то добывали железную руду. Теперь в заброшенных рудниках обитают волколаки. За рудниками будет древнее кишенское кладбище, окруженное Голодными прогалинами. За ним – мертвый город Кишень. Там наше путешествие окончится.

– А что находится за Кишень-градом? – поинтересовался Рамон.

– Лес вечной гари, – ответил, пуская дым, Глеб. – За ним – река Протекайка.

– Это обычная река?

Глеб покачал головой.

– Нет. Иногда воды ее становятся странными, и тогда деревья и даже сухая трава не держатся на ее поверхности и камнем идут на дно. Течение Протекайки меняется каждый час, а в глубине водятся невиданные твари.

Рамон обдумал его слова и сказал:

– Сударь, я никогда не видел волколаков воочию. Но если все, что о них говорят, правда, то пройти через Моревские рудники будет очень нелегко.

Глеб швырнул в воду окурок и успокоил толмача:

– Это не должно тебя тревожить.

– Почему?

– Потому что мы погибнем гораздо раньше. Большинство ходоков не добираются до Моревских рудников.

– Прости, Первоход! – вмешался в их разговор Хлопуша, опустив весла и вытирая рукавом потный лоб. – Но разве ходоки не должны верить в лучшее? Предвещать смерть себе и своим ведомым – это ведь плохая примета?

– Я не верю в приметы, – сказал Глеб. Помедлил и добавил с мрачной усмешкой: – Я сам примета.

Хлопуша спорить с Первоходом не стал. Лишь буркнул:

– Тебе виднее.

И снова взялся за весла.

Здоровяк Хлопуша всю свою юность мечтал стать добытчиком бурой пыли. Отец не раз говаривал, что лучше десять лет кряду подставлять грудь под стрелы и мечи в военных походах, чем один раз сходить в Гиблое место. Так-то оно так, зато все добытчики были богаты. Хлопуша, конечно, понимал, что богатеют лишь выжившие, а выжить удастся далеко не каждому ходоку, но в свою счастливую звезду он верил крепко.

Ходоки сколачивали себе богатство на чудных вещах, добытчики – на бурой пыли. Поговаривали, что в избах у них даже полаты из золота. В юности Хлопуша много раз пытался представить себе эти полаты, но не мог. Тогда он ложился в сарае на сено,

закидывал руки за голову и предавался мечтам. Вот станет он добытчиком – ох и жизнь тогда начнется. Есть будет не руками, а, как восточные купцы, – серебряной вилкой. И живот себе отрастит такой, какой был у Бавы Прибытка. У самого-то Хлопуши об ту пору живот не особенно рос.

Много лет мечтал Хлопуша о том, чтобы стать добытчиком. И вот стал. Но что-то пока дела его не особо клеились. Может, дальше будет лучше?..

Что-то стукнулось в дно лодки, и Хлопуша от неожиданности едва не выпустил из рук весла.

– Что это? – тревожно спросил Бровик.

– Понятия не имею, – отозвался Глеб.

Он взгляделся в воду, и по лицу его пробежала тень.

– Там что-то есть.

– Что?

Глеб не ответил. Он продолжал вглядываться в воду.

Новый удар потряс лодку. Он был так силен, что Бровик чуть не перелетел за борт.

– Там какая-то тварь! – крикнул Бровик и вскочил на ноги.

– Сядь! – сухо приказал «ему» Глеб. – Сядь и держись за борт.

Бровик нехотя повиновался. Глеб вынул из кобуры скорострел и снова взгляделся в воду. Что-то черное и большое прошло под лодкой.

– Почему ты не стреляешь? – осипшим от волнения голосом спросил Бровик. – Стреляй, Первоход!

– Я не знаю, что это, – глухо отозвался Глеб, по-прежнему вглядываясь в воду.

Хлопуша, опустив весла, со сверкающими от любопытства глазами привстал со своего места, и в это мгновение тварь ударила снова. Толмач Рамон попытался схватить Хлопушу за рубаху, но не успел, и верзила, перелетев через борт лодки, грохнулся в воду, подняв фонтан ослепительных брызг.

– Дьявол! – крикнул Рамон. – Хлопуша за бортом!

Глеб передернул зарядную скобу, прицелился и нажал на спуск. Стрела с шипением вошла в воду и вонзилась в черное тело чудовища. Багровое облако вспузырило поверхность воды. Хлопуша стремительно ушел под воду, словно кто-то резко потянул его вниз.

– Тварь утащила Хлопушу! – в ужасе вскрикнул Бровик. – О, боги!

Глеб сбросил плащ, быстро снял ремень и кобуру, выхватил из-за пояса толмача кинжал и, перевалившись через борт, сиганул в воду.

Вода обожгла тело, и от холода у Глеба на мгновение захватило дух. Но уже в следующий миг он, сунув кинжал в зубы и широко загребая воду руками, устремился вниз. Вода была мутноватая, но Глеб разглядел далеко внизу огромное черное тело чудовища и барахтающегося и пускающего пузыри Хлопушу.

Глеб поплыл к нему. Рывок... Еще один... Третий... Вот и лицо Хлопуши – широкое, бледное, с вытаращенными от ужаса глазами. Один из отвислых плавников чудовища, больше похожий на звериную лапу, обхватил Хлопушу за ногу и тянул его вниз. Верзила сопротивлялся изо всех сил, бултыхая руками и отбиваясь от твари свободной ногой, но силы были не равны.

Тварь утягивала Хлопушу все глубже и глубже. Глеб поднажал. В ушах у него застучало, виски сдавило от нарастающего давления. На мгновение паника едва не заставила Глеба прервать преследование и устремиться наверх, но он сдержался и продолжил спуск.

Тварь вдруг остановилась и оглянулась. Глеб увидел огромную черную голову, похожую на рыбу. Пасть чудовища была утыкана зубами, а глаза фосфоресцировали зеленоватым светом. Глеб вынул из зубов кинжал, рванулся вперед и вонзил клинок в черную перепончатую лапу, держащую ногу Хлопуши. Тварь дернулась и разжала лапу.

Хлопуша, пуская пузыри и бултыхая руками, тут же устремился вверх. Глеб хотел последовать за ним, но не успел. Чудовище развернулось и ринулось на него. Глеб рывком отплыл в сторону, схватился левой рукой за отвислый плавник и ударил чудовище кинжалом

в черное брюхо.

Бурая кровь заклокотала у него перед глазами, скрывая из виду чудовище. Глеб ударил еще раз. И еще. Чудовище забилось в воде и потащило Глеба за собой. Грудь его сдавило, в висках застучало, и он едва не хватанул раскрытым ртом воду, однако продолжил наносить чудовищу удары – один за другим.

Наконец плавник ослабел в его пальцах, словно надувной круг, из которого выпустили воздух, а вслед за тем огромное черное тело твари стало медленно опускаться на дно.

Глеб выпустил плавник, сунул кинжал в зубы и устремился наверх. В голове у него помутилось от недостатка кислорода, грудь разрывалась на части от боли, но Глеб продолжал грести руками.

И вот уже поверхность реки, озаренная солнечным светом, засияла у него перед глазами. Еще рывок – и голова Глеба взмыла над водой. Он хрипло вдохнул воздух и ухватился за борт лодки. Шесть рук подхватили его и вытянули из реки.

Упав на дно лодки, Глеб закашлялся.

– Кажется... я утопил твой кинжал, – сказал он Рамону.

Толмач качнул головой:

– Нет, сударь. Я успел его подхватить.

– Ну... тогда все отлично.

Глеб сел на дне лодки и перевел дух. Бровик положил на мокрое плечо Глеба худую руку и сказал:

– Ты самый смелый сукин сын из всех, кого мне довелось видеть.

Глеб усмехнулся.

– Просто я не люблю рыб. Хлопуша, давай на весла и...

– Смотрите! – закричал вдруг Хлопуша, показывая пальцем на воду.

Поверхность реки забурилась и вспенилась, а в следующий миг огромная черная голова взмыла над водой. Рамон схватил кинжалы, Бровик вытянул меч, а Хлопуша выдернул из уключины весло и замахнулся.

Тварь посмотрела на Глеба огромными, фосфоресцирующими глазами, раскрыла зубастую пасть и вдруг глухо пролаяла человеческим голосом:

– Отступись, Первоход! Тебе меня не одолеть!

В одно мгновение Глеб вскочил на ноги, выхватил из ножен меч и резко вонзил его в плоскую голову твари. Затем выдернул меч и замер, готовый ударить еще раз.

Глаза твари сомкнулись, и она медленно и тяжело, как большая черная железная балка, ушла под воду. Прошло несколько секунд. Глеб взглянул на своих спутников. Все трое смотрели на воду расширившимися от ужаса глазами.

– Эй! – негромко окликнул Глеб. – Ребята, вы в порядке?

Хлопуша перевел на него взгляд, сглотнул слюну и тихо спросил:

– Это ведь был голос Пастыря, да?

Бровик и Рамон, с усилием оторвав взгляды от воды, тоже вопросительно посмотрели на Глеба. Глеб провел ладонью по мокрому лицу и сказал:

– Да, это был его голос.

– Но как он сумел?

– Превратиться в рыбу? – Глеб усмехнулся. – Он не превращался. Это всего лишь иллюзия.

– Ил...

– Видение, – пояснил Глеб. – Белый чародей насылает видения. Такой уж у него дар. Ладно, ребята, пора нам двигаться дальше. Постарайтесь поменьше удивляться. Мы в Гиблом месте, и впереди нас ждет много неприятных сюрпризов.

высушить над огнем одежду. Пока они переодевались, Бровик, слегка покраснев, старался смотреть в сторону, но Хлопуша то и дело обращался к нему за помощью – то помочь стянуть мокрую рубаху, то подать высохшие портки.

Один раз взгляды Глеба и Бровика встретились. Глеб усмехнулся и подмигнул «парню», и тот, сжав губы, поспешно отвернулся.

Съев свою порцию вяленого мяса и запив его варевом из шиповника, Глеб вытер руки травой и глянул на солнце. До заката еще было часа три с половиной. Пожалуй, стоит попробовать добраться до охотничьей хижины раньше, чем стемнеет. А пока можно еще минут пятнадцать отдохнуть. Глеб лег на траву и закинул руки за голову. Тело его ныло от усталости.

Прикрыв глаза, он невольно прислушался к тихому разговору, который вели промеж собой Хлопуша и Рамон.

– А что, Рамон, – интересовался верзила, – хорошо ли жить в твоём краю?

– Очень хорошо! – ответил толмач. – У нас тепло круглый год. А на деревьях висят плоды, о которых ты даже не слыхивал. Виноград, персики, апельсины, лимоны. Лимоны на вкус кислые, но пахнут слаще всех остальных плодов. По склонам холмов растут оливковые рощи. Из плодов их давят вкусное оливковое масло. Постройки у нас по большей части каменные, добротные. Не то что в Хлынь-граде.

– Что же ты бросил такой благодатный край? Зачем приехал к нам?

Рамон вздохнул.

– Мой отец был итальянским вельможей. Мы жили в огромном доме с мраморной ванной и фонтаном. А потом к нам в бухту вошли корабли язычников. Они вошли в город, перебили жителей и разрушили наши дома. Меня они похитили и увезли с собой. С того дня и начались мои скитания.

Хлопуша помолчал, сочувственно сопя. Потом осторожно спросил:

– И ты с тех пор ни разу не был в родном городе?

– Нет, – грустно ответил Рамон. – Да и что мне там делать? Родичи мои все мертвы. Дом наш разорили, подворье пожгли. Меня там никто не ждёт.

Глеб, не открывая глаз, улыбнулся. Славные они все-таки ребята. Внезапно Глебу припомнился разговор с вещуньей Голицей.

«За каждый исчезнувший шрам ты платишь чужой кровью, Первоход. Если хочешь победить белого чародея, тебе придется заплатить за это. И смерть твоих друзей станет этой платой».

Сердце Глеба сжалось от тоски. Жалко будет, если они погибнут. Значит, нужно сделать все, чтобы не погибли. Глеб открыл глаза и сел на траве. Затем обвел лица своих спутников суровым взглядом и сказал:

– До межи меньше версты, а за ней начинается Гиблое место. Если кто-то из вас решит вернуться, я не обижусь.

– Я скорее наемся ядовитой травы, чем решусь идти по этому лесу один, – пробасил Хлопуша. – Даже если путь мой будет вести в Хлынь-град.

– Что касается меня, то мне просто некуда возвращаться, – изрек Рамон задумчивым голосом. – У меня нет ни родных, ни друзей, ни дома. Перед лицом опасностей и соблазнов этого грешного мира я совершенно одинок.

– А у меня с Пастырем личные счеты, – процедил сквозь зубы Бровик. – И я пойду туда, даже если вы все повернете назад.

– Что ж... – Глеб поднялся на ноги. – Значит, так тому и быть.

* * *

Лес вокруг стоял темный, неприветливый. Кое-где, под мрачными пихтами ютились чахлые березки. Валежник тихо похрустывал под ногами. Где-то неподалеку журчал ручей.

Мягко шагая по влажной земле, Рамон принялся что-то тихонько насвистывать себе

под нос, но тут по лесу прокатился жуткий вой. Толмач перестал свистеть и быстро положил пальцы на рукояти кинжалов.

– Расслабься, – сказал, заметив его движение, Глеб. – Это верстах в семи отсюда.

Рамон убрал руки с кинжалов. Бровик, который тоже слышал вой, облегченно вздохнул.

– Страшно-то как воет, – тихо и задумчиво проговорил он. – Страшней, чем волк.

– Волков в Гиблой чаще нет, – пробасил Хлопуша. – Их всех сожрали твари. Иногда встречаются медведи, но они...

– Тише! – проронил вдруг Глеб и сделал знак остановиться.

Путники послушно остановились. Несколько секунд Глеб прислушивался, потом тихо сказал:

– Сюда едут всадники.

Рамон тоже прислушался, но ничего не услышал и пожал плечами.

– Я ничего не слышу.

– А я слышу, – подтвердил Хлопуша, наморщив лоб. – Лошади фыркают. Первоход, это охоронцы?

– Да. Всадников пять, не меньше.

– Вот леший! – хмуро вздохнул верзила. – Надо прятаться, пока они нас не увидели!

Глеб качнул головой:

– Нет. Мы оставили много следов. Они все равно нас найдут.

– Что же нам делать?

– Встретим их лицом к лицу.

Теперь и Бровик с Рамоном слышали фыркание лошадей. Прошло еще несколько минут, и из-за деревьев выехал разъезд охоронцев из пяти всадников. Глеб быстро что-то вынул из кармана и поднес к глазу. Затем снова убрал вещь в карман.

Чуть впереди на вороном коне ехал на́больший разъезда. Широкоплечий, широколицый и пожилой на́больший был облачен в кольчугу, а голова его была защищена медным шоломом. За спиной у него Глеб увидел круглый свейский щит. Рукоять меча, торчащая из ножен, была украшена серебряной набивкой, а на ремне поблескивала бронзовая пряжка. Лицо вожака было чистым – ни единого шрама, что, учитывая его возраст, говорило о многом.

Остановив коня в трех шагах от путешественников, на́больший поднял руку, давая своим спутникам знак остановиться. Затем окинул лица путешественников угрюмым взглядом и спросил:

– Кто вы и что здесь делаете?

Глеб выступил вперед.

– Меня зовут Глеб Первоход, – представился он. – А как мне называть тебя?

– Я княжий десятник Хворост Пин, – пробасил на́больший. – Известно ли вам, что ходить за межу запрещено княжьим указом?

– Десятник, мы знаем про княжий указ. Но нас привело в Гиблое место особое дело.

Лица всадников были спокойны и безучастны. Могло показаться, что все происходящее им совершенно безразлично, однако пальцы их лежали на рукоятях мечей.

Десятник Хворост прищурил холодные глаза и вдруг с лязгом вытянул из ножен меч. Однако Глеб оказался быстрее – молниеносным движением выхватил он из кобуры скорострел и наставил его на десятника.

– Вложи свой меч в ножны, десятник! – спокойно приказал он.

Десятник взглянул на скорострел и процедил сквозь зубы:

– Это не ольстра.

– Верно, – согласился Глеб. – Но это не менее грозное оружие.

Несколько секунд противники молчали, изучающе разглядывая друг друга, затем десятник Хворост рывком:

– Ты не можешь противиться нам, ходок!

– Я все же попробую.
– Ты об этом пожалеешь!
– Может быть. А может быть, и нет. Ты знаешь, что княгиня отменила награду за мою голову?

Еще несколько секунд десятник молчал, затем пророкотал грозным, не терпящим возражений голосом:

– Вы поедете с нами! В Хлыни мы сдадим вас кому нужно, и пусть там решают, что с вами делать дальше.

Глеб покачал головой.

– Повторяю тебе, десятник, мы не поедем с вами.

Хворост прищурил темные глаза, усмехнулся и вдруг крикнул:

– К бою!

Охоронцы выхватили оружие, и в то же мгновение Глеб нажал на спуск. Стрела с жужжаньем вонзилась Хворосту в плечо, и тут же один из охоронцев метнул в Глеба копье. Глеб успел увернуться, но копье вышибло у него из рук скорострел.

– Руби их! – завопил, истекая кровью, десятник и ударил Глеба мечом.

Глеб снова сумел увернуться, но тут над ним нависли еще два всадника. Остальные устремились к Хлопуше, Рамону и Бровику. Глеб выхватил меч, высоко подпрыгнул и ударил ближайшего всадника мечом в бок. Затем мягко, по-кошачьи, приземлился на землю, развернулся и мощным ударом перерубил ногу второму всаднику.

Краем глаза он увидел, как Рамон рванулся вперед и добил упавшего с коня охоронца ударом кинжала в шею, а Хлопуша, забыв, должно быть, про меч, подхватил с земли увесистую палку и, выставив ее перед собой, как пику, стал теснить охоронца к деревьям.

Завязалась кровавая сеча. Глеб разил охоронцев мечом, не зная жалости и пощады. Удар. Еще удар. И еще. Меч Глеба бил точно в цель. Кровь хлестала из рассеченных тел охоронцев, они пытались подняться, но ловкий, как дьявол, Рамон добивал противников кинжалами, не давая им встать на ноги.

Не пожалел Глеб и коней. Одному из них он распорол мечом брюхо, второму перерубил передние ноги, третьему вонзил меч в шею, а затем добил его двумя мощными рубящими ударами. Уцелевшие два коня, едва не растоптав копытами Бровика, ускакали в лес.

Наконец, Глеб остановился, тяжело дыша и оглядывая поле битвы. Все пятеро охоронцев были мертвы.

Хлопуша и Бровик стояли у куста ракитника с бледными лицами. Хлопуша все еще держал палку, которую так и не успел применить в бою. Толмач Рамон, принявший самое непосредственное участие в схватке, был перепачкан кровью. Кровь капала с его острых кинжалов, блестела в его черных, как смоль, выющихся волосах.

– Кончено, – хрипло проронил Глеб и вытер рукавом куртки потный лоб.

– Да, – согласился Рамон. – Похоже на то.

– О, боги! – воскликнул вдруг Хлопуша, выходя из оцепенения. – Мы убили княжьих охоронцев!

Глеб вытер клинок пучком травы и вложил меч в ножны. Затем поднял взгляд на здоровяка и сказал:

– Они не охоронцы.

– Как не охоронцы? – изумился Хлопуша.

Глеб достал из кармана синее стеклышко и протянул здоровяку.

– Посмотри сам.

Хлопуша взял стеклышко и прижал его к глазу. И тут его широкое лицо побелело. Он попятился и задрожал.

– Можно мне? – Рамон взял стеклышко из дрожащих пальцев здоровяка, поднес его к глазу и посмотрел на одного из мертвых охоронцев.

– Донна Мария! – выдохнул он.

Вместо человеческого лица толмач увидел отвратительную харю упыря, изъеденную плесенью и гнилью. Рядом с ним лежал огромный упырь с клочковатой, грязной шерстью.

Толмач отнял стеклышко от глаза и взволнованно пробормотал:

– Это темные твари?

– Да, – ответил Глеб. – Стекло показывает их истинный облик.

Глеб поднял с земли скорострел и осмотрел его. Затем вытер с цевья грязь и сунул скорострел в кобуру.

– Чародей пытается остановить нас, – сказал он. – Для этого он натравил на нас упырей и оборотней. Ход интересный, но не слишком умный.

– Но эти... твари разговаривали с нами.

Глеб покачал головой.

– Нет. Нам казалось, что они с нами разговаривают. На самом деле твари просто стояли перед нами и выжидали момент, чтобы напасть. Вряд ли они сами соображали, что делают.

– Выходит, Пастырь наблюдает за нами? – понизив от страха голос, спросил Хлопуша.

Глеб вгляделся в черную чащобу и вдруг крикнул что было мочи:

– Эй, чародей!

– ...*ЧАРОДЕЙ... ЧАРОДЕЙ...* – гулко прокатилось по лесу эхо.

Эхо это было столь жутким и страшным, что Хлопуша и Бровик невольно поежились. Глеб прищурился и снова крикнул:

– Я иду за тобой, чародей! Ты слышишь!

– ...*СЛЫШИШЬ... СЛЫШИШЬ... СЛЫШИШЬ...* – отозвалось эхо.

Бровик коснулся пальцами плеча Глеба и попросил:

– Первоход, не надо больше.

– Да, сударь, – поддержал его Рамон, хмуро поглядывая на чащобу, – мне от этого эха тоже не по себе. Такое же эхо было в проклятом лесу Флавия, и никто из путешественников, попавших в этот жуткий лес, не выбрался обратно.

Глеб взглянул на Хлопушу.

– Ну а ты что скажешь, здоровяк? Тебя тоже пугает здешнее эхо?

– Меня пугает все, чего я не вижу и не могу попробовать на вкус, – признался тот. – А от этого проклятого эха у меня душа ушла в пятки.

Глеб поправил за спиной кобуру и сказал:

– Через несколько верст будет хижина. Там мы согреемся, поедим и переночуем.

– Поскорее бы, – сказал, натужно улыбнувшись, Бровик. – А то у Хлопуши такой голодный вид, что я просто боюсь идти с ним рядом.

– Тебе не стоит меня опасаться, паучок, – прогудел Хлопуша и тоже улыбнулся: – Ребрышкам и хрящам я предпочитаю грудинку и окорок.

Путники переглянулись и засмеялись, однако смех их прозвучал в этой черной чащобе столь страшно и противоестественно, что они вынуждены были его оборвать.

6

К хижине подошли уже затемно. Месяц еще не взошел, и в лесу было темно, словно у волколака в пасти.

В хижине Глеб чиркнул зажигалкой и зажег небольшой смоляной факел. Комнатка озарилась рыжеватым светом. Путники огляделись. В комнате было просторно. Помимо печурки, посреди пола располагался старый, обложенный камнями очаг. У дальней стены стояли деревянные потемневшие от времени идолы.

– Странная хижина, – сказал Хлопуша и повел могучими плечами. – Первоход, что это за идолы?

– Здесь когда-то было чудское капище, – ответил Глеб, разжигая печь.

– Никогда не видел здесь чудинов, – заметил Рамон.

Глеб задвинул заслонку и повернулся к своим спутникам.

– Я тоже. Но это было давно. Садитесь поближе к печке, сейчас будем ужинать.

Полчаса спустя, наевшись вяленого мяса и напившись травяного чая, путники растянулись на полу. Рамон тихим, печальным голосом читал стихи, прочие молчали.

– «Ведь для людей повсюду место гиблое, – тихо бормотал толмач. – Никто назад не вышел из спустившихся... в обитель вечной ночи и молчания».

– Эй, толмач, – сердито окликнул Хлопуша. – Может, хватит завывать?

– Вам не нравятся стихи?

– Нравится? Да мое брюхо урчит куда приятнее твоих завываний.

Рамон прищурил на здоровяка черные бархатистые глаза и сказал:

– Я не сержусь на вас, сеньор Хлопуша. В своей грубой жизни вы видели мало прекрасных вещей и, конечно же, при всем желании, даже если бы оно у вас было, не смогли бы отличить истинную красоту от полного безобразия.

– Это я-то не видел прекрасных вещей? Поверь, толмач, я видел больше жареных цыплят, чем ты блох в своих распрекрасных батистовых подштанниках. – Хлопуша зевнул и добавил: – Эх, сейчас бы молочного поросёночка... Да на вертеле... М-м...

– Хлопуша, – снова заговорил Рамон, – ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос.

– На какой?

– Если бы судьба забросила вас на необитаемый остров, на котором нет ни зверья, ни травы, ни деревьев. Чем бы вы там питались?

Хлопуша наморщил лоб.

– Даже не знаю, – ответил он после паузы. – Думаю, в этом случае мне пришлось бы набить брюхо камнями, как это делают утки и гуси.

– А когда кончатся камни? Что вы будете есть, когда кончатся камни?

Хлопуша усмехнулся.

– Боюсь, что тогда мне придется слопать себя самого.

– Достойное решение, – кивнул Рамон. – И с какого же фрагмента своего тела вы начнете? С окорочка или с филейной части?

Здоровяк нахмурился.

– Хватит меня доставать, толмач.

– Не злитесь, сударь, это была шутка.

– Я понял. Но в другой раз, толмач, тебе придется шутить с моим палахом, а он не большой любитель шуток.

Глеб, сидевший на расстеленном на полу соломенном тюфяке, вдруг напрягся и вскинул руку в предостерегающем жесте. Рамон, Хлопуша и Бровик насторожились.

– Что там, Первоход? – прошептал Бровик.

– Что ты услышал? – взволнованно спросил Хлопуша.

Глеб облизнул пересохшие губы.

– Кажется, к нам пожаловали гости.

– Гости? Какие гости?

– Пока не знаю. Но это точно не люди.

Хлопуша несколько секунд вслушивался в тихое завывание ветра за окном, потом пожал плечами и сказал:

– Но я ничего не слышу.

– Рамон, погаси факел, – распорядился Глеб.

Когда в комнате стало темно, Глеб скользнул к щели в ставне и осторожно выглянул наружу. В лунном свете он разглядел темные тени, окружающие хижину. Одна... Две... Три... Четыре... Пять... Глеб насчитал с десятков теней, но наверняка их было больше. То и дело в темноте вспыхивали красными, хищными огоньками глаза.

– Твою мать... – тихо выругался Глеб.

И вдруг пылающий глаз прильнул к щели с той стороны. Глебу показалось, что его лицо обдало гниlostным дыханием. Он отпрянул от щели, быстро прикрыл окно заслонкой и снова сел на пол.

– Что там, Первоход?
– Что-нибудь удалось разглядеть?
– Этих тварей больше, чем я предполагал, – ответил своим спутникам Глеб.
– Что мы будем делать? – спросил Рамон.
– Драться. – Взгляд Глеба остановился на лице Бровика, едва освещенном бликами от пылающей печурки. – Здесь есть подпол. Бровик, ты...
– Я пойду с вами, – быстро возразил Бровик.
– Вы совсем еще отрок, – сказал ему Рамон. – Переждите сечу в подполе. В этом нет ничего позорного.
– Даже не смей мне такого предлагать, толмач! Я владею мечом не хуже, чем ты своими дурацкими ножичками!
– Никто с этим не спорит, но...
– Хватит! – яростно прошептал Бровик. – Я буду драться. А если ты попытаешься меня остановить, я врежу мечом по твоей смазливой физиономии.
Глеб усмехнулся.
– Пусть будет по-твоему, ловчий. Теперь слушайте. Мы с Хлопушей выйдем первыми и попытаемся оттеснить тварей от хижины. Вы – за нами. Бровик, как только путь будет свободен, беги к реке. Там, слева от луки, в зарослях рогоза у меня спрятан челнок. Спусти его на воду, отплыви от берега и жди.
– Почему я?
– Потому что ты самый ловкий и быстрый из нас. Хлопуша – увалень, Рамон плохо знает лес. Сам видишь, что больше некому.
Бровик хмуро вздохнул и ответил:
– Добро. Я сделаю, как ты сказал.

7

– Все готовы?
– Да.
Глеб на секунду замер перед дверью, собираясь с духом, затем сдвинул засов, распахнул дверь и шагнул на улицу. Порыв холодного ветра бросил ему в лицо россыпь ледяных капель.
Лужайка перед хижинкой, тускло освещенная луной, была пуста. Но на границе чащобы, там, где черной, неприступной стеной стояли деревья, притаились враги. Их присутствие ясно угадывалось – по шорохам и легкому шепоту, доносившемуся из чащи, который не могли заглушить ни ветер, ни перестук дождевых капель, ни шум колеблемых ветром ветвей.
– Я ничего не вижу, – сказал Хлопуша. – Слышишь, Первоход, а может, там никого нет?
Глеб, держа в руках скорострел, пристально вгляделся в черную стену деревьев и велел:
– Подойдем поближе.
Он первым двинулся вперед. Шаг, другой, третий... Ничего не происходило. Дождь все так же стучал по листьям и траве. Ветви деревьев все так же поскрипывали на ветру.
Сердце Глеба билось учащенно. От холода и напряжения его слегка знобило. Он прошел еще пару шагов и вдруг остановился. Из-за дерева вышла темная фигура.
– Первоход! – воскликнул Рамон.
– Вижу!
Глеб прижал приклад скорострела к плечу и нажал на спусковой крючок. Стрела прошла голову твари насквозь, выбив из нее облако грязи. Существо, нелепо перебирая ногами, повалилось на куст бузины.
От черной стены деревьев отделилась еще одна фигура. Рамон ринулся ей навстречу и вскинул руки, в каждой из которых было по кинжалу. Лезвия кинжалов тускло сверкнули в

лунном свете, вспарывая гнилую плоть упыря.

Третий упырь шагнул на лужайку. Глеб нажал на спуск, и голова твари разлетелась вдребезги. Мгновение черная, безголовая фигура стояла неподвижно, затем рухнула на землю.

И тут твари ринулись со всех сторон.

Глеб едва успевал передергивать зарядную скобу скорострела. Стрелы впивались в черные тела упырей, вышибая из них фонтаны черной крови.

Толмач Рамон прыгал от упыря к упырю со скоростью рассерженной кошки и резал их кинжалами. Хлопуша махал мечом, рассекая упырей на части.

Трое рослых упырей выросли перед Рамоном почти одновременно.

– Сгиньте! – крикнул им толмач. – Во имя Отца... (Клинок кинжала взрезал упырю глотку.)

– И Сына... (Еще один упырь рухнул на землю с пронзенным сердцем.)

– И Святого Духа... (Третий упырь крутанулся волчком и повалился на орешник с распоротой грудью.)

– Аминь! – басовито крикнул Хлопуша и двумя ударами меча разнес в клочья черную тень, выросшую у него на пути.

Мужчины остановились, переводя дух. Ветер шуршал кронами деревьев. По листьям барабанил дождь.

– Кажись, все, – хрипло дыша, пробасил Хлопуша.

– Мы с ними расправились, – подтвердил, вытирая рукавом потный лоб, Рамон.

Лужайка перед хижинкой была усыпана черными упырьими телами. Глеб насчитал двенадцать штук. В отличие от своих спутников, Первоход не выглядел довольным.

– Слишком все просто, – негромко проронил он.

Едва он это произнес, как темные тени заворочались и стали медленно и бесшумно подниматься с земли.

Одна...

Вторая...

Третья...

Четвертая...

Пятая...

– Мы же их убили, – изумился Хлопуша.

Он попятился, быстро обмахнул лицо охоронным знаком и сипло прошептал:

– Великий Велес, укрой нас своей плащаницей!

Тени вырастали из земли, как грибы, – темные, молчаливые, страшные.

– Пресвятая Богородица, если это сон, сделай так, чтобы я проснулся! – воскликнул Рамон и перекрестился кинжалом.

Темные фигуры медленно двинулись на людей. Глеб сунул скорострел в кобуру и выхватил из ножен заговоренный меч Рудгор.

– Бейте их! – крикнул он и ринулся на упырей.

Темные фигуры падали под ударами меча, но тут же снова поднимались на ноги и продолжали наступать – медленно, неустрашимо, неуклонно.

– Почему они не умирают? – крикнул Хлопуша.

– Не знаю! – крикнул в ответ Глеб. – Я такого еще не видел!

Глеб, Рамон и Хлопуша, со всех сторон окруженные упырями, встали спиной к спине. Рамон вытер рукавом мокрое от дождя и крови лицо и сказал:

– Нам не прорваться.

– Похоже на то, – согласился Глеб.

– Да, – пробасил Хлопуша. Помолчал мгновение и вдруг сказал: – Сейчас бы жареную курочку. Двух лет жизни не пожалел бы за поджаристую куриную ногу и стакан хмельного меда.

Глеб усмехнулся.

– Прости, здоровяк, но, кажется, у тебя нет в запасе двух лет.

Темные фигуры были уже совсем рядом... И вдруг что-то произошло. Будто ледяная волна обожгла лицо и шею Глеба. Он на мгновение зажмурил глаза, а потом вновь открыл их.

Двенадцать темных тел по-прежнему лежали на поляне. Рядом, растерянно вертя головами, стояли Хлопуша и Рамон.

– Ну! – прокричал рядом звонкий голос. – Вы оклемались, или мне снова отхлестать вас по щекам?

Глеб тряхнул головой, окончательно приходя в себя, и уставился на Бровика.

– Что произошло? – хрипло спросил он. – Где упыри?

– Вы убили их!

– Но... – заговорил было Хлопуша, однако Глеб его перебил:

– Что ты видела, Бровка? Что здесь произошло?

– Вы стояли рядом – все трое. И... кажется, вы собирались перерезать друг друга.

Глеб тихо выругался и сказал:

– Чертов чародей снова обманул нас. – Затем вложил меч в ножны и мрачно изрек: – В хижину возвращаться не будем. К реке тоже не пойдем. Наш путь лежит к Моревским рудникам.

Минуту спустя все четверо уже шагали по темному лесу к реке, поеживаясь от морозящего дождика. Рамон нагнал Глеба. Некоторое время он молча шел рядом, а затем тихо сказал:

– Сударь, вы назвали юного ловчего Бровкой. Мне послышалось или...

– Или, – сказал Глеб. – Наш ловчий не парень. Он девка.

Несколько секунд Рамон молчал, затем качнул головой и усмехнулся:

– Удивительно, как я не заметил этого раньше. А Хлопуша знает?

Глеб качнул головой.

– Нет.

– Нужно ему сказать?

– Скажем. Но не сейчас.

– Хорошо, – согласился толмач. – Сделаете это, когда сочтете нужным.

Рамон снова приотстал и зашагал рядом с ловчим Бровиком. Теперь, узнав правду, он был преисполнен решимости защищать эту дьявольски смелую, но дьявольски неразумную девушку от бед и напастей, которые подстерегали их на каждом шагу.

8

Уже несколько часов путники без усталости шли по лесу. Небо над деревьями выцвело, предвещая скорый рассвет.

Пару раз на пути у странников возникали упыри, и Глеб безжалостно разделялся с ними. Один раз из зарослей вереса на путешественников бросился волколак, но Первоход, выхватив из кобуры скорострел, пустил ему в морду три стрелы, а затем добил истекающую кровью тварь мечом.

Рамон был бледен, но сосредоточен. На мальчишеском лице Бровика застыла маска страха, и он уже не стеснялся ее. Добытчик Хлопуша выглядел увереннее своих неопытных спутников и изо всех сил старался быть похожим на Глеба. Так же хмурил лоб, так же прищуривал глаза, оглядывая траву и ветви деревьев, так же откидывал со лба прядь волос. В конце концов Рамон заметил ему:

– Друг мой, эти жесты не сделают тебя похожим на Первохода. Но, подражая ему, ты рискуешь потерять свое собственное лицо.

Хлопуша проворчал в ответ что-то сердитое и неразборчивое, но копировать Глеба перестал.

За две версты от Моревских рудников путешественники сделали привал. Дали отдых уставшим ногам, подкрепились вяленным лосиным мясом. Когда друзья снова собрались в путь, внимание их привлек какой-то странный звук, донесшийся из глушняка. Звук был похож на плач ребенка.

– Что это? – тревожно спросил Бровик.

– Кажется... ребенок, – неуверенно ответил ему Рамон.

– Чепуха! – заявил Хлопуша. – Откуда здесь взяться ребенку?

Рамон взглянул на Глеба.

– Первоход, это ведь ребенок?

Вместо ответа Глеб вынул из-за ворота кожаный мешочек, висевший на льняной веревочке, ослабил тесьму и высыпал из мешочка на ладонь немного сухой травы. Затем убрал мешочек обратно под рубашку и протянул траву Рамону.

– Подставь ладонь, толмач.

Рамон сделал, как он велел. Глеб пересыпал ему на ладонь траву и вытер руку о штанину.

– И что я должен с этим делать? – с легким удивлением спросил Рамон, осматривая траву.

– Ты должен это съесть, – сказал Глеб. И пояснил: – Это пробуди-травы. Она поможет тебе сохранить ясность ума.

– Зачем?

– Затем, что хотя бы один из нас должен бодрствовать, если другие уснут.

– Первоход, я...

– Помогите! – донесся вдруг из леса сдавленный детский голосок.

Глеб поправил на поясе меч и сказал:

– Ступайте за мной, но держитесь шага за два.

Затем повернулся и зашагал в чащобу. Рамон, Бровик и Хлопуша, пропустив Первохода вперед, последовали за ним.

Пытаясь вычленив из лесных звуков детский плач, они не заметили других, более тихих, но более зловещих звуков. Валежник дважды треснул под мощными, когтистыми лапами трех голодных чудовищ, чьи пылающие злобой глаза внимательно и зорко следили за четверкой странников из-за густого, колючего кустарника.

Пройдя по чащобе четверть версты, путники внезапно вышли на довольно большую полянку. Посреди полянки сидел маленький мальчик в дырявой рубахе и рыдал в ладони.

– О, боги! – выдохнул Хлопуша. – И впрямь, дите!

Он быстро двинулся к мальчику. И тут мальчишка перестал плакать, вскочил на ноги и со скоростью распрямившейся пружины бросился на Хлопушу. С голодным рычанием маленький упырь попытался вцепиться ему зубами в руку. Однако верзила был вовсе не так неуклюж, как казалось. Он увернулся от зубов упыренка и пнул его ногой в живот. Упыренка, клацнув зубами, взвился в воздух, пролетел две сажени и упал в грязевую плешь. Грязь тут же пришла в движение, обвила упыренка черными, мокрыми, блестящими лапами и стала пожирать.

Упыренка бился и кричал, но грязь цепко держала его в своих лапах, быстро объедая тело и начисто обгладывая кости.

– Господи Боже мой... – упавшим голосом пробормотал Рамон, глядя, как тает тело упыренка. – Что это такое?

– Голодная прогалина, – ответил Хлопуша, сжимая в руке меч и хрипло дыша.

За спиной у них тихо прошелестели ветви. Глеб мгновенно обернулся. Клинок его меча тускло сверкнул в свете восходящего солнца. Оборотни, выскочившие из кустов, резко остановились и с ужасом уставились на меч. Бурая шерсть на их мощных загривках встала дыбом, из глоток вырвалось глухое рычание.

– Не нравится? – крикнул Глеб.

Он шагнул вперед и рубанул ближайшего оборотня мечом по оскаленной пасти.

Оборотень рухнул на землю с развороченной мордой. Второй повернулся и крупными прыжками скрылся в чаще.

– Сударь! – заорал Глебу на ухо знакомый голос. – Сударь, очнитесь!

Глеб тряхнул головой и повернул голову на голос.

– Рамон?

Толмач смотрел на Глеба странным взглядом. Смуглое лицо Рамона побледнело, на лбу у него выступили бисеринки пота.

– Рамон, что случилось? Где Бровик и Хлопуша?

– Они здесь, но я не смог их разбудить.

Глеб взглянул туда, куда указывал Рамон. Хлопуша и Бровик лежали на траве. Глаза их были закрыты. Они и впрямь спали.

– Рамон, я...

И вдруг до слуха Глеба долетел чей-то дребезжащий старческий голосок. Глеб быстро повернулся. В паре саженей от него тощая старуха копошилась в траве, явно что-то разыскивая.

– Мамелфа! – выдохнул Глеб. – Какого черта здесь происходит?

Ведьма выпрямилась и взглянула на него. Несколько секунд она тарасилась на Глеба злобными морщинистыми глазками, затем пробормотала:

– Я тебя не трогаю, Первоход, и ты меня не трогай.

– Какого черта ты тут делаешь, ведьма?

– Разве ты сам не видишь? Ищу эдельфийский цветок. Он нужен мне для приворотного зелья. Не мешай мне, ходок. Ступай своей дорогой.

В душе Глеба поднялся гнев.

– Ах ты, карга! – прорычал он, выхватил из кобуры ольстру и шагнул к ведьме.

Ударом приклада он сбил старуху с ног и тут же прижал ее тощую голову сапогом к земле.

– Какого лешего тебе от меня надо! – прошипела старуха, скосив на него злобные слезящиеся глазки.

Глеб приставил к тощей голове ведьмы дуло ольстры.

– Я убью тебя, тварь, – процедил он.

Ведьма усмехнулась, ощерив гнилые, сочащиеся кровью зубы.

– Лучше помоги мне найти эдельфийский цветок! – прошипела она с усмешкой. – Я ищу его уже две ночи. Принеси мне этот цветок – и я помогу тебе найти Пастыря!

– Я приношу цветы только на могилы, – прорычал Глеб и нажал на спусковой крючок.

Громыхнул выстрел, и голова ведьмы разлетелась на куски. Глеб стряхнул с сапога сгусток ведьминской крови и вложил ольстру в заплочную кобуру.

За спиной у него послышался шорох. Глеб оглянулся и увидел своих спутников. Они стояли под кустом бузины и с изумлением смотрели на мертвую ведьму.

– Кто она? – тихо спросил Бровик.

– Ведьма Мамелфа, – ответил Глеб, обтирая носок сапога об траву. – Собираательница сердец. Не думал, что наткнушь на нее здесь.

– А что она здесь делала?

– Искала цветок для своего ведовского варева.

– Ты жестоко расправился с ней, – сказал Рамон.

– Верно, – кивнул Глеб. – Но не стоит жалеть эту тварь. Если бы ты знал, сколько людей она...

И вдруг ведьма зашевелилась на земле и стала медленно подниматься, шаря в пустоте морщинистыми руками.

– Первоход! – испуганно вскрикнул Хлопуша.

Глеб обернулся. На окровавленной шее ведьмы вздулся пузырь крови и стал стремительно разрастаться, и вот уже не пузырь, а новая морщинистая голова крепко села на старческих сутулых плечах и моргала на Глеба злобными глазками.

Глеб отступил на шаг и процедил сквозь зубы:

– Что, тварь? Никак не угомонишься?

Он выхватил из кобуры ольстру, нацелился ведьме в лицо и нажал на спуск. Когда дым от пороховых газов рассеялся, ведьма выплюнула сплюснутую пулю на траву и захихикала.

Глеб снова вскинул ольстру. Загрохотали выстрелы. Ведьма подскочила на месте, развернулась и с омерзительным хихиканьем бросилась наутек, лавируя и петляя по траве, как заяц. Добежав до зарослей орешника, она нырнула между ветвями и скрылась из глаз.

Разрядив весь магазин и так и не добившись успеха, Глеб опустил ольстру.

Спутники Глеба стояли там же, где и прежде. Все трое были белы, как полотно.

– У ней выросла новая голова... – с ужасом пробормотал Хлопуша. – Ты видел?

– Видел, – хмуро отозвался Глеб. – С ведьмами такое случается. Нужно убираться отсюда поскорее, пока они...

Внезапно он осекся.

– Пойдите... – Глеб посмотрел на ольстру и почувствовал, как волосы на его голове шевельнулись от ужаса. – Откуда у меня ольстра? Я ведь оставил ее у кузнеца Вакара.

Он поднял голову и взглянул на то место, где только что стояли его друзья. Теперь на этом месте торчали из земли три сухие коряги.

– Боже... – тихо прошептал Глеб. – Это все не по-настоящему. Я сплю, и мне снится кошмарный сон. Рамон, если ты слышишь меня – помоги мне проснуться!

– Сударь! – услышал Глеб и вздрогнул.

Прямо перед собой он увидел Рамона.

– Что... – Глеб осекся и, сделав над собой усилие, хрипло договорил: – Что происходит? Где Хлопуша и Бровик?

– Они здесь, но я не смог их разбудить.

Глеб взглянул на полянку. Хлопуша и Бровик лежали на траве с закрытыми глазами.

– Боже... – прошептал Глеб. – Такое ощущение, будто я обдолбался наркотой. Где ведьма?

На лице Рамона промелькнуло удивление.

– Ведьма?

– Да, ведьма. Она только что была здесь.

– Здесь никого не было, сударь. Мы слышали детский плач и пришли сюда. Потом вы вдруг остановились. Хлопуша и Бровик упали на землю, а вы, сударь мой, остались на ногах, но будто окоченели.

Глеб сглотнул слюну.

– И сколько времени я так стоял?

– Недолго. Меньше минуты.

Глеб провел ладонью по лицу, будто смахивал с него невидимую паутину.

– Надо разбудить Хлопушу и Бровика.

– Я уже пытался, но ничего не вышло.

Глеб подошел к лежащим на траве друзьям и присел рядом с ними. Затем достал из-под рубахи кожаный мешочек, развязал тесьму, вынул щепотку сухой травы и осторожно протолкнул ее между приоткрытыми губами Бровика. Потом проделал ту же операцию с Хлопушей.

Прошло несколько секунд, и лица их начали меняться. Смертельная бледность сошла с них. Еще секунда – и вот уже оба открыли глаза.

Усевшись на траве, Хлопуша и Бровик принялись тереть кулаками глаза. Глеб подождал, пока они придут в себя, и спросил:

– Что вы видели?

Хлопуша уставился на него красными, воспаленными глазами и с трудом ответил:

– Я видел жареного поросенка на серебряном блюде. Я пытался его ухватить, но он все время ускользал от меня. А потом... Потом он набросился на меня и стал рвать мне зубами в кровь руки.

– А ты? – обратился Глеб к Бровику.
– Я?.. Я видел своих братьев. Они были в крови. И они звали меня к себе... Что все это значит, Первоход?
– Пастырь играет с нами, – сухо пояснил Глеб. Затем скрипнул зубами и добавил: – Клянусь Сварогом, эти развлечения дорого ему обойдутся.
– Когда мы отыщем чародея, я всажу ему в сердце меч! – яростно воскликнул Бровик.
– А я разможу этому негодяю череп! – пробасил Хлопуша, скрипнув зубами.
Рамон убрал кинжалы за пояс, нахмурился и устало проговорил:
– Будем надеяться, что мы доберемся до него раньше, чем он до нас.

9

Были уже сумерки, когда путники подошли к Моревским рудникам.
– Еще никогда я не шел по Гиблой чащобе так быстро, – сказал Глеб, мягко шагая по валежнику. – Такое ощущение, будто кто-то нарочно расчищает нам путь и делает его легче.
– Но мы сражались с оборотнями и упырями, – возразил Рамон.
Глеб усмехнулся:
– Всего пару раз. Это не в счет.
Пройдя еще несколько шагов, Глеб сделал своим спутникам знак остановиться и огляделся. Лес здесь был совсем черный и влажный, а по земле стлался белый туман. Глядя на этот туман, Рамон тихо пробормотал:
– Много морей переплыв и увидевши много кошмаров... друг мой, достиг я теперь грустной гробницы твоей.
– Гробницы будут на погосте, – сказал на это Глеб. – А здесь, у Моревских рудников, обычно полным-полно другой пакости.
– Ты говоришь о волколаках?
– Да. Но что-то мне подсказывает, что мы с ними не столкнемся.
– Сударь, вы думаете, что Пастырь нарочно облегчает нам путь?
– Похоже на то.
– Должно быть, он хочет, чтобы мы поскорее пришли в Кишень-град?
– Думаю, да.
– Но зачем это ему? – недоуменно спросил Хлопуша.
Глеб нахмурился и ответил:
– Кабы я знал.
Здоровяк передернул широкими плечами.
– Признаюсь, мне от этого как-то не по себе.
Еще с минуту Глеб вглядывался и вслушивался в сумеречный лес, затем приказал:
– Доставайте мечи. Рубите каждую тварь, которая осмелится встать у нас на пути.
Пошли!
Пройдя с полверсты, Глеб снова остановился и поднял руку в предостерегающем жесте. Прошло несколько секунд, прежде чем спутники Глеба разглядели то, что уже видел он.
– Волколаки, – прошептал Рамон.
И был прав. По земле стлался белый туман, и в нескольких местах над этим туманом возвышались черные фигуры. Плоские морды, похожие на человеческие лица, были обращены к путникам.
Звери, а было их не меньше десятка, стояли неподвижно и безмолвно, словно высеченные из черного камня.
Глеб осторожно поднял скорострел и взял на прицел самого крупного волколака.
– Что нам делать, сударь? – шепотом спросил Рамон.
– Идите за мной след в след, – так же шепотом ответил Глеб. – И будьте наготове.
Легко сказать – будьте наготове. Шагая за Первоходом, Хлопуша бледнел и потел от

ужаса, ведь дорога шла прямо мимо черных тварей. Ноги его сделались ватными, и он их почти не чувствовал.

Толмач Рамон тоже выглядел скверно. Губы его были плотно сжаты, а левая щека слегка подергивалась.

Волколаки медленно поворачивали головы, внимательно следя за передвижением путников, но сами с места не трогались. До тварей оставалось всего две сажени, когда Бровик вдруг остановился.

Глеб взглянул на Бровика и тихо спросил:

– Что случилось?

– Ноги... Они меня не слушаются.

Заостренные уши тварей приподнялись и напряглись. Увидев это, Бровик пошатнулся и схватился за плечо Глеба. Самый крупный зверь зарычал и, вперив в Бровика злобный взгляд, слегка сдвинулся с места. Палец Глеба, лежащий на спусковом крючке, напрягся. Волколак остановился и, приподняв голову, понюхал воздух.

«Они нас не видят, – догадался вдруг Глеб. – И почти не чувствуют. И все же они догадываются, что мы здесь».

– Хлопуша, – тихо позвал Глеб. – Возьми Бровика на руки.

Здоровяк кивнул, шагнул к Бровику и легко, как пушинку, поднял его.

Путники медленно двинулись дальше. Еще пять минут они шли через белое поле тумана, из которого торчали тощие деревья, а между ними – застывшие, как статуи, черные фигуры волколаков. Затем туман стал реже, а почва под ногами тверже.

Минут десять спустя, когда туман и волколаки остались далеко позади, Глеб облегченно вздохнул и подумал: «Ушли».

Еще пятнадцать или двадцать минут прошли в томительной и напряженной тишине. Наконец, Глеб остановился и сказал:

– Все. Теперь можно отдохнуть.

Рамон обернулся, взглянул в темный сумеречный лес и опасливо возразил:

– Волколаки могут идти по нашим следам.

– Могут. Но не идут. Иначе бы я их почувствовал.

– Как?

Глеб усмехнулся и ответил:

– Носом.

– Хлопуша, опусти меня на землю! – попросил Бровик.

Здоровяк бережно, словно обращался с хрупкой вещью, поставил его на ноги, потом взглянул в худенькое, конопатое лицо и насмешливо проговорил:

– Мне было не тяжело. Ты не первая девка, которую я таскаю на руках.

Лицо Бровика вспыхнуло.

– Так, значит, ты...

– Да, – кивнул Хлопуша. – Я давно догадался. Еще до того, как Первоход назвал тебя Бровкой. Но ты, Бровка, не бойся. Когда мы вернемся в Хлынь-град, я позабуду, что ты девка, и никому тебя не выдам.

Здоровяк подмигнул девушке, потом повернулся к Глебу и сказал:

– Волколаки нас не тронули. Ты был прав. Что будет впереди?

– Кишенский жальник, – ответил Глеб, снимая с пояса флягу с водой. – Огромный погост, на котором захоронены сотни мертвецов.

– И все они упыри?

– Возможно. – Глеб отхлебнул из фляги и передал ее Бровке. – До заката осталось совсем немного. Надо попытаться пройти через жальник до того, как тьма сгустится.

– Да, но тогда мы попадем в Кишень-град в темноте, – предположил Рамон.

– Верно. Но это уже не будет иметь значения.

– Почему?

– Темные твари не сунутся в мертвый город. Нелюди зарыли там множество

амулетов-оберегов, переступить через которые лесная нечисть не в силах.

Фляга с водой прошла по кругу и снова вернулась к Глебу. Он сделал еще глоток, завинтил ее и вновь повесил на пояс. Потом стянул с плеч плащ, бросил его на траву и сказал:

— Отдыхаем пять минут. Потом двигаемся дальше.

Глава седьмая Последняя схватка

1

Толмач Рамон окинул взглядом кресты, надгробия, домовины и прошептал:

— Так вон ты какая — обитель вечной ночи и молчания!

Из-за каменной, полуразрушенной домовины вышел мертвец в дырявом, пропитанном грязью рубище. Он остановился и стал вертеть головой, не то прислушиваясь к чему-то, не то принюхиваясь. Лицо его наполовину сгнило, и там, где положено быть щекам, желтели полустертые, измазанные глиной зубы.

Рамон выхватил из ножен кинжалы и шагнул к упырю, но Глеб положил ему руку на плечо и сказал:

— Нет. Он нас не видит.

— Но он пытается нас найти.

— Пусть. Упырь испытывает тревогу, но не может понять, что его беспокоит.

И они осторожно двинулись дальше. Еще трижды им попадались на пути упыри, но ни один из мертвецов, несмотря на явное беспокойство, не смог учуять путников.

Наконец, они вышли с погоста. Впереди был Кишень-град.

— Какое здесь странное небо, — сказала Бровка, глядя на багровый небосвод. — Как будто подсвеченное заревом пожара.

— Первоход, ты, должно быть, уже привык ко всему этому? — поинтересовался, боязливо поглядывая вокруг, Хлопуша.

— К этому нельзя привыкнуть, — сухо обронил Глеб.

По мертвому городу передвигались уже в темноте. В багровом свете, льющемся на город с ночного неба, Кишень-град выглядел неестественно красиво и жутко. Развалины зданий, белеющие в сумраке, казались призрачными.

Башня, про которую рассказывала Глебу вещунья Голица, находилась примерно в двух верстах от границы города. Она возвышалась над подклетами и полуразрушенными стенами, будто огромный широкоплечий великан с отрубленной головой.

Глеб и Хлопуша шагали чуть впереди, обнажив мечи и зорко оглядывая все вокруг. За ними шла Бровка. А замыкал шествие толмач Рамон. В руках его поблескивали кинжалы. Шагая по узкой незарастающей тропке, он то и дело бросал по сторонам тревожные, недоверчивые взгляды. За каждой полуразрушенной белокаменной кладкой, за каждым поросшим мхом валуном ему чудилась опасность.

Путники прошли уже версту, когда земля под их ногами дрогнула, и вдруг прямо поперек тропы, разделяя Глеба с Хлопушей и Рамона с Бровкой, с треском пробежал глубокий раскол.

Рамон схватил Бровку за руку и дернул на себя, и тут раскол у ее ног с грохотом расширился, превратившись в узкую длинную яму.

На дне ямы кто-то громко застонал. Рамон заслонил собою Бровку, затем нагнулся и заглянул вниз. На дне ямы царил мрак, но ему показалось, что он увидел светлые очертания человека.

— Рамон... — позвал снизу голос. — Рамон, мальчик мой, это я... твой отец... Мариус

Гандольфини.

– Отец! – изумленно воскликнул Рамон.

– Да... Язычники сожгли наш дом и ранили меня... Но я жив... Помоги мне, сынок...
Вытащи меня отсюда...

Бровка вцепилась пальцами Рамону в плечо и попыталась оттащить его от края ямы, а Глеб выругался и побежал вдоль края раскола, отделившего его от Бровки и толмача, чтобы обойти трещину вокруг.

– Рамон! – окликнула Бровка. – Рамон, что с тобой?

– Он зовет меня, – глухо проговорил толмач, вглядываясь во тьму.

– Кто? – удивилась Бровка. – Кто зовет тебя? Я ничего не слышу!

– Это мой отец. Я должен ему помочь.

– Рамон, там никого нет! – крикнула Бровка. – Это тебе только кажется!

– Я должен ему помочь, – угрюмо повторил толмач и оттолкнул от себя Бровку.

– Помочь, – снова пробормотал он, опускаясь на колени. – Надо ему помочь.

– Рамон, нет! – рявкнул Глеб, огибая край раскола.

Толмач вздрогнул, и на мгновение взгляд его прояснился, но тут голос со дна вновь позвал его:

– Рамон, мальчик мой, я ранен... Спустись и помоги мне выбраться...

– Да-да, – растерянно проговорил толмач. – Я сейчас...

Он подался к влекущей его тьме. Бровка схватила толмача за широкий пояс и рванула на себя. Рамон зашатался на краю ямы, повиснув на поясе и глядя расширившимися глазами во тьму раскола.

Пояс угрожающе затрещал, но тут на помощь Бровке подоспел Глеб – он ухватил парня за плечи и одним мощным рывком отшвырнул его от разлома.

Наваждение прошло. Рамон тряхнул головой и, удивленно взглянув на Глеба, спросил:

– Что это было?

– Ловушка. Как ты себя чувствуешь?

– Tutto e' bene quel che finisce bene... – пробормотал толмач. – Все хорошо, что хорошо кончается.

– Тогда вставай на ноги и пошли. В мертвом городе нельзя долго стоять на одном месте. А уж тем более сидеть.

Глеб помог Рамону подняться на ноги. Втроем они осторожно обошли разверзшуюся яму, стараясь держаться подальше от края раскола, и присоединились к Хлопуше, который все это время стоял возле большого валуна с перекошенным от страха лицом.

Дальше пошли с еще большей осторожностью и в полном молчании. Но вдруг Рамон остановился.

– Шрамы, – пробормотал он. Потом посмотрел на Глеба напряженным взглядом и окликнул: – Первоход!

Глеб остановился:

– Что еще?

– Когда ты подавал мне руку, я увидел на твоём запястье шрамы.

– Ну да. У меня есть шрамы. И что?

Даже в багровом тусклом свете стало видно, как побледнело лицо толмача, как сошлись на переносице его черные брови и как вздулись желваки на его щеках.

– Значит, это был ты? – хрипло проговорил он.

– Что? – не понял Глеб. – О чем ты?

– Ты убил мою Улиту. Ты задушил ее, чудовище!

Смертоносные кинжалы тускло сверкнули в руках толмача.

– Ты ошибаешься, Рамон. Я не...

– Твои шрамы, – проговорил толмач обескровленными губами. – Они тебя выдали. О, коварство!

Глеб досадливо поморщился, потом перевел взгляд на башню и сказал:

– Слушай, сейчас не время сводить счеты. Мы почти у це...

– Ты знал Улиту? Отвечай!

– Знал. Но я...

Лицо Рамона страдальчески дернулось.

– О, пропасть ада, поглоти меня! – прошептал он. – Вытаскивай свой меч, мерзавец, и защищайся!

– Я не хочу с тобой драться, – сказал Глеб.

– Не хочешь? Ну, так тебе придется!

И с этими словами Рамон бросился на Глеба. Хлопуша и Бровик попытались остановить его, но он выскользнул из их рук, как гибкий уж, и нанес Глебу молниеносный удар. Однако ярость сделала движения толмача не такими выверенными и точными, как обычно, и Первоход сумел увернуться.

Перехватив руку Рамона, он резко вывернул ее, выбил из второй руки другой кинжал и повалил толмача на землю.

– Теперь тебе придется меня выслушать, – сказал он, заломив Рамону руки за спину. – Я не убивал Улиту, понял?

– Но ее брат сказал, что это ты!

– Ее брат? – По лицу Глеба пробежала тень. – Опиши мне его.

– Невысокий... Коренастый.

– С лысоватой головой и недобрым взглядом?

– Да.

Уголки губ Глеба дернулись.

– Это Молчун. Хлопуша, расскажи ему!

– Молчун – мой старший брат, – прогудел здоровяк. – И он... он сожитель Улиты.

– Что значит «сожитель»? – прохрипел толмач.

– Они жили вместе, – сказал Глеб. – Как муж и жена. Не удивлюсь, если это он ее и задушил.

– Хочешь сказать, что я говорил с убийцей Улиты и отпустил его?

– Видимо, так.

Несколько секунд Рамон молчал, потом негромко попросил Глеба:

– Отпусти меня.

– А ты больше не будешь бросаться на меня с ножами?

– Нет.

Глеб выпустил руки толмача и выпрямился. Рамон медленно поднялся с земли, с хмурым видом отряхнул камзол. Потом посмотрел на Глеба и сухо изрек:

– Примите мои извинения, сударь.

– Принимаю.

Глеб повернулся, чтобы продолжить путь, но вдруг остановился и схватился рукою за грудь.

– Черт! – с досадой проговорил он. Затем быстро сунул руку под рубаху и вынул из-под нее льняную веревку. Кожаного мешочка с пробуди-травой не было.

Глеб быстро огляделся, увидел лежащий в пыли мешочек и быстро опустил его рядом с ним.

– Черт! – снова выругался он. – Трава рассыпалась!

Он попытался собрать пробуди-траву в щепотку, но пересушенная трава рассыпалась у него под пальцами и смешивалась с сухой землей.

Глеб яростно ударил кулаком по земле и гневно воскликнул:

– Чертов толмач! Из-за тебя мы остались без пробуди-травы!

– Сударь, я...

– Что ты?! Только и можешь размахивать своими дурацкими кинжалами!

Бровка подошла к Глебу и положила ему на плечо узкую ладонь.

– Не надо, Первоход, – произнесла она дрогнувшим голосом. – Мы одолеем Пастыря.

– Одолеем? Как?

Бровка улыбнулась бледными от усталости губами.

– Не знаю. Но нас четверо, а он один. И мы... Мы не дадим друг друга в обиду. Верно?

Глеб усмехнулся:

– Верно, Бровка. Я не позволю Пастырю обидеть вас. – Он поднялся с земли, поправил ножны и сказал: – Идем дальше. И не сходите с тропы ни на шаг.

2

Багровое небо, белые обломки зданий, поросшие мхом камни... Тоскливо и муторно было на душе у Глеба. Словно за всей этой фантастической декорацией скрывалось что-то, чего он никак не мог разглядеть.

«Если вдуматься, все это настоящий бред, – думал Глеб, шагая по узкой тропке, вьющейся между разрушенными фасадами. – Я здесь, в древней Руси. В настолько древней, что и Руси-то еще никакой нет. Иду по мертвому городу и знаю, что за спиной у меня – упыри и волколаки, а впереди – колдун, собравшийся покорить мир и сделать его своей игрушкой. Может, все это сон? Вот проснусь сейчас и...»

На тропе прямо перед Глебом выросла высокая фигура. Глеб остановился. Ни страха, ни волнения он почему-то не почувствовал.

– Кто ты? – спросил Глеб незнакомца. – Ты Пастырь?

– Разве ты видишь на мне белую хламиду?

Глеб вгляделся в темные черты призрачной твари и побледнел от ужаса.

– Прочь! – крикнул он, молниеносно выхватил из ножен меч и рубанул по своему двойнику.

Порыв воздуха, вызванный движением клинка, развеял фигуру. Но она тут же стала сгущаться снова. И вот уже собственное лицо Глеба усмехнулось ему, а его собственные губы негромко и насмешливо произнесли:

– Не так быстро, приятель. И хватит корчить из себя крутого ходока. Ты не Первоход. Ты просто жалкий борзописец Глеб Орлов.

– Заткнись!

Двойник качнул головой и, усмехаясь, продолжил:

– Никто не воспринимает тебя всерьез, даже твои собутельники. Для них ты просто Орлуша – потаскун и пьяница, с которым можно неплохо провести вечерок, но с которым не стоит говорить о серьезных вещах.

– Я сказал – захлопни пасть!

– Когда-то давно ты мечтал стать настоящим журналистом. Сенсации, разоблачения, встречи с интересными, талантливыми людьми. Идеи, пот и кровь родной страны... Ты хотел что-то сделать и что-то значить. Но ты не значишь ни черта. Ты никто. Ноль. И я никак не возьму в толк, зачем ты рвешься домой?

– Я не ноль. Гиблое место сделало меня сильным.

– Гиблое место? – Двойник насмешливо приподнял брови. – Глупец. Оно выжгло твою душу, и теперь ты пуст. Ты давно ничего не чувствуешь, Орлуша. Ты не различаешь добра и зла. Ты не черный и не белый. Ты просто темный, как любая здешняя тварь. Знаешь, что я думаю? Что тебе лучше остаться здесь. Навсегда.

Двойник улыбнулся улыбкой, от которой по коже Глеба пробежал мороз, и сказал:

– Опусть свой меч, приятель. Ты не можешь убить сам себя.

Глеб послушно опустил руку. Жестокие слова, сказанные двойником, смяли в комок его душу и лишили его воли. Он не чувствовал в себе сил сопротивляться.

И вдруг кто-то резко тряхнул Глеба.

– Первоход! Сударь, очнитесь!

Глеб качнул головой и захлопал ресницами. Прямо перед собой он увидел взволнованное лицо толмача Рамона.

– Что... случилось?
– Вы задумались, свернули с тропки и едва не свалились в яму.
Глеб опустил взгляд и увидел у своих ног черную дыру, похожую на нору какого-то зверя.
– Вам что-то привиделось? – спросил Рамон.
– Да... Вроде того. Но теперь все в порядке. Спасибо, что уберег меня от ловушки, толмач.

3

Все произошло просто, почти буднично. Они приблизились к полуразрушенному храму и, задрав головы, взглянули на башню. И сразу увидели Пастыря. Белый чародей стоял на каменном балконе, но был там не один. Рядом с ним, прижавшись к Пастырю, словно испуганный зверек, стоял худенький мальчик лет девяти-десяти. Белая длань Пастыря лежала у мальчика на плече.

– Ты пришел, Первоход! – крикнул белый чародей. – Я рад тебя видеть!
– Зайдите мне за спину, – тихо приказал друзьям Глеб.

Хлопуша, Бровик и Рамон послушно отступили на пару шагов. Глеб снова задрал голову и крикнул:

– Что это с тобой за мальчишка, колдун?
– Этот? – Пастырь усмехнулся. – Это мой приемный сын. Я нашел его недалеко от Гиблой чащобы. Он скитался по лесу, питаясь диким медом и акридами. Я пригрел его, накормил и сделал своим сыном.

– А он? Что он сделал для тебя? Ведь ты ничего не делаешь просто так!

Пастырь улыбнулся:

– Ты прав. Этот мальчик мне помог.

– В чем?

– А вот об этом тебе лучше не знать.

Пастырь погладил мальчишку ладонью по голове. Глеб шагнул вперед и дерзко проговорил:

– Ты ничего мне не сделаешь, колдун! Темные твари, которыми ты управляешь, не смогут войти в Кишень!

– Темные твари? – Пастырь усмехнулся. – А кто тебе сказал, что я призвал на помощь темных тварей?

Чародей посмотрел на мальчика и снова погладил его по волосам.

– Ну что, малыш? Покажем этому наглому безбожнику, на что мы с тобой способны?

Мальчик кивнул. В ту же секунду ворота башни с грохотом распахнулись, и из черного проема шагнула на поляну темная фигура. Это был высокий человек в черном плаще, подпоясанным льняной веревкой. В руке он держал нечто, похожее на бердыш и косу одновременно. Лицо человека было скрыто наголовником, но Глеб и так знал, с кем имеет дело.

– Жрец Нуарана! – выдохнул он и невольно попятился.

Из черного провала вышел еще один жрец. А потом еще один. И еще. Жрецы продолжали выходить из ворот башни, заполняя площадь.

– Первоход, что происходит? – спросил Хлопуша, с испугом глядя на темные фигуры в длинных плащах, с надвинутыми на лица наголовниками.

Глеб облизнул пересохшие губы и ответил:

– Пастырь подчинил себе жрецов Наурана.

– Кто они?

– Нелюди. Лучшие из нелюдей.

– Но нелюдей не осталось!

Глеб мрачно усмехнулся.

– Как видишь, остались. Они прямо перед тобой.
Глеб отступил еще на шаг, снова задрал голову и прокричал:
– Ты прикажешь жрецам убить нас?
– Не бойся, Первоход! – спокойно ответил Пастырь. – Тебя они не убьют! Ты нужен мне живой!

– А что будет с моими друзьями?
– Прости, но они мне не нужны. Жрецы Нуарана! – крикнул Пастырь и воздел руки. – Вы много столетий охраняли божество! Но настоящее божество – это я! И я приказываю вам: приведите ко мне Глеба Первохода! А тех, кто пришел с ним, – убейте!

– Рамон, Хлопуша, Бровик! – крикнул Глеб. – Спрячьтесь за камни!
Жрецы, вскинув огромные косы, двинулись в атаку. Они шли молча и спокойно, словно огромные бездушные големы, готовые сокрушить любого, на кого им укажет хозяин-демиург.

Глеб сунул руку в карман куртки и достал крохотный черный шарик. Вскинул его над головой и крикнул:

– У меня в руке *собирабель* ! Если я сожму его – вам конец! – Глеб поднял взгляд на Пастыря, по-прежнему стоявшего на балконе, и добавил: – И мне тоже! Я ведь нужен тебе живым, колдун!

Длинное лезвие косы просвистело у Глеба над головой.

– Хватит! – крикнул с балкона Пастырь и громко хлопнул в ладоши.

Жрецы остановились.

– Ступайте прочь, жрецы Нуарана! Я больше не нуждаюсь в вашей помощи!

Жрецы опустили свои страшные косы, повернулись и зашагали к лесу.

Глеб проводил их хмурым взглядом, а когда снова взглянул на балкон, Пастыря там уже не было, лишь худенький мальчик стоял у каменного парапета, глядя вниз пустым, будто у лунатика, взглядом.

Белый чародей вышел из башни на площадь. Его сияющая белая фигура смотрелась на фоне развалин завораживающе.

Бровка, Хлопуша и Рамон вышли из-за камней и выхватили мечи и кинжалы. Пастырь усмехнулся, вскинул руку и дунул на ладонь. Тотчас с ладони его соскочили три огненных шарика и устремились к путникам.

Первый шарик ударил Хлопушу в грудь и сбил его с ног. Второй взорвался огненным облаком и заискрился перед глазами у Бровки золотым конфетти. Девушка вдохнула золотую пыль, глаза ее закатились под веки, и она рухнула на траву. Третий шарик, резко вытянувшись, превратился в огненную петлю, и петля эта мигом оплела шею Рамона и резко дернула его назад. Рамон упал на землю и забился, пытаясь оторвать от себя огненную змею.

Глеб стоял, широко расставив ноги и глядя на чародея угрюмым, ненавидящим взглядом.

– Это все не настоящее, – спокойно произнес он. – Ты наслал на нас видения.

– Верно. – Пастырь прищурил светлые глаза. – Но смерть их будет настоящей. Это я тебе обещаю.

Глеб выхватил из кобуры скорострел и направил его на чародея.

– Оставь их в покое!

– Не торопись, Глеб, – спокойно ответил тот. – Я хочу с тобой поговорить. Ты не такой, как остальные. Ты слишком часто ходил в Гиблое место, и оно изменило тебя. В тебе его Сила.

– И ты хочешь, чтобы я поделился этой Силой с тобой?

– Было бы неплохо.

Глеб быстро подошел к Пастырю и ткнул дуло скорострела ему в лоб. Тот поднял глаза кверху и посмотрел на черный ствол. Усмехнулся и снова перевел взгляд на Глеба.

– Ты думаешь, что сможешь убить меня? – насмешливо спросил он. – Меня, сына Божьего, великого чародея, который подчинил себе города и села?

– Ты не чародей, – холодно отчеканил Глеб. – Ты просто жалкий фокусник. Гнилой отросток Гиблого места. Ядовитый корень, пробивший себе путь к людям. Но я отрежу тебя, как до этого отрезал другие корни. Ты ведь боишься меня, верно? Боишься каждой клеткой, каждой порой своего тела.

– Ты так думаешь? А как тебе это?

Пастырь чуть качнул головой. В то же мгновение ствол скорострела изогнулся, как гибкое щупальце, ринулся к Глебу и оплел его шею.

Глеб захрипел, выпустил из рук скорострел и попытался оторвать от себя черное щупальце, но не смог.

Пастырь смотрел на него презрительным взглядом.

– Я многое могу, ходок, – небрежно проронил он. – Могу заставить тебя перерезать себе вены. Могу швырнуть тебя в кошмарный сон и оставить там навсегда. Мне подвластно все. Кроме одного. Я не могу покинуть пределы Гиблого места. Вернее – не мог. Но теперь... Теперь здесь появился ты.

Лицо Глеба побагровело.

– Я... не понимаю, – прохрипел он.

Пастырь холодно улыбнулся:

– Твоя Сила поможет мне выйти за межу. Не противься мне, Первоход. Ведь ты такое же темное порождение Гиблого места, как я.

– Чушь!

Пастырь покачал головой:

– Нет, не чушь. Ты пришел к людям из Гиблого места. Как любая темная тварь.

Глеб выхватил из-за пояса кинжал и ударил по щупальцу, но оно продолжало крепко и цепко держать его за шею. Пастырь прищурил светлые глаза.

– Ты никогда не сдаешься, верно? А знаешь, если бы не ты, ничего этого бы не было. Ведь это ты вырвал меня из рук палача. Ты вывел меня из темницы. – Чародей обхватил руками плащ и одним сильным движением распахнул его. – Взгляни!

На голой, белой, как молоко, груди Пастыря темнел черный крест, сочащийся кровью.

– Он все еще кровоточит, Первоход. Но я благодарен за это Господу, потому что сия рана не дает мне уснуть. «Бодрствуйте со мной», – просил Иисус апостолов. Но апостолы уснули, позволив свершиться несправедливости. Я не усну, Глеб. Я не усну.

Толмач Рамон, стряхнув с себя остатки огненной петли, приподнялся, выхватил из-за пояса кинжал и метнул в чародея. Тот молниеносно поймал кинжал, но тут второй кинжал, пущенный рукою толмача, со свистом крутанувшись в воздухе, вонзился Пастырю в плечо.

Чародей взревел от боли, и в ту же секунду черное щупальце, душившее Глеба, отвалилось от его шеи и упало на холодную землю.

Пастырь резко повернулся к Рамону и, выставив перед собой растопыренные руки, яростно прокричал:

– Пусть адские псы разорвут тебя на части, толмач!

В то же мгновение два больших, поросших вековым мхом валуна, лежавших у дверей храма, превратились в огромных черных псов, вскочили на ноги и бросились на Рамона.

Глеб подхватил с земли скорострел и выстрелил Пастырю в грудь. Но чародей с ледяной усмешкой шагнул в сторону и раздвоился. Стрела вонзилась в стену между двумя белыми фигурами.

Пастырь снова шагнул в сторону, и там, где он только что стоял, остался третий двойник. Вперив в Глеба злобный, насмешливый взгляд, чародей принялся кружить вокруг него, и на каждом месте, где он только что стоял, появлялся его двойник. Не прошло и трех секунд, как Глеб оказался окруженным двойниками Пастыря.

Глеб выстрелил в одну из белых фигур, но стрела прошла пустоту и воткнулась в стену. Он выстрелил еще раз, но с тем же успехом.

– Неплохая попытка, ходок! – жутким хором проговорили Пастыри. – Попробуй еще раз.

Глеб попробовал. И снова промах. Белые фигуры захохотали и принялись кружиться вокруг Глеба в дьявольском хороводе. Глеб завертелся на месте, пытаясь определить, который из дюжины Пастырей настоящий.

И тут Хлопуша, лежавший к чародею ближе всех, подхватил с земли горсть праха и швырнул его Пастырю в лицо. Чародей зажмурил глаза и закашлялся.

Белые фигуры исчезли. Глеб вскинул скорострел и нажал на спуск. Передернул скобу и нажал еще раз. А потом еще. И еще. Выпустив четыре стрелы, он опустил скорострел и, тяжело дыша, взглянул на Пастыря, припиленного стрелами к стене храма, подобно огромной белой бабочке.

Из пробитых запястий и плеч на белую хламиду потекла черно-багровая кровь.

– Нет... – хрипел чародей, извиваясь и пытаясь ухватить стрелы зубами. – Нет...

Но зубы Пастыря шелкали впустую. Глеб убрал скорострел в кобуру и вытянул из ножен меч-всеруб.

– Ты хотел почувствовать себя Богом? – холодно проговорил он. – Теперь ты на кресте, как и Он. И что ты ощущаешь?

– Это еще не конец... – прошипел чародей, глядя на Первохода налитыми кровью глазами. – Я вернусь за тобой!

– Из ада не возвращаются, – отчеканил Глеб. – Пусть черти обглодают твои кости, фокусник!

Глеб сжал рукоять меча обеими руками, размахнулся и одним ударом снес чародею голову с плеч. Затем опустил окровавленный меч и подошел к Бровке. Девушка уже приподнялась с земли. Глеб протянул ей руку и помог подняться на ноги.

– Как ты себя чувствуешь, Бровка?

Девушка усмехнулась:

– Как будто меня разжевали и выплюнули.

Глеб снял с пояса флягу и протянул Бровке. Затем повернулся к Хлопуше и спросил:

– Как ты узнал, который из них настоящий?

– Муха, – ответил тот.

– Муха?

Хлопуша кивнул:

– Да, муха. Она села чародею на лицо. Должно быть, почувствовала, что он упырь.

В двух саженях от здоровяка толмач Рамон, кряхтя и постанывая, поднялся с земли.

– ...Die cane maledetto... – бормотал он, морщась от боли в ушибленном плече. – Эти псы были как настоящие. Ненавижу собак. Клянусь айдесским богом, как же я ненавижу собак!

Глеб посмотрел на небо. Прямо над ним висело созвездие Ориона, похожее на огромное распятие.

– А может, Ты и не воскресал? – тихо спросил Глеб, обращаясь к созвездию. – Может быть, ты такой же мертвый, как падшие боги Гиблого места? – Глеб вытер рукою сухие глаза и опустил взгляд: – Ладно... Воскрес ты или нет, но у меня есть работа, и я должен ее доделать.

4

Когда Глеб шагнул в храмовый зал, мальчик стоял посреди зала, но... это уже был не мальчик. Это был коренастый уродец, ростом с юношу, но невероятно мускулистый. Кожа его – серая, бугристая, похожая на панцирь – казалась невероятно крепкой, и, скорее всего, таковой и была.

Широкая пасть уродца устрашала огромными зубами, одного взгляда на которые хватало, чтобы понять – эти зубы перекусят все, что угодно.

Глеба прошиб пот. Он облизнул пересохшие губы и потянул из ножен меч. Мускулистый уродец ринулся на Глеба. Глеб махнул мечом. Уродец вскинул руку, и в руке

его тотчас появился щит. Меч Глеба глубоко вонзился в щит. Уродец резко отвел щит в сторону, и меч Глеба переломился у самой рукоятки.

– Ах ты, тварь! – рявкнул Глеб и выхватил из-за спины скорострел.

Однако выстрелить он не успел. Уродец подпрыгнул, вырвал скорострел из рук Глеба и разбил его в щепки об каменный пол. Глеб попытался схватить уродца, но чудовище перехватило руку Глеба, резко вывернуло ее, а затем ухватило Глеба за куртку и швырнуло об стену.

Силища у маленького урода была невероятная. Глеб поднялся на ноги и сплюнул кровь. Теперь он был безоружен. Глазки уродца вспыхнули кроваво-красным светом. Он зашелкал острыми, как бритвы, зубами и двинулся на Глеба.

Бровка вбежала в зал и быстро встала между ними.

– Нет! – крикнула она. – Не надо!

Уродец остановился и уставился на девушку злобными глазками. Бровка улыбнулась чудовищу обескровленными губами и мягко проговорила:

– Не бойся нас, малыш.

Уродец усмехнулся.

– С чего ты взяла, что я вас боюсь? – пролаял он страшным голосом, который не мог принадлежать человеку.

Бровка протянула к твари руку.

– Какого черта ты делаешь, Бровка? – окликнул ее Глеб. – Он ведь не человек.

Бровка шагнула к уродцу.

– Не бойся нас, – повторила она. – Ты всего лишь маленький, испуганный мальчик. Ты растерялся и не знаешь, что тебе делать. Но я помогу тебе.

– Ты поможешь мне? – Чудовище ощерилось, обнажив два ряда острых зубов. – А кто поможет тебе?

Пальцы Бровки коснулись безобразной морды уродца. Но вместо того, чтобы отхватить ей зубами руку, уродец внезапно поник и понурил голову.

– Не бойся, – снова повторила Бровка. – Ты не один.

Она прижала уродца к себе и погладила его по голове. И вдруг все кончилось. Уже не безобразный уродец, а обыкновенный мальчик рыдал у Бровки в объятьях, а она гладила его по голове и тихо приговаривала:

– Ну, чего ты?.. Чего?

– Я... деда убил... – рыдал мальчишка. – Ударил веслом...

– Это не ты. Это Гиблое место. Оно одурманило вас.

Мальчик отпрянул от Бровки и, всхлипывая, достал из кармана штанов небольшой предмет, похожий на радужный лепесток.

– Вот! – сказал он и протянул лепесток Бровке.

– Что это?

– Дед вынул эту штуку из рыбьего брюха.

Бровка взяла радужный лепесток, повертела его в пальцах, затем протянула Глебу.

Мальчик ткнулся лицом Бровке в грудь и снова заплакал. Его худенькие плечи вздрагивали от рыданий.

– Ну, все... – ласково говорила Бровка, поглаживая его волосы. – Все... Теперь ты не один. Мы увезем тебя отсюда.

* * *

Сидя на плоском камне, посреди залитой сумеречно-багровым светом площади, Глеб прислушался. Толмач Рамон расположился на траве, в паре саженей от него. На коленях у него дремал мальчишка. Рамон поглаживал его смуглой ладонью по волосам и тихо, нараспев, бормотал:

– Лишь тот, кто познал тревогу, находит покой. И лишь тот, кто спускается в

подземный мир, спасает возлюбленную. Тот же, кто не вынимает меча, подобен Орфею, которому боги вместо возлюбленной показали воздушный мираж. Они обманули его, потому что он был робок сердцем, а не храбр. Обманули, потому что он был кифаредом, а не настоящим мужчиной.

Бровка подошла к Глебу и села рядом.

– Замысловато он выражается, – сказал Глеб.

– Ну, на то он и толмач, – улыбнулась Бровка.

Глеб раскрыл ладонь и взглянул на радужный лепесток.

– Пастырь был простым человеком. Он не умел насылать видения. Видения насылал мальчишка. – Он поднес ладонь к глазам. Радужный лепесток озарился мягким сиянием. – Все дело в этой штуковине, – сказал Глеб. – Хочешь, я сделаю так, чтобы в небе вились сказочные птицы и пели нам чудесными голосами? Или усею всю поляну алыми розами? Пока эта штука у меня, я настоящий чародей!

Бровка протянула руку и сложила пальцы Глеба в кулак.

– Не надо, Глеб, – сказала она. – Я устала от чудес.

– Да, ты права. Хватит с нас чудес.

Глеб бросил радужный лепесток на землю и ударил по нему каблуком. Лепесток хрустнул и рассыпался на маленькие, радужные кусочки.

Покончив с чудной вещью, Глеб достал из кармана коробку с бутовыми самокрутками. Вынул одну из коробки и сунул в губы.

Бровка посмотрела, как он курит, и сказала:

– Дай мне попробовать.

Глеб протянул ей дымящуюся самокрутку. Девушка осторожно вложила сигарету в приоткрытые губы, затянулась и закашлялась. Вернула Глебу самокрутку, смахнула с ресниц выступившие слезы и заявила:

– Гадость!

Несколько секунд они сидели молча, глядя на башню, освещенную багровой луной.

– Зачем ему все это, Глеб? – спросила Бровка. – Зачем Гиблое место пытается добраться до людей?

Глеб помолчал. Потом задрал рукав на правой руке и показал Бровке рядок белесых шрамов.

– Видишь? – сказал он. – Их осталось пять. Когда не останется ни одного, тогда я смогу ответить на твой вопрос. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Он опустил руку, затянулся самокруткой и выпустил несколько неровных колечек. Бровка посмотрела, как расплываются они в воздухе.

– Что будет дальше, Глеб?

– Дальше? С рассветом мы отправимся домой. Чародей нам больше не поможет, и темные твари будут поджидать нас за каждым деревом, за каждым кустом.

– Я говорю не про чудовищ. Я говорю о тебе и...

– Уф-ф... – Здоровяк Хлопуша опустился рядом с ними. – Мальчишка уже уснул, а этот чудак Рамон все еще воет над ним свои латинские стишки.

Бровка замолчала и отвернулась.

– Куришь фимиами своим богам? – усмехнулся Хлопуша, глядя на клубы дыма. – Правильно делаешь. Они здорово тебе помогли. А все-таки хорошо, что мы расправились с Пастырем, верно? Он мне никогда не нравился.

Глеб молчал, потягивая свою самокрутку. И тогда Хлопуша заговорил снова:

– А знаешь, почему он проиграл?

– Почему?

– Потому что он был злой. А мы – добрые.

Глеб скосил на верзилу глаза и уточнил:

– И я добрый?

Хлопуша посмотрел на Глеба и кивнул.

– Конечно!

– Гм... – Глеб задумчиво сдвинул брови. – Пару дней назад я бы сказал, что ты ошибаешься. Но теперь... теперь я, пожалуй, соглашусь. Бровка устала от чудес, а я устал от зла. Хочется почувствовать себя светлым Божьим созданием, а не свирепой темной тварью.

– Верные слова, – одобрил Хлопуша. – И что ты будешь делать, когда вернешься в Хлынь?

Глеб усмехнулся:

– Творить добро, разумеется. А ты?

– А я завалюсь в «Три бурундука» и закажу себе огромную жареную баранью ногу! А к ней – полный кувшин хмельного меда! Соскучился я по хорошей естве, паря. Как подумаю про баранью ногу, так живот с голодухи сводит.

Глеб несколько секунд молчал, а потом прыснул от смеха. Глядя на него, засмеялась и Бровка.

– Чего вы? – недоуменно спросил Хлопуша. – Чего смеетесь? Да что тут смешного-то?

Несколько мгновений он молчал, хлопая глазами, затем махнул рукой и расхохотался сам...